

Библиотека англо-американской классической фантастики

«Дети Солнца»

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС

Библиотека англо-американской классической фантастики

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2014

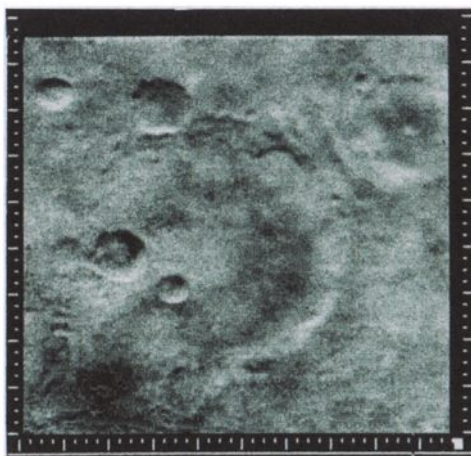
БААКФ-5 (2014)

Серия «Дети Солнца» (1). ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС.
Сборник фантастики о Марсе.
(а.л.: 11,26)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.
Не для продажи.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

«Mariner 4», Снимок поверхности Марса, 1965.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ВЕЧНО ТАИНСТВЕННЫЙ МАРС

Примерно год назад в издательстве «М.И.Ф.» вышел сборник моих переводов фантастики о путешествиях на Венеру. Этот коллективный сборник имел название серии «Дети Солнца». В этой небольшой серии я хотел издать ряд сборников о путешествиях на планеты Солнечной системы. Но остальные книги так и остались неизданными.

Сейчас, в рамках работы над многотомником «Библиотеки англо-американской классической фантастики» (БААКФ), я решил возобновить эту идею. По замыслу, каждая пятая книга БААКФ будет коллективным сборником, посвященным какой-то планете нашей системы. Книги о планетах будут выходить не в том порядке (к сожалению), в каком располагаются планеты нашей системы, а по мере подборки материалов. Началось, как видите, с Марса — планеты, пожалуй, сильнее всего притягивающей фантазию авторов. Далее, в серии будет сборник о Венере (разумеется, не тот, что был в «М.И.Ф.е», а с совершенно иным составом авторов и произведений), затем — сборники о Луне, Сатурне, Плутоне. Остальные планеты будут, пожалуй, представлены всем скопом, ну, может, не в одной, а двух-трех книжках. Название «Дети Солнца» напоминает о том, что все планеты нашей системы — в том числе и Земля, — дети нашего

великолепного светила, сплоченные в одну семью.

Главным произведением данного сборника о Марсе является роман известного всем любителям фантастики Джеймса Бlishа «Добро пожаловать на Марс». Написанный еще в середине шестидесятых годов прошлого века, он, пожалуй, дает обширную картину Марса, актуальную и по сию пору. Уже воплотились в жизнь некоторые смелые – по тем временам, – предположения фантаста о Марсе, например, о том, что там есть вода в замерзшем состоянии (ныне ее нашли автоматические разведчики Красной планеты). Дело осталось за малым – найти на Марсе жизнь, причем, желательно, жизнь разумную. И кто знает, кто знает...

Сборник условно разбит на три смысловые части: «На пути к Марсу», «Первопроходцы» и «Поселенцы».

Местом действия рассказа Р. Уилсона «Убийца с Марса», представляющего собой «классический» фантастический детектив, является космический лайнер, летящий с Земли на Марс.

В разделе «Первопроходцы», кроме Бlishа, Марс исследуют еще и герои повести Дж. М. Мартина (не путать со знаменитым ныне Мартином!) «Город мертвых».

А в рассказах авторов последнего раздела «Поселенцы» люди всю жизнь живут на Марсе, торгуют или конфликтуют с туземцами, а заодно раскрывают самые сокровенные тайны этой древней планеты. И я почему-то уверен, что когда-нибудь будет, пусть и не совсем так, как описано в старой фантастике, или даже совсем не так, но все-таки непременно будет. Люди станут жить на Марсе, Венере и других планетах и спутниках нашей системы, а потом (а может, одновременно) полетят к звездам. Либо так, либо Человечество вообще не выживет. Иного пути нет.

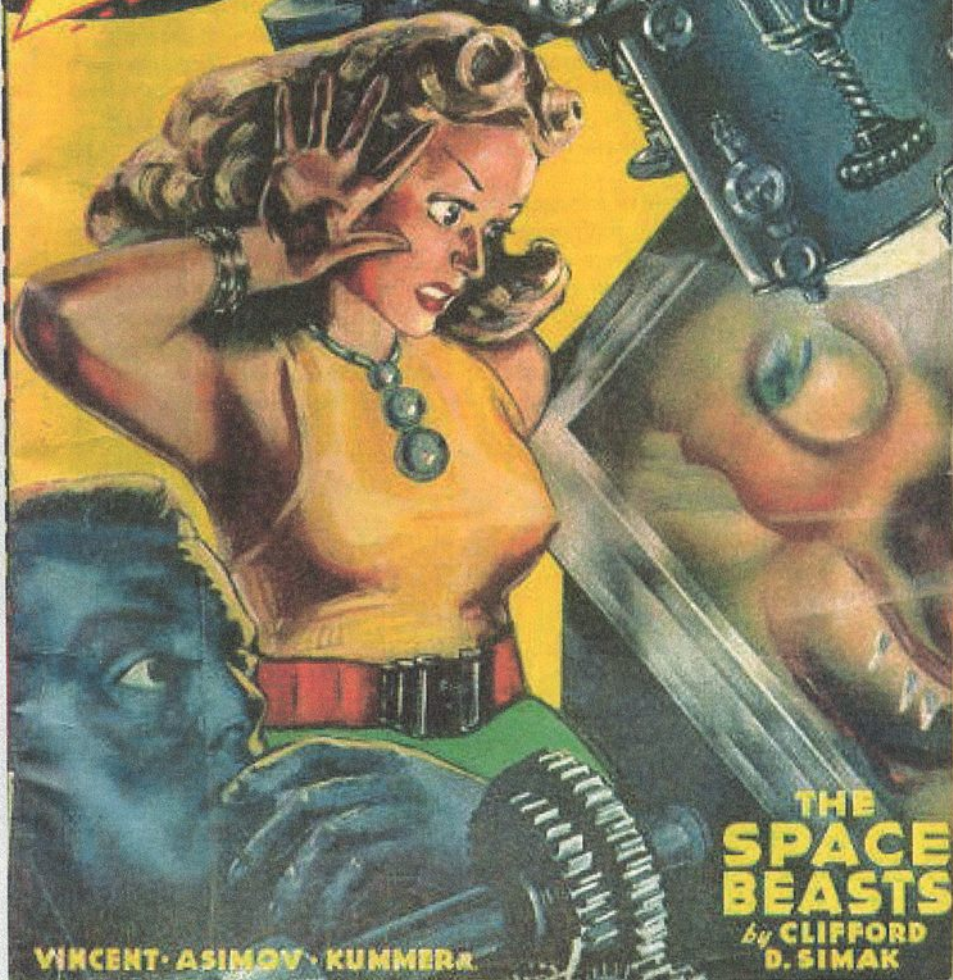
Андрей Бурцев

10¢

ASTONISHING

STORIES

APR

VINCENT • ASIMOV • KUMMER &

THE
SPACE
BEASTS
by CLIFFORD
D. SIMAK

РИЧАРД УИЛСОН
УБИЙЦА С МАРСА

РЭЙ КАРВЕР высунулся из-под одеяла и, не открывая глаз, попытался нащупать трубку вопившего телефона, но она выскользнула у него из руки.

– Мерфи! – завопил он. – Телефон!.. Какой черт звонит посреди ночи?..

Молодой азиат прошлепал в комнату и поднял трубку.

– Ал-ло? – Мгновение он послушал. – Это вас, мистер Рэй. Капитан.

Карвер с трудом разлепил один глаз.

– Капитан? Капитан чего?

– Корабля. Капитан корабля.

Карвер резко сел и застонал, схватившись за голову.

– Джин, – торжественно объявил он, – это изобретение Сатаны. Положи трубку, Мерфи... Какой, к черту, корабль? Мы что, на корабле?

Азиат кивнул в знак согласия.

– Но мы ведь плывем не в Европу? Терпеть не могу Европу. Там всегда куча балконов и диктаторов, толкающих с них речь... Скажи мне, что мы плывем не в Европу, Мерфи...

– Не в Европу, мистер Рэй. Мы летим на Марс.

– На Марс?.. Дьявол все побери! Почему мы летим на Марс? Что вообще было прошлой ночью?

Рэй Карвер был на борту «Барсума», роскошного лайнера стоимостью в миллиард долларов, флагмана компании «Космические перевозки, ЛТД». Лайнер совершал ежемесячный перелет с Земли на Марс. Карвер, естественно, слышал о нем, но никогда и не думал на нем путешествовать. Прошлой ночью была буйная вечеринка – праздновали обвинительный приговор шайке саботажников, которую Карвер раскрыл, проведя талантливое следствие в Интеразиатской корпорации. Постепенно он вспомнил, как все было. Они праздновали начало отпуска, который Карвер решил позволить себе, учитывая последнюю плату за свои услуги, и он с приятелями – к этому времени ставшими совершенно неуправляемыми, – решили,

что Карверу нужно отправиться в космический круиз. Карвер никогда не был в космосе. Он был горячим сторонником слогана, пущенного океанскими лайнерами, воздушными трассами и железными дорогами: «Сперва осмотри всю Землю!» Но в тот момент предложение показалось ему заманчивым. Почему бы и не «Барсум»? Лайнер улетал через три часа. Так что Карвер, нетвердо стоявший на ногах и поддерживаемый восторженными приятелями, наскоро собрался, и большой автомобиль умчал его в Альбукерку, Нью-Мексико, где Карверу удалось — при помощи сотни долларов — убедить одетого в форму джентльмена в воротах, что бронирование мест устарело и не является таким уж необходимым.

ПОКА КАРВЕР все это вспоминал, телефон в руке Мерфи продолжал что-то квакать.

— Давай мне эту чертову трубку, — велел Карвер, — и принеси выпить... Привет!

— Доброе утро, мистер Карвер. Говорит капитан Джерсон. Не будете ли вы так любезны подойти ко мне в каюту, как только окажетесь в состоянии? Есть один небольшой вопрос, который я хотел бы обсудить с вами.

— Приду через полчаса, — буркнул Карвер и вытянул из кровати все шесть футов своего бронзового, мускулистого тела. — Ванна готова, Мерфи?

— Все готово, мистер Рэй. Вода ледяная.

Карвер привез Мерфи из своего очередного путешествия по миру, наняв его в качестве гида в Алжире, да так и оставив при себе. И хотя Мерфи имел чисто восточную внешность, национальность его была неизвестна, да и Мерфи было не настоящим именем. Настоящее его имя походило на название валлийской железнодорожной станции, то есть было совершенно непригодным, так что Карверу пришлось сократить его до «Мерфи». И Карвер не прогадал, Мерфи оказался настоящим кладом полезных услуг.

Принявший ванну, побрившийся и позавтракавший стаканчиком виски с содовой и сигарой, Рэй Карвер постучал в дверь капитанской каюты.

Открыл ему сам капитан Джерсон и пригласил сесть в кресло. Капитан был высоким, долговязым человеком с усами и выглядел так, словно ни разу в жизни не выходил на улицу. Карвер сравнил чрезвычайную бледность его лица и незагорелых рук с румяными, пышущими здоровьем лицами капитанов прежних времен, водивших корабли из дерева и холстины через бурные моря. Да, капитаны уже не те, подумал он. Теперь им нечего делать, как только звонить и вытаскивать людей из постели.

— Сразу приступлю к делу, — сказал Джерсон, подвигая через стол

коробку с сигарами.

– Валяйте, – кивнул Карвер и сунул в карман полдюжины сигар для Мерфи, который до безумия любил их и неистово курил, когда думал, что его хозяина нет поблизости.

– Кажется, это убийство.

– Как захватывающе, – пробормотал Карвер. – Это такая игра?

НА ЛИЦЕ Джерсона появилось раздражение.

– Убийство – серьезное дело, сэр. Особенно, если оно происходит на борту такого корабля.

– Не хотите гласности?

– Да. Особенно, если убитый – граф Паоло ди Спиро, – капитан сделал выразительную паузу.

– О-о! – поднял бровь Карвер. – Мой старый приятель ди Спиро. Шпион, убийца, вор и все такое... Он умер в мучениях?

– Он выглядит очень спокойным, только плоть в районе его сердца превращена в золу.

– Тц-тц-тц! – прищелкнул языком Карвер. – Я полагаю, пепел есть и на всей его одежде? Ди Спиро был таким безразличным...

Капитан прокашлялся.

– Возьмите сигару, – предложил он.

Карвер взял из коробки еще горсть.

– Мне известно, кто вы, мистер Карвер. И ваша слава в деле Интернациональной корпорации побуждает меня спросить, не возьметесь ли вы за этот случай? Такая ситуация, как вы понимаете, большая редкость на борту «Барсума». Фактически, это наше первое убийство.

– Как печально.

– До сих пор у нас не было необходимости в поиске убийц и прочих преступников. Поэтому, если бы вы сделали нам одолжение и взялись за это дело, мы были бы вам чрезвычайно обязаны.

Карвер зевнул исподтишка.

– Вспомните, капитан, что я в отпуске. По крайней мере, мне так сказали. И я всегда ненавидел внеслужебные расследования.

– Я уверен, что владельцы не останутся в долгу, – нахмурился Джерсон.

– Будем надеяться. Мне всегда казалось, что пятьдесят тысяч долларов – чертова прорва денег за прогулку на Марс, особенно, если человек не помнит, как он вообще полетел. Вы можете что-нибудь сделать в этом направлении.

Капитан Джерсон встал и потер руки.

– Думаю, мы поняли друг друга. Пойдемте в каюту покойного?

– Где умерший, к счастью, не подлежит восстановлению?

И Карвер улыбнулся, заметив вытянувшееся лицо капитана.

ТЕЛО БЫЛО не тронута. Ди Спиро остался сидеть в естественной позе в постели, откинувшись спиной на подушку, с книгой в правой руке. Сигарета в левой догорела дотла и подпалила ему пальцы. Монотонно все еще небрежно торчал в его правом глазу. Левая сторона груди в пижаме кричащей расцветки превратилась в черную массу. Без особого труда Карвер учуял запах горелого мяса.

— Марианна, «Откровенная биография», — прочитал Карвер, нагнувшись, название книги. — У него всегда был плохой вкус — и в пижамах, и в литературе.

Карвер прошелся по каюте, жужжа под нос и мысленно фотографируя обстановку. Потом обыскал одежду ди Спиро, аккуратно повешенную на стул, нашел в карманах ароматный носовой платок, бумажник и красную записную книжку.

— Ага! — сказал Карвер, подмигнул капитану, который неловко торчал в дверном проеме, и, усевшись в мягкое кресло, пролистал книжку. — Быстро работает, — кивнул он на ди Спиро. — Всего лишь несколько часов на корабле и... Вот послушайте: «Лоис. Каюта 17С. Экст. 165. Кто занимает 17С, капитан?

— Не знаю, но могу для вас узнать.

— Пожалуйста, сделайте милость. И я вас не задерживаю, если наш друг на кровати нервнует вас.

Джерсон был рад убраться отсюда. Несколько секунд Карсон сидел, размышляя. Глаза его остановились на чем-то белом, лежащем на полу возле трупа ди Спиро. Карсон не поленился нагнуться и поднять его. Это оказался треугольный кусочек бумаги, выглядывший оторванным углом листа. Карсон сумел разобрать на нем слова: «...американского правительства, отдел...»

Сунув бумажку в карман, он стал осматривать каюту дальше. Полный обыск багажа не дал ничего полезного. Телевизор в углу каюты занял его внимание на целую секунду. Карсон повернулся и долго глядел на убитого, задумчиво пощипывая нижнюю губу.

Потом вышел из каюты, запер дверь на ключ, который дал ему капитан, и медленно пошел по коридору.

НЕ УСПЕЛ он сделать и дюжину шагов, как его нагнала матрона с чопорным лицом, тащившая на поводке твякающего шпица и взволнованно размахивающая лорнетом.

— Прошу прощения, но вы ведь мистер Рэймонд Карвер?

Карвер согласился с этим, неприязненно глядя на собаку, которая подозрительно фыркала, обнюхивая его брюки.

— Как дела, мистер Карвер? Я так счастлива познакомиться с вами! Меня зовут Люсинда Снарв. Раз уж мы попутчики, то что бы вы сказали, если бы мы познакомились поближе? Эти длинные перелеты такие утомительные, если не с кем скоротать время. А вы так не

думаете?

Карвер не отказался, что, может, он так и думает.

– Я слышала о вас вполне достаточно, чтобы... Тихо, Фифи! Оставь в покое хорошего человека! Может, вы тоже слышали обо мне? Я – президент Саутпортского Общества Духов. Вы верите в призраков, мистер Карвер?

– Боюсь, что нет, мисс Снарв. А теперь простите, но у меня есть неотложные дела. Надеюсь, мы еще увидимся. – В глубине души Карвер искренне понадеялся, что нет.

– Но, мистер Карвер, я хочу вам кое-что сказать...

– Может, в следующий раз? До свидания... – И он сбежал от нее, свернув за угол.

– МЕРФИ, у меня есть задание для тебя. Возьми этот ключ и беги в каюту 24Б. Возьми с собой оборудование для снятия отпечатков пальцев и проверь там все, что возможно. В каюте лежит человек, но пусть он тебя не беспокоит. Он мертв. – Карвер знал, что одного трупа будет недостаточно, чтобы беспокоить Мерфи.

– Дассэр! Звонил капитан, пока вас не было. Просил, чтобы вы перезвонили ему. Насчет какой-то Лоис. – Он широко улыбнулся. – Подцепили подружку – так быстро, мистер Рэй?

– Не твое дело, раскосый Купидон. Отправляйся и сделай так, как я сказал. Только действуй повнимательнее.

Через пятнадцать минут Карвер и капитан Джерсон снова оказались наедине в каюте последнего.

– Ну, что, капитан? – спросил Карвер. – Что вы узнали о леди из красной книжечки?

– Ее зовут Лоис Кларк. Она занимается закупками для концерна нарядов с Парк-авеню.

– Гм... Вы уже беседовали с ней?

– Только неофициально. Я решил, что вы сами хотите провести допрос.

– Да, – кивнул Карвер. – И организуйте все, чтобы представить меня обществу сегодня в столовой за обедом.

– Разумеется. У вас есть какие-нибудь мысли о том, как был убит граф. Это обугленное пятно...

– Я уже видел подобные раны – всегда смертельные, видите ли, – во время балканского восстания. Это оружие было контрабандой ввезено на Землю. Одно из наиболее сомнительных достижений марсианской культуры... Капитан, я заметил в комнате ди Спиро телевизор.

– Естественно. В каждой каюте есть телевизор. В этом нет ничего необычного.

– Только не в данном случае. Это, видите ли, не приемник. Это

— передатчик.

— Но это невозможно! Там нет для него места... — нерешительно начал капитан.

— Кажется, это передатчик нового типа, — перебил его Карвер. — Их ныне все больше миниатюризируют. Это компактный передатчик — не больше коробки из-под сигар. Он подключен к уже находившемуся там телевизору, незаметно так...

КАПИТАН всем своим видом продемонстрировал удивление.

— Но кто принес его туда? Убийца?

— Я так не думаю. Я склонен предположить, что он установлен за некоторое время до убийства человеком или группой неизвестных лиц, чтобы шпионить за ди Спиро.

— Что вы говорите?!

— То, что действительно думаю. — И Карвер достал клочок найденной им в каюте бумажки. — Если я не очень ошибаюсь, то он оторван от чертежей какого-то засекреченного устройства или чего-то подобного, что было украдено у нашего дорогого покойника.

— Вы хотите сказать, что граф был сотрудником американской секретной службы?

— Вряд ли, — усмехнулся Карвер. — Более вероятно, что он украл у кого-то этот чертеж. Соединенные Штаты не нанимают типов, подобных ди Спиро.

— И кого вы подозреваете?

— У нас полный корабль людей, есть из кого выбирать. У меня нет на примете какого-то особенного злодея.

Джерсон протянул Карверу буклет.

— Здесь список пассажиров. Возможно, вы отыщите в нем что-нибудь полезное. Это моя личная копия. В ней пассажиры занесены по имени и роду занятий.

— Ну, я не думаю, чтобы кто-нибудь зарегистрировался как Джонс Буч, убийца, не так ли? Однако, я возьму его и изучу попозже, если позволите.

— Конечно, — кивнул капитан. — А что относительно... м-м... трупа? Вы уже закончили с ним?

— Вполне. Можете делать с ним то, что обычно делаете с такими предметами. Например, накормите им космических акул.

— У нас на борту есть лицензионный гробовщик, как раз для подобных случаев. Конечно, я не имею в виду убийства, но во время полета люди иногда умирают. Видите ли, это долгое путешествие, и... Доктор проведет осмотр и его отчет вместе с вашим будет вручен марсианским властям, когда мы прилетим в Лугану.

— Вместе с ди Спиро, мирно лежащим в очень подходящем для него гробу.

– Что? А, да!.. А как насчет отпечатков пальцев? Вы что-нибудь обнаружили?

– Мой неоценимый помощник как раз над этим работает. У нас будет в деле полный комплект на случай, если они понадобятся. То есть, на тот случай, если нам удастся накинуть уздечку на выглядевшего достаточно виновато подозреваемого. А теперь извините, но мне надо пойти переодеться к обеду. Он ведь начинается ровно в семь?

КОГДА КАРВЕР вышел от капитана и пошел по смотровой палубе к своей каюте, то услышал позади женский голос:

– Эй-ей! Мистер Карвер!

Он неблагоразумно обернулся и увидел мисс Люсинду Снарв. Его участь была предрешена. Карвер вздохнул, сбавил шаг и попытался храбро улыбнуться.

Мисс Снарв, таща на поводке несчастную Фифи, спешила за ним, пыхтя, как пароход.

– Как удачно, что я так быстро снова встретила с вами, мистер Карвер. Должно быть, это судьба... карма, как называют ее индусы. Вы верите в судьбу, мистер Карвер?

– Наверное, мисс Снарв. Каждый раз, когда я оказываюсь на палубе, то встречаю вас. Что же это, если не судьба?

Она секунду подумала и приняла решение посчитать это комплиментом.

– Как приятно это услышать, потому что в прошлый раз вы сказали, что не верите в призраков и... Стой, Фифи!

Фифи увидела своего собачьего бойфренда, бросила жевать шнурки Карвера и стала рычать и рваться с поводка.

– Ну, мне кажется, я могу изменить ваше мнение, – сказала мисс Снарв, невольно дергаясь от рывков Фифи. – Видите ли, только вчера вечером я увидела призрака. Это была высокая, светящаяся фигура...

– Помочь вам с Фифи, мисс Снарв? Кажется, у вас с ней небольшие разногласия?

– О, мистер Карвер, вы так заботитесь обо мне!.. – Она передала ему поводок. – Как я уже сказала, это была большая, высокая... Фифи! Фифи!

Улучив подходящий момент, Карвер выпустил поводок, и собака помчалась вдогонку на своим собачьим счастьем. Это немедленно заставило мисс Снарв пуститься в погоню за своей девочкой.

– Мне так жаль, – рассмеялся Карвер и быстро пошел в противоположную сторону.

Добравшись до своей каюты, он рухнул в кресло, вытирая пот со лба. Чуть позже появился Мерфи.

– И какие у тебя новости, о, Шерлок? – спросил его Карвер. – Ты проследил за грязным убийцей до его логова?

– Я нашел пять комплектов отпечатков пальцев, мистер Рэй. Один из них ваш. Может быть, это вы убили мистера ди Спиро, а?

– Боюсь, что не так все просто, мистер Чан. Вероятно, вы обнаружите, что один из комплектов принадлежит капитану, еще один – доктору, а два других – ди Спиро и стюарду, обнаружившему тело.

– Дассэр! Пойду закреплю их.

– Не так быстро! Что у тебя под мышкой? Ты что, занимаешься ограблением мертвых?

Мерфи, сконфузившись, протянул Карверу «Откровенную биографию» Марианны.

– Я подумал, что мне стоит попрактиковаться в чтении. Она хорошо выглядит. Горячая штучка!..

– Ладно, – усмехнулся Карвер, – только не читай ее в постели. Вспомни, что случилось с ее предыдущим владельцем.

ЗАТЯНУТЫЙ в смокинг, Карвер вошел в огромный обеденный зал «Барсума». Подошедший официант провел его мимо сидящих за столиками пассажиров к столу капитана, где усадил по правую руку от Джерсона. Справа от Карвера оказалась удивительно симпатичная девушка, миниатюрная, белокурая, но сидящая с таким видом, словно вот-вот заплачет над своим супом.

– Добрый вечер, мистер Карвер, – кивнул Джерсон. – Мисс Кларк, могу я представить вам мистера Рэя Карвера? Мистер Карвер, мисс Кларк.

Девушка кивнула с бледной улыбкой и, пробормотав извинения, внезапно выскочила из-за стола и чуть ли не бегом покинула обеденный зал. Карвер тоже извинился и последовал за ней, не обращая внимания на то, что на него уставилось множество глаз.

Девушку он нашел на смотровой палубе, сидящей в одном из кресел и наблюдающей за звездами, которые казались лишь точками света, разбросанными по бархату бесконечной ночи. Карвер подвинул к ней пустое кресло и тоже сел.

– Если бы я знал, что так шокирую вас, то сел бы сегодня вечером за другой стол, – сказал он.

Девушка взглянула на него, и Карвер увидел слезы на ее глазах.

– Пожалуйста, простите меня, – прошептала она. – Я вела себя очень грубо.

– С превеликим удовольствием. Тем более, что вы можете в свою очередь простить меня через мгновение, если я, фигурально выражаясь, наступлю вам на ногу. Вы, оказывается, знали графа Паоло ди Спиро?

– Да, он мой дядя. Капитан Джерсон рассказал мне о... его смерти.

– Мне ужасно жаль... Вы любили его?

– Я его ненавидела! Я знаю, что это был за человек, мистер Карвер. Совершенно беспринципный и к тому же шпион. Он... не знаю, почему я рассказываю вам это...

– Пожалуйста, продолжайте. Вы можете мне доверять.

Она с благодарностью улыбнулась ему. Карвер слушал, как зачарованный, пока она рассказывала ему о своей жизни. Ее мать была итальянкой, а отец – англичанином. Она еще была ребенком, когда родители погибли в автокатастрофе. Ди Спиро, ее единственный родственник, позаботился о ней, послав ее учиться в первоклассную школу в Швейцарии. Тогда он был очень любезен. Но позже, когда она закончила обучение в пансионе благородных девиц, он понял, какой ценностью могли быть для него ее красота и очарование. Она начала ездить с ним по миру, и он постепенно вводил ее в мир шпионажа и интриг. Ей это не нравилось, но у нее не было другого выбора.

– У меня больше никого не было. Не могу сказать, что он заботился обо мне – я просто была для него полезным инструментом. Он без колебаний избавился бы от меня, если бы я предала его. Он был беспощаден... – Она содрогнулась.

Карвер не забыл погладить ее ручку, ощущая волнение при этом прикосновении, и, чувствуя себя очень глупо, пробормотал: «Ну, ну...»

На ее щеках блеснули слезы, и Карвер протянул ей носовой платок.

– Вы так добры, мистер Карвер.

– Зовите меня Рэй.

– Спасибо, Рэй... Предыдущей ночью, в Нью-Йорке, я ждала его в отеле с упакованным багажом, стоящим посреди номера. Вернулся он поздно и очень спешил. Мы с сумками поехали в аэропорт и вылетели в Альбукерку, где сели на «Барсум». Он обмолвился, что украл секретные чертежи нового робота-бомбардировщика. Он собирался продать их «Глоре»... Вы знаете о нем?

Карвер знал. «Глора» – ужасная тайная революционная организация Тулони, одного из государств Марса.

– Чертежи были на двух листах. Один он оставил себе, а другой отдал мне.

– Что? У вас есть вторая половина чертежей?

– Да. Она в моей каюте. Я... Мне страшно.

– У вас есть серьезные основания бояться. Лоис... Могу я?..

– Пожалуйста, – очаровательно улыбнулась она.

– Лоис, вы в очень серьезной опасности. Кто бы ни убил вашего дядю, он не удовлетворится полбуханкой хлеба.

– Знаю. Именно поэтому я и спрашиваю: вы поможете мне?

Помочь ей! Да Карвер отдал бы свою бессмертную душу, если бы

душа вообще существовала, чтобы быть возле нее.

— Послушайте, вы должны отдать чертежи мне. Думаю, я сумею поймать убийцу в ловушку, если все пойдет, как надо. Кто-нибудь из клиентов вашего дядюшки знает, что вы помогаете ему?

— Нет. Меня всегда представляли, при необходимости, как племянницу или секретаршу.

— Отлично!.. У вас в каюте есть телевизор?

— Нет, здесь нет телевизоров в маленьких каютах.

— Все лучше и лучше. Но все равно, я думаю, нам нужно спуститься и все осмотреть. В телевизор, установленный в каюте вашего дяди, был вмонтирован телепередатчик. Я подозреваю, так они и узнали, где он прячет чертежи... Вы не возражаете?

— Конечно же, нет.

Они покинули смотровую палубу. Карвер держал девушку под руку и имел все основания опасаться, что влюбился в нее.

КАЮТА ЛОИС на палубе С была как раз такого размера, чтобы там разместилась кровать, стул, туалетный столик и полка для чемодана. Больше ничего туда бы уже не вошло. Какая же ди Спиро крыса, подумал Карвер. Сам путешествовал в роскоши, а свою племянницу запер буквально в чулан. Он тщательно осмотрел помещение в поисках передатчика, подобного тому, какой был установлен у ди Спиро, и, ничего не найдя, вздохнул с облегчением. Лоис открыла чемодан и достала оттуда меховую муфту. Расстегнув в ней потайной кармашек, она вытащила чертежи. Карвер бегло просмотрел их и убрал в нагрудный карман.

— Оставайтесь здесь до конца вечера, — сказал он. — Никого не пускайте. А я поиграю в контрразведчика. С утра первым же делом навещу вас. Спокойной ночи, Лоис.

— Спокойной ночи, Рэй. Будьте осторожны.

Он нехотя отпустил ее руку и отправился к себе в каюту.

Мерфи уже ждал его там со стаканчиком виски. Карвер с благодарностью выпил его.

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня очень внимательно, Мерфи. Сегодня вечером я хочу проявить свою природную хитрость и ловкость рук, и мне может понадобиться твоя помощь. Не забудь нож, который ты любишь прятать в рукаве. Мы пойдем к ди Спиро и украдем бумаги, которые находятся сейчас у меня в кармане. Убийца будет вести наблюдение через его телевизор. Ты останешься у входа. Когда он увидит, что я достал бумаги из багажа ди Спиро, он нападет на меня. Но при этом неминуемо наткнется на тебя. Понимаешь?

Мерфи широко улыбнулся.

— Хорошая задумка, мистер Рэй. Я понимаю.

— Прекрасно. Подождем немного, пока пассажиры не уgomонятся.

Часиков в одиннадцать, я думаю, все стихнет.

В одиннадцать с минутами ночи Рэй Карвер проник в каюту ди Спиро, открыв дверь ключом. Мерфи остался наблюдать в коридоре. Карвер заметил еле слышимое жужжание и огонек, мерцающий в дополнительной приставке к телевизору. Их было трудно заметить, если не знать о них заранее.

Карвер прошел прямо к багажу ди Спиро, подсвечивая себе фонариком. Он хотел, чтобы наблюдатели решили, что он действует наугад. Для виду он пошарился в ящиках, словно что-то искал, потом, тихонько присвистнув, сделал вид, что достает из внутреннего отделения в чемодане пачку бумаг, хотя на самом деле достал их из кармана. Он просмотрел их, старательно освещая фонариком, затем сунул обратно в карман и вышел из каюты.

Карвер быстро пошел по коридору, но тут перед ним внезапно возник столб света и стал изменяться, принимая очертания человека. Он походил на призрак...

Призрак! Ну, конечно же! Почему он не выслушал Люсинду Снарв, специалистку по привидениям? Что она тогда сказала?.. «Высокая светящаяся фигура...» Дрожащие контуры ее уплотнились. Это был человек... Марсианин, поправил себя Карвер, который видел фильмы о Марсе, снятые земными туристами. Он был около семи футов росту, широкий в плечах и одет в какой-то блестящий металлом костюм. Шлема на нем не было. Короткие голубовато-седые волосы дыбом стояли на голове. Лицо пылало грубой красотой. На груди была коробка – миниатюрный приемник, подумал Карвер, для телепередатчика. Талию затягивал широкий пояс из того же материала, что и костюм, с кнопками и рычажками. Карвер заметил, какую кнопку он нажал перед тем, как материализовался. В левой руке был короткоствольный пистолет, не больше земного, но с очень широким дулом. Возможно, из него и убили ди Спиро.

Призрак заговорил на... чисто английском языке.

– Добрый вечер, мистер Карвер! Я полагаю, у вас все в порядке. И также я полагаю, что вы предпочтете сохранить здоровье, передав мне чертежи, что лежат у вас в кармане.

– К чему эти формальности? – усмехнулся Карвер. – Почему бы не подстрелить меня, как вы сделали с ди Спиро?

– Я искренне надеюсь, что в этом не будет необходимости, – так же усмехнулась фигура в металлическом костюме. – Мы бы не причинили вред графу, если бы он играл с нами честно. Мы были готовы хорошо заплатить ему за чертежи. Но когда он попробовал... как вы говорите – надуть нас? – мы разозлились. Нельзя было допустить, чтобы чертежи попали в руки правительства Тулони. Это отсрочило бы начало нашей революции на неопределенное время.

– Вашей? – стал тянуть время Карвер. – Вы имеете в виду «Глору»?

Его собеседник наклонил голову.

– Ваш покорный слуга, сэр.

– Простите, мистер Глора...

Старый добрый Мерфи, – подумал Карвер.

Марсианин резко обернулся. Азиат, незаметно подкравшийся к нему сзади, схватил его левую руку и, используя прием джиуджитсу, выбил из нее пистолет, который, гремя, полетел по коридору. Карвер прыгнул вперед и схватил вторую руку.

– Пояс, Мерфи! – закричал он. – Отстегни его пояс!

Марсианин боролся с отчаянной яростью, но не мог противостоять двум решительно настроенным землянам. Металлический пояс последовал на пол вслед за оружием. Карвер поднял с пола пистолет.

– Не делайте резких движений, член «Глоры», – сказал он. – Вы знаете, на что способна эта штука.

– Знаю, – снова улыбнулся марсианин. – Вам повезло, что вы целитесь мне в голову. Мой костюм он бы не пробил.

Карвер что-то проворчал в ответ. Он восхищался нервами этого существа. Пассажиры и часть офицеров «Барсума» сбежались, привлеченные дракой. Среди них был и капитан.

– Что тут происходит? – требовательно спросил Джерсон. – Что все это значит?.. А, привет, Карвер. Кто это... этот человек? – Он с любопытством уставился на марсианина.

– Я – Лэн Йорэл, капитан Джерсон. Добрый вечер. Можете поблагодарить мистера Карвера и его храброго желтокожего друга за мою поимку. Мистер Карвер очень хитер. Я восхищаюсь его уловкой.

– Вот ваш убийца, капитан, – сказал Карвер, – хотя он заслуживает лучшего названия. Так что отнеситесь к нему с уважением. Он – джентльмен. И не забывайте, что он убил ди Спиро, а потому он – мой друг.

РЭЙ КАРВЕР проснулся на следующее утро рано, оделся более тщательно, чем обычно, прикрепил в отворот пиджака цветок из оранжереи «Барсума» и отказался от утреннего стаканчика виски, который приготовил ему Мерфи.

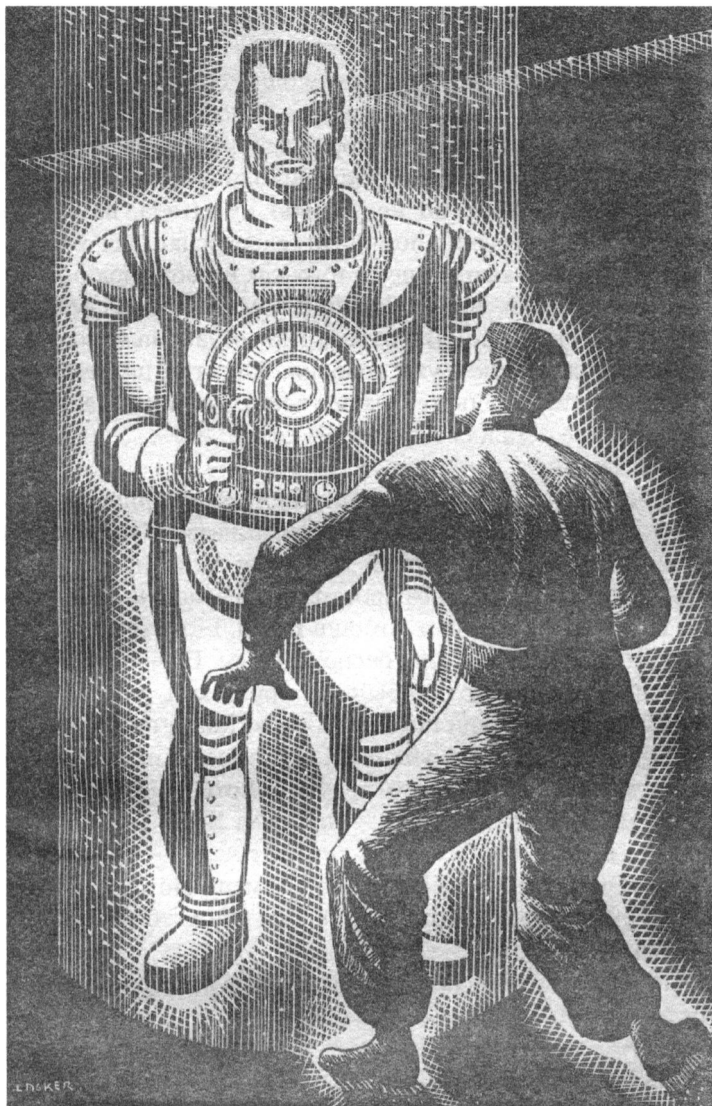
– Любовь, – сказал он своему удивленному слуге, – и без того возбуждает.

И он отправился навестить мисс Кларк.

Когда он постучал в дверь ее каюты, она была уже одета и ждала его.

– О, Рэй, любимый, я так рада, что с вами все в порядке. Я вчера вечером долго не могла уснуть...

– Самое главное то, что для вас все кончилось, ангел мой. Вы не

прочь немного позавтракать? Пары ложек супа вчера вечером было явно не достаточно.

После завтрака они отправились к капитану и нашли его, удивленно изучавшего пистолет и металлический пояс, изъятые у марсианина.

Когда они вошли, капитан поднял взгляд.

— Приветствую вас обоих. Карвер, черт поberi, что это за штука? Пистолет выглядит достаточно обыкновенным, но пояс поставил

меня в тупик. И где вы откопали этого Йорэла? Его ведь нет в списке пассажиров...

Карвер взял пояс и открыл крышку одного из его сегментов, под которой оказались спрятаны сложенные бумаги.

— Вот чертежи, — сказал он. — Йорэл действительно не был пассажиром. Он был членом тайной революционной организации «Глора Тулони». Он действовал по поручению их штаба, шпиона за ди Спиро, как я и подозревал, с помощью телепередатчика, который его агенты установили в каюте еще до того, как корабль покинул Землю. У «Глоры», знаете ли, есть собственные выдающиеся ученые, трудящиеся ради Революции. Вероятно, ими создано немало подобных устройств. Оружие, как я уже говорил, известно на Земле, но вот пояс — это кое-что новенькое. Скорее всего, это лишь часть устройства, а остальное осталось на Марсе.

— Но для чего он?

— Смотрите, вот выключатель. Он работает по принципу высокочастотных звуковых волн. Еще это можно назвать атомным транспортировщиком. Эта штукавина разбирает тело на атомы, мгновенно перебрасывает их через пространство в любую нужную точку и снова собирает их там при помощи пояса. Естественно, когда мы отняли у Йорэла пояс, он стал беспомощным. Еще эту штуку называют телепортацией. Йорэл и был тем призраком, который увидела моя знакомая спиритуалистка мисс Снарв. Когда она его заметила, он, наверное, уходил после убийства ди Спиро. А первоначально он материализовался, скорее всего, прямо в каюте.

— А как марсианин, капитан? — спросила Лоис. — Я полагаю, вы держите его в кандалах?

— Вчера вечером мы поместили его в камеру. Но когда утром пришли к нему, он был уже мертв. Яд. Он сам убил себя.

— Как жаль...

На мгновение настала тишина. Затем Лоис прошептала:

— Ну, же, давай, чурбан. Спроси его...

— Что?.. Ах, да. Капитан Джерсон, сэр, у вас же есть полномочия совершать браки на борту «Барсума». Мы тут решили...

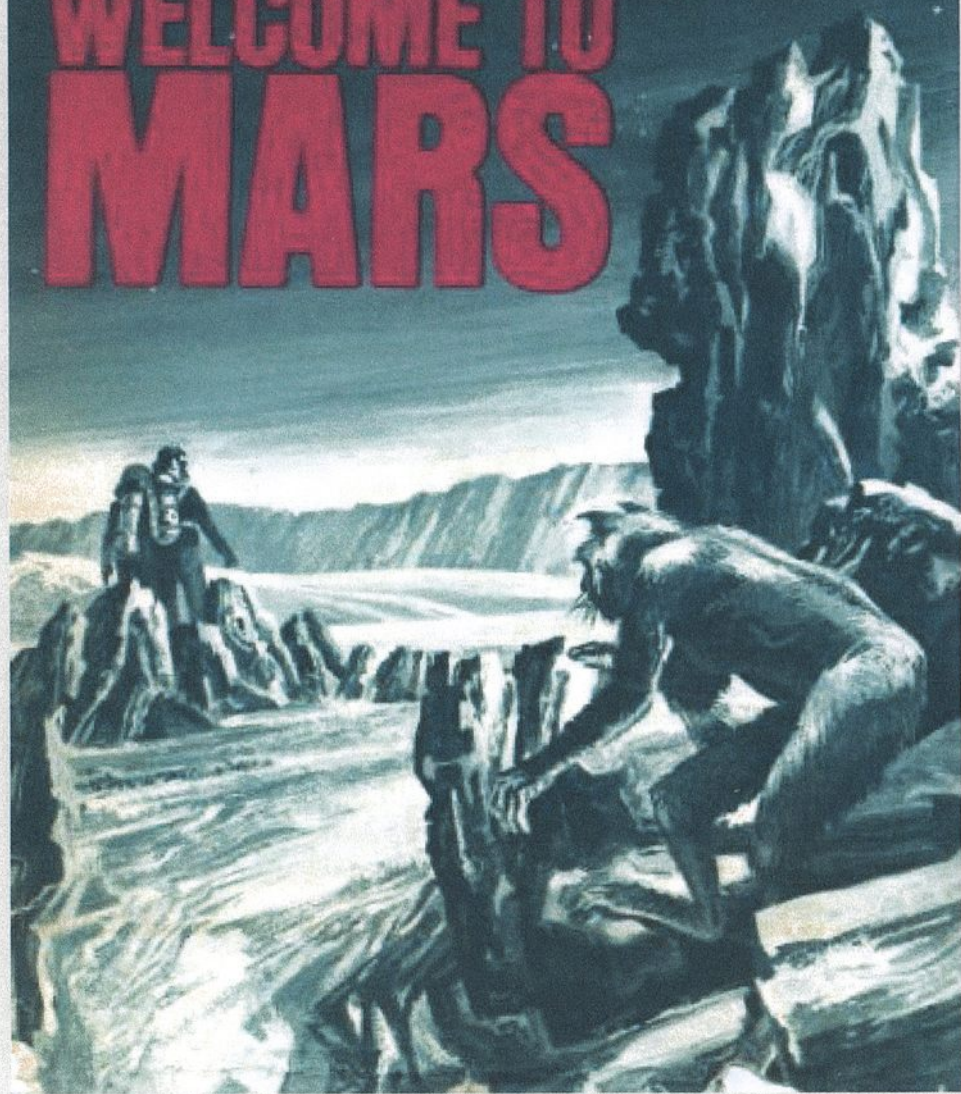
— Так быстро? — усмехнулся капитан. — Конечно же, есть. Так что все будет в порядке. — Он широко улыбнулся Лоис. — Надеюсь, вы будете счастливы. — Карверу он сказал: — Мои поздравления! Угоститесь сигарой!

Карвер захапал сразу полдюжины для Мерфи, которому предстояло быть шафером на этой свадьбе.

(Astonishing Stories, 1940 № 4)

James Blish

**WELCOME TO
MARS**

ДЖЕЙМС БЛИШ
**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
НА МАРС**

ПРЕДИСЛОВИЕ

МАРС – ужасная планета. Нам остается надеяться, что там не живут разумные существа, иначе у них было бы много причин предъявить писателям-фантастам иск за клевету.

В недалеком будущем мы увидим своими глазами, какой Марс на самом деле. А пока что мы можем об этом лишь строить догадки, опираясь на сомнительные астрономические исследования. Лучшие сведения, которые когда-либо были у нас о Марсе, дают нам столько же информации, сколько мы получили бы из фотографии яблока, сделанной с расстояния в четверть города.

Все, что мы знаем, или думаем, что знаем об этой далекой планете, не слишком-то нас воодушевляет. Там нет никаких широких каналов, наполненных медленно текущей водой, нет никаких морей, там нет и не может быть людей, размахивающих мечами и строящих аэропланы, романтические две луны видимы примерно как искорки в небе, а в высоких широтах их не видно совсем. Теплые весенние ночи тоже миф, даже в разгаре лета человек замерз бы там до смерти на закате. Так что Марс, описанный такими авторами, как Эдгар Райс Берроуз и Рэй Бредбери, просто не существует.

И все равно Марс – романтическая планета, преисполненная тайн, куда более интересных, чем все, что напридумывали о нем беллетристы. Мы можем быть уверены, что пустыни Марса совершенно не похожи на пустыни Земли, они полны парадоксов и странностей, необъяснимых следов, изобилуют решениями проблем, подобных которым вообще нет на Земле. Совершенно очевидно, что это вторая и последняя планета в Солнечной системе, где отважный человек может выжить, если не будет сдаваться.

Такой полуреальный Марс нравится мне гораздо больше, чем заезженное описание аравийской пустыни, которое почему-то называется Марсом и встречается во многих романах. Было бы честнее описать новый мир, сконструировать который нам помогут те немногие факты, известные уже сейчас, создать новый театр для человеческих подвигов. Если то, что мы обнаружим на Марсе, когда туда полетит первая экспедиция, будет похоже на старые, затасканные декорации, уже неоднократно использованные, то я, как и все мы, буду весьма разочарован.

Но я в это не верю. Фактический, настоящий, реальный Марс, удивит меня гораздо сильнее, чем выдуманный Марс Дольфа Хэртеля, о котором вы прочтете в этой книге. Однако, я вместе с ним попытался преодолеть сорок восемь миллионов миль, лежащих между нами и этим тихим, древним, тускло-красным миром. И то, что мы увидели, было красиво.

Надеюсь, что вы подумаете также.

ДЖЕЙМС БЛИШ

НА БЕРЕГУ

1. Домик на дереве

Дольф Хэртель – даже когда ему было всего лишь восемнадцать, никто не рисковал называть его Адольфом, кроме приемного отца, – бросил последний взгляд на иглу-указатель посреди стола. Затем припал к отверстию, вырезанному в упаковочном ящике, и впервые увидел Марс вблизи.

Обзор был не очень хорошим. С одной стороны линзы были двойными. Он купил их, предполагая первоначально построить телескоп, потому что стенки ящика тоже были двойными, и ему понадобились два стекла для иллюминатора. В результате изображение походило на то, какое можно получить, если смотреть на Марс вниз через короткий туннель диаметров в шесть дюймов, с толстым дюймовым, немного поцарапанным стеклом на каждом его конце.

Кроме того, яркий свет слепил. Уже на высоте сотни миль над поверхностью планеты Дольф был, фактически, вне марсианской атмосферы, и находившиеся между ярким синим свечением края атмосферы и лимонным, с красноватым оттенком, отблеском полуденной пустыни, все детали казались размытыми.

Однако, по мере того, как Дольф медленно опускался к пустыне на юг от области названной Залив Шеба, правильного треугольника, образованного четкими сине-зелеными линиями, острым углом указывающего через пустыню на «оазис» с причудливым названием Аравия, то он постепенно все лучше и лучше различал подробности. И он глядел во все глаза, едва осмеливаясь дышать. Эти темные, совершенно прямые линии являлись главной тайной Марса, издавна называемой «каналами», хотя ничто не могло быть более бесспорным, что никакие это не каналы в земном смысле этого слова. Может, это линии вулканических разломов? Следы животных? Нечто, созданное разумной жизнью миллионы лет назад? Или просто иллюзия, создаваемая глазом из крошечных точек – каких-нибудь неровностей местности, видимых на расстоянии пятидесяти миллионов миль пустоты?

Но каналы не исчезали. Напротив, они становились отчетливее с каждой минутой. Отсюда – Дольф был теперь уже так близок, что мог думать о высоте, а не о расстоянии, – он мог различить детали величиной меньше пятидесяти километров, а не такие громадные, как Сицилия или даже Лонг-Айленд, что являлось пределом для аэрографов Земли. Но все равно каналы не распадались на беспор-

рядочные точки, как надлежало оптическому обману. Наоборот, они становились все яснее, а края их более резкими.

Нет, марсианские каналы были настоящими, и не пройдет и часа, как Дольф Хэртель станет первым человеком в истории, который увидит, что это такое на самом деле...

За стенами домика на дереве весенний ветерок прошелестел листвой в ночной тиши Айовы. Дольф Хэртель притронулся оголенным концом медного провода к клемме батареи и смотрел, как игла, установленная в центре платы, начала поворачиваться, медленно и неуверенно. Игла обращала внимание на ветерок снаружи не больше, чем на любые другие силы массивной, вращающейся Земли. Плата для иглы являлась всей Вселенной.

Так, в возрасте семнадцати лет, Дольф Хэртель открыл антигравитацию.

Дольф сразу же понял фантастическую важность своего открытия, но оно не казалось ему столь маловероятным, как показалось бы его приемному отцу или, к примеру, физику-теоретику, всю жизнь изучавшему таинственную метрическую структуру пространства-времени, которая невидимой властной сетью ограничивала маршруты как гигантских спиральных туманностей, так и падающих на Землю камешков. На самом деле, открытие уже казалось ему неизбежным, по крайней мере, в свете оценки прошедших событий.

По крайней мере, больше полудюжины случайных событий словно сговорились подвести его к этому открытию – также и для того, чтобы уж точно знать, что когда Дольф случайно наткнется на него, то сумеет опознать, что он видит, будет совершенно подготовлен к восприятию своего открытия, ибо чтение из истории науки убедило его в правоте первого закона Пастера: «Случай дается лишь подготовленному уму».

Подготовка относилась, в первую очередь, к его естественной склонности к математике – таланту, безусловно имеющемуся в каждом ребенке, пока его не подавляла и не портила школа, а во вторую, конечно, была унаследована от матери, правительственного ученого-бактериолога в Центре Ксенобиологии НАСА, находящемся в государственном Университете Айовы. (Вряд ли он что-либо взял от приемного отца, голова которого, по нежному описанию миссис Хэртель, годилась лишь для деловой арифметики).

Так же стоит учесть факт, что у него была склонность к уединению, к одиноким походам и рыбалкам, а не к таким командным видам спорта, как бейсбол. Эта склонность, возможно, была следствием его изолированности в детстве. Его приемный отец проводил большую часть времени «в пути», с равной вероятностью направляясь в Манитобу или Пенджаб, как и в любой из американских «хлеб-

ных» штатов. Мать же, как правительственный работник космических исследований, появлялась дома лишь изредка, если появлялась вообще. И хотя загородный дом на низких, пологих зеленых холмах Айовы был просторен, а сельская местность приятна, Дольф в своих мыслях никогда не считал его «домом». Дома у него никогда не было, и он не чувствовал себя из-за этого ущербным, как никогда ни с кем не дружил и не входил ни в какие компании сверстников, что могло бы отвлечь его от собственных размышлений и чтения, чем он, в основном, и занимался.

Но в последнее время он начинал все больше замечать, что все люди в мире разделены на два вида, один из которых был более хрупким и нежным, чем другой. И одна представительница этого нежного вида, волнующая его девочка с черными волосами и голубыми глазами, по имени Наннет Форд, даже выказывала удивительное понимание того, о чем рассуждал Дольф, так что через некоторое время он даже начал надеяться, что она могла бы разделить с ним самое великое приключение. Но чем ближе оно становилось, тем больше ему казалось, что риск слишком велик. А, кроме того, в предприятии с таким количеством неизвестных, подключение второго члена — к тому же девочки! — стало бы наименее управляемым и наиболее слабым звеном.

Заключительное и решительное вмешательство судьбы произошло, когда ему исполнилось четырнадцать лет, и Дольф уже стал превращаться, сам не подозревая об этом, в одного из «чердачных изобретателей», возможно, последнего из этой породы в мире, где доминировали командные исследования, субсидируемые правительством. (Собственно, чердака, как такового, у него не было, потому что, несмотря на вмешательство матери, приемного отца Дольфа невозможно было переубедить, и он твердо считал, что всякие там эксперименты ведут к взрывам или пожарам. Но ему разрешили работать на верхнем этаже гаража, Дольф не стал указывать на то, что, когда в гараже стояли обе машины, он был, пожалуй, подороже дома. Его совесть не протестовала, так как в его планы не входили ни взрывы, ни даже зажженные спички).

Просто четыре года назад он наткнулся на короткую статью по математике в «Природе», британском, но самом универсальном из научных журналов, в которой упоминалась тайна тайн тяготения, заброшенная большинством физиков, которые, вслед за Эйнштейном, твердо решили, что ничего невозможно сделать с силой тяжести, кроме как учитывать ее в расчетах. С тех пор до того, как ему исполнилось четырнадцать лет, у Дольфа не было времени понять, что любой научный вопрос можно решить, и любую неприкосновенную теорию отвергнуть. Он решил собрать все статьи и документы по этому вопросу и следить за появлением новых.

Побуждением для этого ему послужило не только научное любопытство. Через мать он был ближе большинства непрофессионалов к американским космическим исследованиям, и без труда видел, что они заходили в чрезвычайно дорогостоящий тупик.

Представьте, что «Аполлон», который американцы готовили к высадке на Луну, уже истратил миллиарды долларов и все более затягивался, сроки его полета откладывались все дальше и дальше, и уже с трудом верилось, что он вообще полетит. Даже простые беспилотные ракеты были не надежнее, но гораздо дороже своих предшественников. Неужели не существовало какого-нибудь разумного способа обойти все это?

Очевидно, нет, однако, все это расстраивало Дольфа. Его целиком захватила, — хотя он еще не понимал этого, — романтика космических путешествий, и ему казалось, что путь, по которому следовал весь мир, был безумным, или, по крайней мере, что люди потеряли первоначальную цель, которая должна вывести их в космос. Вместо этого весь мир, казалось, слепо растрачивал себя, балуясь дорогостоящими ракетами, не потому, что эти игрушки являлись лучшим способом преодоления межпланетного пространства (вопрос об этом даже не поднимался), но и потому, что ракеты были основой гонки вооружения, продолжавшей «холодную войну». Очевидно, налогоплательщиков можно было успешнее заинтересовать космическими кораблями, чем межконтинентальными ракетами.

Ладно, Дольф понял, что ему не интересно заниматься политикой. Его интересовали сами космические полеты, и он был еще слишком мал, чтобы убежденно считать, что ракеты были единственным способом увезти человека с Земли. Ему пришло в голову, что, раз главным врагом таких полетов является тяготение, то можно чего-то добиться, изучая врага, независимо от того, что Теория Относительности объявила такие исследования безнадежными.

И в результате, в семнадцать лет Дольф стал экспертом-любителем в столь новой области знания, о которой догадывались лишь несколько физиков в мире. А большинство считало, что она вообще не существует. Благодаря своей огромной репутации, Теория Относительности отрицательно высказывалась об открытии, которое уже много раз было сделано математиками — и в ее рассуждениях и доказательствах было полным-полно нелепых провалов и дыр. В частности, британские ученые уже больше десяти лет нападали на бедного старика Эйнштейна, а один особо решительный английский астроном по имени Мильн, создал альтернативную Теорию Относительности, которая прихлопывала теорию Эйнштейна, как комара. Мильн умер почти за двадцать лет до рождения Дольфа, но о нем не забыли — по крайней мере, в городе Айова.

Дольф изучил труды Мильна и Дингля, и еще нескольких человек,

которые имели смелость пытаться изучать гравитацию. Он родился в самый подходящий момент, его сознание получило правильное воспитание, что привело его к правильным выводам, что, если тяготение (с чем был согласен Эйнштейн) является, скорее, таким же свойством пространства, а не силой, как электричество, то у него должно быть два полюса (Эйнштейн разбил себе лоб, пытаясь это опровергнуть). Из этого следовало, что им можно управлять, и вероятно, без больших усилий. А так как тяготение относится к слабым взаимодействиям и лучше всего работает на очень больших расстояниях, то должно потребоваться очень мало усилий, чтобы оказывать на него нужные векторные взаимодействия...

Иными словами, работать с тяготением, а не переть против него, можно, имея ресурсы, сосредоточенные в старом гараже стоимостью в считанные доллары. Например, лучший космический двигатель, способный поднять около сотни фунтов мертвого веса, можно собрать из стандартных деталей от телевизора и других доступных компонентов.

С весьма неохотной помощью Наннет, Дольф собрал маленькую пробную плату, чтобы проверить сам принцип. Плата работала превосходно. Она оказалась в сотню раз эффективнее, чем Дольф смел надеяться. Несколько секунд трещали доски и скрепили гвозди, а потом устройство оторвало весь гараж, включая оба автомобиля, и подняло с фундамента на целый дюйм. Через миг отключилась подача энергии, и гараж рухнул на место в целости и сохранности, благодаря тому, что Дольф заранее встроил в плату предохранитель, и он отключил ток, прежде чем гараж успел окончательно оторваться от бетонной основы.

Наннет испугалась, не понимая, что именно произошло и почему, но Дольф по-настоящему встревожился лишь на следующий день, когда до него дошло истинное значение пробного испытания. В конце концов, по его прикидкам, не могло существовать реальной опасности, что гараж взлетит в облака. Он был слишком тяжел, чтобы для подъема хватило силы тока бытовой электролинии. Дольф и представить себе не мог, что пробное устройство было способно на такое.

И он постепенно понял, что можно сделать с этим устройством. Он понял, что может сделать маленький, но настоящий космический корабль, построить его своими руками на заднем дворе. Корабль, который может летать в космосе.

Он испугался, когда эта идея пришла ему в голову.

Но все же... почему бы и нет? Дольфу было ясно, что для первого космического полета даже к такой близкой цели, как Луна, потребуются несколько десятков лет и огромные средства на строительство реактивных кораблей. Дольф не видел в этом ничего хорошего. Особенно теперь, когда он сможет в течение года создать устройство, которое унесет его на Марс, при условии, что он сумеет достать дол-

ларов двести, — ну, скажем, триста для обеспечения безопасности, — и существует возможность провернуть все таким образом, что он сможет слетать туда и обратно, прежде чем кто-нибудь остановит его и запретит это делать.

Прежде всего, в целях маскировки, он решил построить домик на дереве — к удовлетворению мистера Хэртеля, который, несмотря на то, что сам вылезал на улицу лишь для игры в гольф с деловыми партнерами, с удовлетворением видел, что приемный сын открывает нос от книг и занимается чем-то более подходящим для детей.

Дольф сделал модель корабля из своего первого упаковочного ящика в овраге, в который упирался задний двор. Он тщательно загерметизировал его, словно однажды этому кораблю действительно придется удерживать воздух от улетучивания в вакуум, и оборудовал пробным устройством. Однажды ночью, после полуночи, он бесшумно поднялся в нем на сто футов в залитой лунной воздух и столь же бесшумно опустил его обратно, но считая слабого шелеста, когда днище его корабля опустилось среди вереска на камни сухого русла реки. Насколько Дольф мог сказать, никто не видел этого квадратного призрака, — хотя соседская собака, очень нервный чистокровный спаниель, провела остаток ночи, — и неделю спустя он уже уверенно управлял этой моделью корабля, чтобы считать ее безопасной. Так что на второй ночной полет Дольф взял с собой Наннет. У нее от волнения перехватило дыхание, но он позаботился сделать «полет» медленным и торжественным, как полет воздушного шара, и даже не намекал, что его корабль способен на большее. (К тому же, Дольф заставил ее поклясться, что она станет хранить это в тайне).

Домик на дереве был не намного больше, чем модель корабля из ящика, но был более тщательно разработан. Дольф хотел полететь в нем в космос и вернуться обратно. И он не собирался при этом погибнуть, если этого можно было избежать. Дно внешнего ящика покоилось на дереве, как платформа, (как и бока, Дольф опрыскал его в пять слоев эпоксидной смолой, чтобы как следует законопатить — это была ужасно дорогая процедура, поскольку из конспирации он был вынужден покупать эпоксидку в местном супермаркете в небольших банках с разбрызгивателем). Шестой, внешний, слой Дольф смешал сам. Этот слой состоял из очищенной окиси цинка, смешанной с силиконовой смолой, которая, как сообщалось в статье в журнале «Наука», хорошо отражала световые лучи длиной волн между 20 и 80 микронами, в которых было сконцентрировано около 66 процентов излучения Солнца. Затем наступил черед внутреннего ящика, который был так же герметизирован и установлен на прокладке из толстого слоя шерсти, которая лучше всего подходила для изоляции (по крайней мере, должна была удерживать тепло в открытом космосе, хотя от жесткой радиации она бы ничем не помогла), и

приступил к сооружению воздушного шлюза и иллюминатора.

Проблем с припасами перед Дольфом не стояло. У него не было денег на покупку, да и места в его корабле едва хватило бы на несколько порций еды, воды и кислорода — особенно кислорода. Обычно он продавался в тяжелых стальных баллонах, которые, к ому же, дорого стоили. Но Дольф решил обойтись кислородом из 22-литровых кислородных подушек, продававшихся в аптеках в качестве лекарства для астматиков, страдающих от смога. Для Дольфа это тоже было ужасно дорого, но он не мог ни к кому обратиться за помощью, если хотел сохранить все предприятие в тайне.

У него не было никакого решения проблем космических лучей и солнечного ветра, кроме малого срока полета. Динозавры, имеющие деньги и власть, могли бы все это решить, но у Дольфа, при его бедности, была в распоряжении лишь скорость его корабля и маневренность. Антигравитационный двигатель сделал все это возможным, иначе весь полет был бы лишь ночным сновидением.

Новая установка, строго говоря, была не больше предыдущего макета — и была смонтирована на такой же плате. Все компоненты были на транзисторах, кроме мощной радиолампы 6BQ5, плата была закреплена на тяжелом столе, а тот, в свою очередь, крепился к полу и одной стенке ящика, а под столом стоял ряд никелево-кадмиевых батарей, купленных на всякий случай. Маленький тяжелый торус, являвшийся источником поля, был установлен точно в геометрическом центре ящика на карданной подвеске от военно-морского гироскопического компаса.

Припасы были готовы, домик на дереве герметизирован, установка смонтирована и готова к работе, курс рассчитан. Больше не было никаких причин оттягивать неизбежное. Даже расчетное время полета было подогнано так, чтобы он долго не продлился. Наступал четырехдневный уик-энд, и, чтобы скрыть свои частые посещения магазина, хотя он и маскировал их, Дольф пустил слух, что собирается отправиться в уединенный туристический поход, который может продолжиться на пару дней после конца праздника. Так как он заранее заработал в школе лишний отгул, то его план не привлек ничьего внимания.

Конечно, Наннет может кое-что заподозрить, когда увидит, что домик на дереве исчез, но Дольф рассчитывал, что она сдержит свою клятву молчать. Что же касается взрослых, то, чтобы они ни подумали, Дольф был уверен, что их предположения будут далеки от истины. Вероятно, им потребуется пара дней, чтобы обратить внимание, что на дереве нет домика-ящика, и столь же вероятно, что они станут предполагать, что Дольф просто разобрал его и перенес куда-нибудь в другое место.

Его отчим несомненно скажет:

– В конце концов, не улетел же он по воздуху, а?

Так что все должно быть в порядке. В конце ночи четверга Дольф поднял ящик со старого дерева без всяких последствий, не считая осыпавшихся груш и лая перепуганного кокер-спаниеля.

И ровно в 22.07 по Звездному Времени, как и требовали расчеты, упаковочный ящик бесшумно превратился в космический корабль и исчез вместе с Дольфом и всем остальным.

2. Море потоков

Нет счета статьям об орбитальных полетах в популярной прессе, написанных репортерами, которые саму идею космических полетов называли не иначе, как «безумные сочинения Бака Роджерса» даже после полета первого искусственного спутника Земли, но они подготовили Дольфа к виду гигантского космического пространства.

Дольф ожидал, что почувствует одиночество. Даже самое поверхностное представление о расстояниях между планетами предупреждало, что вечная космическая ночь громадна свыше всякого понимания. Когда идея о полете на Марс впервые пришла Дольфу в голову, одной из его первых мыслей было осознание, что плавание Колумба в хрупкой скорлупке напоминает плавание кораблика, пускаемого детьми в луже, по сравнению со смелостью пуститься в плавание к Марсу в упаковочном ящике. Сама Земля казалась едва ли достаточно большим кораблем, чтобы отвадиться пересечь на ней расстояние хотя бы до вечно безжизненной Луны. Звезды являлись солнцами, но планеты были незаметными пятнышками, купающимися в их вечном свете.

А само космическое пространство действительно походило на море, находящееся в постоянном движении летящих частиц и энергий в каждом миллиметре его непостижимого объема. Шокировало уже одно лишь наблюдение, как Земля превращается в еще одну точку света, теряющуюся среди мириад других – поскольку, во время полета к Марсу, Земля быстро исчезла на фоне сверкающего Млечного Пути.

Уже через часвне атмосферы, проведя первую проверку стенок ящика и его курса, Дольф мрачно понял, что если сейчас повернет назад, то и тогда будет большая удача, если он вернется домой живым и здоровым – и лучше бы выкинуть из головы безумную идею добраться до Марса. Только удачей можно объяснить то, что он до сих пор жив. За стенками ящика, невидимый и неосязаемый, бушевал шторм космических течений, продолжающийся четырнадцать миллиардов лет, – если у него вообще было когда-то начало, – и будет он бушевать еще четырнадцать миллиардов, а, может, и вечно. Солнечный и звездный свет ярко освещал пропитанный силиконом корпус его абсурдного корабля, постепенно, молекула за молекулой,

разрушая его. Солнечный ветер – поток субатомных частиц, вылетающих из солнечной атмосферы, пронизывал миниатюрный корабль. Равно как и потоки космических лучей от бесчисленных звезд. Космические лучи, состоящие из элементарных частиц, летели почти что со скоростью частиц, разогнанных в синхрофазотронах, били по ящику, постепенно сдирая с него защитный слой. То же проделывали и микрометеориты размеров с песчинки.

Дольф знал об этом заранее и пытался принять все возможные меры. Для полета он выбрал период спокойного Солнца в цикле пульсаций, когда не ожидалось никаких всплесков (хотя никто не мог гарантировать, что их и в самом деле не будет). Против радиации он рассчитывал, главным образом, на скорость. Чем быстрее будет лететь его корабль, тем меньшую дозу облучения схватит его пассажир. Что касается метеоритов, то они были относительно редки за пределами земной гравитации, а собственное тяготение его корабля было слишком мало, чтобы притягивать их. Насчет кислорода Дольф не беспокоился. Кислородные подушки из аптеки были снабжены масками, которые можно было быстро надеть, если уровень воздуха в корабле упадет ниже допустимого уровня. А от понижения давления было лишь одно средство – скорость.

Все это казалось, по крайней мере, возможным, хотя и не очень разумным, в безопасном гараже весной в Айове. В бушующем же море потоков, каким на самом деле являлось «пустое» пространство, это выглядело совсем по-другому и представлялось теперь Дольфу неминуемой гибелью.

Но он не собирался возвращаться теперь, с полпути, хотя бы потому, что обратный путь был не менее опасен. Он не собирался умирать, но и не хотел бесславно завершить свой проект. Может, он и допустил какую-нибудь ошибку, которая убьет его. Но он уже летел в космосе и намеревался продолжать свой путь.

Дольф попытался отвлечься от слепой враждебности вселенной снаружи, и сконцентрировался на механике полета, тем более, что больше ему нечего было делать. Сам полет был гениален в своей простоте, благодаря фундаментальному характеру открытия Дольфа, которое вообще сделало его возможным. Он открыл, что тяготение не только тяготение, не только структурное состояние пространства, как постулировал Эйнштейн, но одновременно и является частью общего поля, включающего в себя электричество, магнетизм и другие воздействия (что Эйнштейн так и не сумел доказать), следовательно, тяготение полярно по своей сути, а именно – имеет отрицательный и положительный полюса.

Учитывая это, достаточно одного очень слабого векторного толчка, чтобы обратить его и выбросить Дольфа и домик на дереве далеко от Земли. А, вылетев за пределы земной атмосферы, можно было

добавить ускорение и полететь в пространстве по прямой со скоростью около тысячи миль в секунду.

Этот полет совершенно не походил на полеты ракет с мыса Кеннеди, которые, тратя громадные средства и энергию, боролись с земным тяготением. Дольфу не составляло труда увеличивать скорость, как ему будет угодно. Первоначально он вылетел с Земли, используя центростремительную скорость вращения планеты. Но в космосе он мог наращивать скорость, используя уже тяготение самого Солнца.

Управлять скоростью было. Конечно, не так легко, но, вылетев за пределы гравитационного поля Земли, он направил вектор движения к Марсу, чтобы красная планета само притягивала его корабль.

К середине второго дня, проведенного в космосе, Дольф проделал уже больше половины пути и стал тормозить, используя для этого тяготение оставшейся далеко позади Земли.

Все шло по расчетам. Воздух в ящике к этому времени уже начинал становиться разреженным, с избытком углекислоты, и Дольфа начинало знобить. Кроме того, он чувствовал небольшой жар, но надеялся, что это результат бессонной ночи. Но если странная лихорадка началась из-за высокой радиации, то Дольф ничего не мог с этим поделать. Ему пока что везло — хотя он старался не думать об этом, — что он вообще еще жив.

И теперь приближение к Марсу начало, наконец, приносить первые плоды. Красная искорка становилась все больше — больше не по размерам, а по яркости. Отсюда расчет полета становился еще более простым. Он должен был падать, как яблоко Ньютона, до тех пор, пока не наступит пора тормозить и превратить падение в планирование оторвавшегося листа.

Но это еще не означало, что можно допустить в чем-либо небрежность. Дольф должен был благополучно приземлиться на Марсе. Он должен был прожить там, по меньшей мере, час, а потом вернуться домой с доказательствами. Иначе не стоило рисковать собственной жизнью, а также судьбой своего открытия.

Огрызком карандаша он набросал вычисления на стенке ящика. Марс становился все ярче. А в ящике было все холоднее.

К «утру», — хотя он не имел возможности уснуть, — стало совсем душно, и Дольфу пришлось надеть кислородную маску, проглотив при этом кусок еды и пару глотков воды. В маске ему показалось тоже душно, хотя Дольф понимал, что это просто иллюзия. Освещение в ящике, поступающее через иллюминатор в стенке, становилось оранжевым, из-за отражения поверхности Марса.

Теперь нужно внимательно глядеть вниз. Дольф провел последние быстрые замеры и подплыл к иллюминатору. Он уже немного привык к невесомости, так что даже не ударился в стекло носом.

Видимость была не очень хорошей. Микрометеориты уже успели

поцарапать стекло, а яркий свет слепил, особенно после стольких часов, проведенных в космической темноте. Но Дольф постепенно привык к этому.

И до него медленно начало доходить, что он видит... каналы! Они не распадались на отдельные фрагменты, а становились все более четкими по мере спуска. Дольф глубоко вздохнул.

Марсианские каналы оказались настоящими. И часа не пройдет, как Дольф окажется первым человеком, который узнает, что же они такое на самом деле.

Конечно, принимая во внимание, что он сумеет прожить этот час.

3. Вниз, и... наружу

Оазис, к которому направлялся Дольф, находился в центре пустынной области под названием Аэрия, и был отмечен на карте, как Средний Пик, но ему не дали еще имя собственного, так как это был один из объектов, открытых астрономами лишь несколько лет назад. Это было овальное пятно градусов тридцать южнее экватора и миль на пятьсот от восточного края Большого Сырта.

И, конечно, сейчас там стояло лето. Дольф бы добавил, что это походило на Род-Айленд. В этом месте сходились пять каналов, ставившихся все яснее видимыми, как железнодорожные линии сходятся в городах, как перекрещиваются звериные тропки, ведущие к воде – или трещины от пулевого отверстия в небьющемся стекле.

Последнее сравнение Дольфу не понравилось, но он не мог отделаться от него, потому что видел, насколько оно близко к действительности. Безымянный оазис был кратером от падения метеорита, подобно кратеру в Аризоне или кольцевым кратерам Луны.

Это открытие заставило сердце Дольфа упасть, так как у него возникло нехорошее чувство насчет поверхности Марса. Неужели Марс является такой же безжизненной и враждебной планетой, как Луна, несмотря на то, что у него все-таки есть тонкая атмосфера? Правда, тут поверхность не была столь истыкана кратерами, как лунный пейзаж, но может быть, это постарались ветры и гигантские песчаные бури, которые могли стереть самые большие кратеры и пригладить остальные? Отступающая весной северная полярная шапка открывала горную цепь, Горы Митчелла, и ее острые грани, подобные облакам, намекали, что где-то на планете должны быть и другие подобные горы, хотя больше никаких пиков не было пока что обнаружено.

Однако, круглые очертания северных пустынь – Электрида, Эридания, Авзония, Эллада, Аргир – тоже весьма напоминали лунные моря, а так же и более мелкие южные, такие, как Страна Исиды. И здесь, в упаковочном ящике, меньше чем в пятнадцати милях от поверхности, у Дольфа не оставалось никаких сомнений, что Марс, ког-

да-то в своей истории, был мишенью в глобальной астрономической катастрофе, и поверхность его бомбили громадные, как астероиды, объекты. Главные каналы, которые впервые увидел старик Скиапарелли, были колоссальными прямыми разломами в коре планеты, где целые континентальные блоки наклонились и треснули, как плавающие льдины. А более мелкие каналы, исходящие радиально из определенных точек, являлись трещинами, полученными от ударов мелких метеоритов, примерно такого же размера, которые исколотили Луну.

Так как поверхность Марса не менялась со времен изобретения телескопов, казалось вероятным, что за последние триста лет на нем не происходило никаких катаклизмов. Но то же самое можно сказать и о Луне — что не делало самый близкий к Земле мир менее бесплодным и безнадежным. Однако, бомбардировка, поразившая Марс, коренным образом изменила всю планету. В пробах песка, которые сфотографировал первый беспилотный марсианский исследовательский аппарат еще в 1972 году, было много микроскопических раковин, подобных земным фораминиферам, которые решительно свидетельствовали, что когда-то на Марсе были моря. Теперь они исчезли, а песок и ил со дна бури разбросали по всей планете. Большая часть воды, должна быть, ушла в трещины, открывшиеся от ударов больших метеоров, и, выкипев, соединилась в форме лимонита, гидранта окиси железа, составлявшую большую часть марсианских песков. Из остатков образовались тонкие полярные ледниковые покровы.

Если тогда и существовали любые формы жизни, то вряд ли они пережили внезапное изменение всего мира. Если жизнь вообще сохранилась, то она должна была начать все практически с нуля. Любой организм, который мог теперь жить в этом маленьком древнем мире, должен быть, как ни парадоксально это звучит, очень примитивным, даже почти без генетической памяти о древних океанах.

Марс еще не был полностью мертв. Но то, что оставалось, должно находиться на последней стадии. По драматическому предположению Лоуэлла: «с очень ограниченными ресурсами и еще более ограниченными надеждами».

Нахмурившись, Дольф повел свой неуклюжий кораблик вниз, на посадку в середину безымянного оазиса, сине-зеленого пятна жизни, созданного каменным чудовищем из космоса, которое превратило большую часть Марса в вечную пустыню. Дольф уже не ждал ничего хорошего, но все же у него теплилась надежда. И эту надежду теперь должны укрепить наблюдения, Дольф должен узнать, как могли удержаться примитивные формы жизни там, где не должно быть никакой жизни вообще.

Наклонное плато цвета охры распростерлось теперь вниз, а край кратера ширился, точно раскрытый рот. Находясь в миле над поверхностью пустыни, Дольф уже мог различить тени, отбрасывае-

мые низким ободом кратера, а внутренность оазиса сперва начала походить на шар, а потом на мелкое блюдо.

В пустыне был полдень, когда на нее опустился упаковочный ящик, и низкие, куполообразные пики обода странно напоминали холмы восточной Айовы – если не считать цвета, становившегося теперь розовым. Когда он повис над самым дном кратера, то оказался в нежных сине-зеленых сумерках. Сверкающие лучи уже начавшего клониться к горизонту солнца уже не достигали дна.

Наконец, поверхность за иллюминатором стала неподвижной. Дольф осторожно отключил свое устройство. Ящик с мягким, приглушенным стуком упал на несколько футов, как на матрас. И наступила тишина.

Дольф был на Марсе.

Но тишина не исчезла. Она висела вокруг, безразличная и безмятежная. Дольф уже привык к ней в космосе, потому что там она была ожидаемой. Но здесь она выглядела так, словно планета, занятая работами о собственном выживании, даже не замечала его существования. Ну, а почему должно быть иначе? В ее долгой, медлительной, мучительной жизни Дольф был лишь кратким моментом.

Дольф стянул с себя подавленность и принялся за работу. Во-первых, наружная температура и атмосферное давление.

Полученным показателям верилось с трудом. Он проверил их по два раза и все равно не мог поверить, хотя все сошлось с первоначальными результатами. В конце концов, его оборудование было далеким от совершенства.

Но это было лучшее, что он смог достать, и оно утверждало, что наружная температура равна двадцати пяти градусам по Цельсию, или 77 градусам по устаревшей школе Фаренгейта, которой до сих пор пользовались англоязычные народы. Снаружи было по-настоящему тепло – никто не смог бы утверждать обратное. Что же касается давления в 200 миллибар, то оно было эквивалентно тому, с чем сталкиваются высоко в Гималаях, не совсем пригодный для дыхания воздух, даже несмотря на достаточное содержание кислорода. Но даже в таком случае это было лучше, чем двойное давление, которое он рассчитывал найти в пустыне.

Короче говоря, Дольф мог выйти наружу без всякой защитной одежды и громоздких кислородных приборов, кроме простого респиратора и очков. Он надел их, затем подвязал матерчатый пояс, на котором были укреплены двадцать бутылочек для образцов, и забил карманы нужными вещами. Затем опустился на четвереньки перед плотно законопаченной бочкой, являвшейся его воздушным шлюзом.

Через несколько секунд он уже был снаружи. В процессе этого он потерял примерно двадцать процентов воздуха, который был в ящике-корабле, но это его не волновало. В конце концов, он не соби-

рался задерживаться здесь надолго. Он встал на ноги и осмотрелся.

В косых солнечных лучах большая круглая впадина напоминала дно давно заброшенного аквариума или водоема. Наверху было темно-фиолетовое, почти индиговое небо, на котором можно было увидеть звезды, в том числе несколько ярких. Может быть, подумал Дольф, одна из них – это Земля? От этой мысли у него пробежал по спине холодок.

Горизонт был рядом, но, фактически, не ограничивался стенами кольцевого кратера, Дольф даже не видел пики на противоположной стороне, потому что оазис был слишком обширный для этого. Не считая пологих холмиков, дно кратера простиралось во всех направлениях, сине-зеленое, местами с шоколадными пятнами.

Сине-зеленое оказалось растительностью. Дольф опустил на четвереньки, чтобы лучше ее разглядеть, но тут же отдернул руки. Воздух был теплым, но земля обжигала ледяным холодом даже через перчатки. Он забыл, что ночью температура здесь падает, наверное, до 150 градусов ниже нуля по Фаренгейту даже в разгар лета. К счастью, его походные ботинки были с толстой подошвой, и кроме них, Дольф надел теплые носки, иначе он рисковал бы отморозить себе пальцы ног, просто стоя на одном месте.

Растительность была странная, Дольфу даже трудно было с чем-то ее сравнить. По структуре она немного походила на рыхлую губку, состоящую из нитей серого, зеленоватого или шоколадно-коричневого цвета, и выглядели они довольно прочными. В них были вплетены более тонкие нити ярко-зеленого цвета, которые местами собирались в узелки вокруг отверстий, образованных губчатой структурой.

Дольф для пробы потянул ее. К его удивлению, она легко порвалась, в его руке оказался кусок, который, тут же сжавшись, образовал неровный шар. Похожие шары различных размеров были рассеяны вокруг, словно оборванные ветром.

Еще в губке виднелись пестрые образования вроде крошечных плодов или водяных пузырьков, Дольф не мог понять, на что это больше походило. Они держались на жестких нитях черного или коричневого цвета и были размером с дробинку. По краям зеленой губки они были подольше, удлинненные, точно маленькие бобы, но довольно прозрачные. Подозревая, что в них вода или сок, Дольф снял перчатку и попытался проткнуть ногтем один из таких мешочков, тот, хотя и подался, уцелел.

Вообще-то, если подумать, то вода была маловероятной, так как замерзала бы марсианскими ночами. Но что же тогда было в этих пузырьках?

Дольф внезапно почувствовал, как что-то ползет по его голой ладони. Пораженный, он поднял руку, и ему показалось, будто ползет его кожа.

Он тут же вспомнил случай, происшедший с ним в детстве, когда он подобрал раненного птенца малиновки и обнаружил, что рука у него сплошь покрыта клещами. Этот инцидент навсегда избавил его от сентиментального отношения к птицам. Здесь это не были клещи, но некий их марсианский эквивалент. Длинной около четверти дюйма, они напоминали нематод или круглых червей, и здесь их были тысячи. А местами среди них можно было заметить действительно похожие на клещей существа, черные, членистоногие, шустро бегающие среди нематод или спокойно сидящие у них на загривках и питаясь...

Дольф стал поспешно расшвыривать ногой губку вокруг себя, пока не оказался на участке почвы из тонкого, как порошок, краснотема, и стал чистить им руки, не обращая внимания на холод. Хотя у него, вероятно, и не было никаких причин бояться этих крошечных проявлений марсианской животной жизни, он не хотел затащить их с собой в ящик и затем привезти на Землю, если можно было не делать этого. По крайней мере, не стоит везти их на себе или в одежде.

Но он хотел собрать образцы. Одна только растительность уже была открытием, оправдывающим такой полет. Беспилотный аппарат 1978 года не обнаружил жизни, не считая нескольких неинтересных видов бактерий и каких-то спор, непригодных на Земле. А эта губка была, очевидно, своеобразным грибом, полулишайником, полуводорослью, способной жить на неприветливой почве, в атмосфере и солнечном свете, предлагающим очень мало пищи. Их тенденция скатываться в шары, когда они достигают критического размера, означала, что по поверхности они передвигаются при помощи ветра, когда начинаются летние бури. Таким образом, Дольф получил разгадку таинственной «темной волны», которая неслась от полярного ледяного покрова во время таяния, а также объяснение, почему темные *моря* никогда надолго не засыпались песком. Все дело было в этом лишайнике, который вел себя, как перекаати-поле.

Но откуда он получал воду? Разумеется, в воздухе было слишком мало водяного пара — явно недостаточно, чтобы поддержать акры и гектары живого покрова, распространившегося по всем темным областям планеты. Немного подумав, Дольф понял. Грибковые нити, вероятно, получали ее химическим путем из песка, поскольку каждая молекула лимонита несет в себе три молекулы воды. Так что растения могли получать необходимую воду, хотя здесь не было ни капли в жидком состоянии. В разгар лета некоторые из этих молекул воды, вероятно, вырывались «на волю». У некоторых земных растений, живущих в пустынях, были зачатки подобных систем. Так же иногда поступают и кактусы, которые внезапно оживают после десятилетий существования в засохшем виде, это же поддерживает зерна пшеницы, похороненной тысячелетия назад вместе с фараонами, которые порой прорастают, удивляя биологов. Однако, здесь,

на Марсе, это является не причудой, а основным механизмом жизни.

Чувствуя легкое ошеломление, Дольф старательно наполнил кусочками губки четыре бутылочки, потом снова почистил землей руки – и бутылочки снаружи. Если его предположение верно, то по меньшей мере часть материалов будет еще живой, когда он вернется домой.

Бросив последний взгляд на небо, Дольф вернулся в ящик, где упаковал образцы из одного пузырька, предварительно вылив его на пластинку агар-агара. Он сомневался, что из этого выйдет толк, но попробовать было надо. Сняв кислородную маску, он почувствовал, что, несмотря на легкость в теле, немного устал. Взглянув на барометр, Дольф увидел, что давление внутри его корабля равно земному на высоте восьми тысяч футов, несомненно, из-за потерь во время того, как он пролезал через воздушный шлюз. Ну, если обитающие в Андах индейцы могли там жить и работать, то и он сможет прожить тут.

И что дальше? Стоило бы поднять корабль и осмотреть другие места. С другой стороны, не было никаких причин предполагать, что другая богатая растительностью местность будет значительно отличаться от этой, несмотря на изоляцию. Вопрос даже не стоял о поиске возможных развалин, картографии или любых других форм длительных исследований – для этого у него не было ни времени, ни оборудования. В конце концов, полет заранее планировался кратковременный, и не стоило забывать об этом.

Но все равно он не видел причин, почему не может подняться на милю над пустыней – что, конечно, оказалось бы выше любых здешних гор, и дать планете вращаться под ним, делая быстрый осмотр в надежде увидеть что-нибудь интересное. Если бы он повисел наверху несколько часов, то смог бы обогнуть одну шестую планеты в западном направлении, пересечь Большой Сырт и, вероятно, Страну Изиды, а также, возможно, пролететь над восточной Эфиопией, где была цепь оазисов куда больших, чем этот.

Ну, в конце концов, почему бы и нет? У Дольфа было четыре часа, прежде чем настанет срок возвращения домой. Но нужно было делать все быстро, потому что день заканчивался, а он хотел дрейфовать на запад при солнечном свете, когда были отчетливо видны длинные тени, показывающие что-либо интересное на поверхности. Собравшись, Дольф включил свою установку.

И ничего не произошло.

Встревожившись, Дольф проверил контакты, но все было в порядке. Катушка была цела, батарея испустила целый сноп голубых искр.

Но ящик просто отказывался взлетать.

Расстроившись, Дольф начал проверять компонент за компонентом, мрачно прилагая усилия, чтобы дышать ровно, и чтобы руки у него не дрожали. Снаружи медленно исчезали тени в наступающем полусумраке, и Дольф не хотел бы остаться на Марсе на ночь.

Практически, у него не заняло много времени обнаружить, в чем дело. Проблема оказалась в самом логически уязвимом месте в устройстве, с которым он точно ничего не мог поделаться: в мощной радиолампе 6BQ5. Она просто сгорела. Разумеется, он должен был захватить с собой запасную, теперь Дольф это отчетливо понял. Она не заняла бы много места. Но он не взял.

Почти любую другую поломку в устройстве Дольф сумел бы наладить — оно было немногим сложнее полупроводникового радио, — но эта являлась фатальной. Лампа была совершенно новой, Дольф проверил ее за день до того, как покинул Землю, но теперь это не имело никакого значения. Если лампа сгорела — это все, невзирая на ее возраст. Эта лампа сгорела.

И Дольф оказался на Марсе, точно на необитаемом острове.

4. Маленькое расследование

Хотя для Дольфа это было слабым утешением, но он все еще мог размышлять, — и, похоже, на это у него была куча времени. Теоретически существовал маленький шанс, что он сумеет придумать какой-нибудь транзистор, способный заменить эту лампу, прежде чем у него отрастет длинная седая борода. Но даже в двадцатом веке целым коллективам ученых нужны были десятилетия, чтобы рассчитать все пути электронов в радиолампе, и то, как они будут работать. В результате подобная лампа могла служить тысячи часов — или сгореть через час после прохождения испытания на фабрике, и даже ее создатели не смоли бы предсказать ее поведение. Это уж как повезет. Дольфу явно не повезло.

Причем он отлично понимал, что по-настоящему виноват во всем этом он сам.

Но ему нельзя было зря тратить время, упрекая себя или праздно размышляя. Сумерки быстро сгущались, температура падала еще быстрее, а вскоре после заката начнутся настоящие морозы. Но все равно, не было никакого смысла в том, чтобы метаться внутри ящика в панике. Дольф не мог позволить себе потратить лишнюю каплю воды, кубический сантиметр кислорода или эрг энергии на бессмысленные движения. Прежде всего, нужно было провести ревизию того, что у него есть, а затем подумать, как это лучше всего использовать.

И он должен учесть все до последней ниточки. Марс ничего не мог ему дать, на это не стоило даже надеяться.

Сначала кислород. Первоначально у него было пять кислородных подушек, по 45 галлонов каждая при нормальном земном давлении. Одна, вероятно, уже заканчивалась, хотя у нее не было прибора, чтобы показывать, сколько еще там осталось. Несомненно, кислорода

должно хватить ему на ночь, но он надеялся растянуть его подольше.

Он принялся бешено производить расчеты на стенке ящика.

В идеале выходило, что, при условии, что ящик его не даст течь, и если он будет поддерживать давление, равное половине земного, то на несколько недель ему точно хватит воздуха.

Теперь вода.

Об этом особо беспокоиться не стоило. У него были три 175 галлонных контейнера, оставшихся от повального увлечения Гражданской обороной в 1962 году. Глупо было бы называть это слишком большим запасом, но на три недели воды точно хватит. Кроме того, на Марсе есть жизнь, а значит, существует возможность добывать воду.

Далее шла еда.

Он взял с собой несколько коробок НЗ, которых, как было написано на них, должно было хватить на срок не меньший, чем хватит воды. После этого пришлось бы попробовать местную жизнь, хотя не исключено, что все живое на этой планете окажется для него чистым ядом. Что еще?.. А, да, шесть банок сгущенки и две унции соли. И... месячный запас поливитаминных таблеток, если он протянет так долго. Конечно, любые формы жизни на Марсе могли содержать витамины, в которых он нуждался, не говоря уж об остальном, но это было близко к полной невероятности.

Ладно, оставим все это. Будем надеяться на лучшее.

Энергия? Кадмиево-никелевой батареи хватит неизвестно на сколько. Разумеется, что-то можно предпринять в этой области. Энергия ему будет нужна, чтобы поддерживать достаточно высокое давление воздуха, еще, вероятно, для того, чтобы производить кислород при помощи электролиза воды, если он отыщет здесь воду, и разумеется, для обогрева, если он не придумает, как можно аккумулировать тепло в течение дня. Еще у него была маленькая газовая горелка, но он не смеет пользоваться ею для освещения, пока не будет решена проблема с кислородом. Больше у него не было ничего, кроме силы мышц, которых тоже надолго не хватит, если он не решит остальные проблемы.

Одежда, считая и то, в чем он был одет, состояла из трех пар длинных, толстых шерстяных носков, двух футболок, двух пар боксерских трусов и одних спортивных шорт, двух фланелевых рубашек, толстых слаксов, походных ботинок, теплых перчаток, шлема гонщика и тяжелых очков, а также толстого жакета и длинного шерстяного шарфа. Все это было неплохо с точки зрения теплоты, но следовало помнить, что в этом мире резких перепадов температуры все будет быстро гнить, не говоря уж о том, что стирать и мыться ему нечем.

Правда, одежду он может и чинить. Эта мысль заставила его пошарить по углам, и Дольф нашел два свернутых старых одеяла, рва-

ную тряпку, складной саквояж и пять футов бельевой веревки, плюс шпульку сверхпрочных ниток с иглой с китобойного корабля, старый нож и холстину, лежащую на полу ящика. Да, у него был еще и складной бойскаутский перочинный ножик с острым шилом.

Так что он мог чинить и одежду, и обувь. Правда, Дольф не умел ни того, ни другого, но он станет учиться, пока у него есть чем дышать.

Мысль о витаминах напомнила ему, что он может и заболеть. Поэтому Дольф проверил коробку с лекарствами. В запасе у него оказались аспирин, йод, бинты, десяток капсул антибиотиков и полупустой тюбик обезболивающей мази. Это было все.

Если он заболеет серьезно, то умрет. Но учитывая нерешенную проблему с кислородом, медицинская проблема не очень-то встревожила его. Хотя он и боялся, но еще не утратил юношеского оптимизма, а кроме того, сомневался, что марсианские микробы могут стать угрозой его земному телу.

По крайней мере, хорошо, что он не девчонка. Одной неприятностью меньше.

Что касается оборудования, что у него было в наличии, что-бы построить насос, зарядить батарею и собрать любые другие устройства? В каюте он не заметил ничего особо ценного, кроме простейших инструментов и самого его неработающего антигравитационного устройства. А кроме того, пара карандашей, шариковая ручка, чертежный циркуль, транспортир, карманный компас, наручные часы, бинокль, две карты звездного неба и карты Марса (новейшие, созданные по фотографиям беспилотных аппаратов).

Подумав, он добавил к этому списку химикаты: соль, агар-агар, коробочка щелока. Шесть унций чистого спирта и четыре – формалина. Что еще?.. Ну, еще можно назвать инструментами столовый комплект с ложкой, на конце которой были зубья, как у вилки. Все!

Он медленно осмотрел каюту, которую должен был называть теперь домом, и не увидел ничего, что бы не включил уже в перечень. Осталось выложить на стол содержимое карманов. Прodelав это, он увидел, что обогатился цветным носовым платком, шнурками из сыромятной кожи, карманной записной книжкой, несколькими монетками и бумажником, в котором было четыре доллара, а также фотографией Наннет в потайном отделении, брелком на цепочке в виде змеи с одиннадцатью ключами и, наконец, колечком, которое он хотел подарить Наннет после возвращения с Марса.

Ну, теперь-то все?.. Нет, не совсем. Еще восемь скрепок и четырнадцать канцелярских кнопок, которыми были прикреплены к стенке ящика диаграммы, таблица параметров космических тел и карта Марса.

Что бы Дольф об этом ни думал, это был не слишком большой комплект для выживания. Так что на Марсе он будет зависеть, в основном, от удачи, которая уже так резко перестала улыбаться ему.

И что теперь? Думай же, думай!

Но Дольф ни о чем не мог думать, кроме того, что внезапно почувствовал сильную жажду.

Если уж богиня удачи перестает кому-нибудь улыбаться, то делает это в самое неподходящее время. Дольф не мог знать заранее, что она отвернется от него, когда он будет за сорок восемь миллионов миль от Земли.

Наннет заметила отсутствие домика на дереве на следующее утро после его отлета.

Хотя она все время прикрывала Дольфа, ум у Наннет был быстрым и одаренным, и строго логическим. Каким только может быть женский ум без формального образования. А кроме того, у нее было сильное визуальное воображение, так что она все еще колебалась между желанием стать художницей — ее первой мечтой — и ученым, мысли о чем были разожжены Дольфом во время их полуночного полета в первом ящике Дольфа. А кроме того, в чем Наннет едва осмеливалась признаться себе, этот полет пробудил в ней дремавшие до той поры чувства.

Наннет уже тогда знала о необъятности проблемы, в которую вцепился Дольф. Если антигравитация была достижима вообще, то девяносто процентов работы Дольф уже сделал, а все остальное было делом техники, которым могли заниматься обычные инженеры или, может, даже простые электрики.

А теперь домик на дереве исчез, исчез без следа. Домик был сделан надежным и прочным, и бесследно исчезнуть мог, лишь улетев по воздуху. Значит, Дольф куда-то улетел на нем.

Наннет осторожно расспросила мать Дольфа. Это было не трудно, поскольку обе женщины нравились друг другу, но Наннет с трудом скрывала тот факт, что она обеспокоена. К счастью, при обсуждении Дольфа было много причин для беспокойств, а если он действительно отправился в поход, ни словом не сказав об этом Наннет, то у нее были все основания разозлиться, и миссис Хэртель сделала такой вывод и посетовала на мужскую беспечность. Наннет ушла, не раскрыв истинные причины расспросов, но на самом деле разозлившись, хотя по совершенно иному поводу.

Учитывая имеющиеся у нее дополнительные факты, Наннет сразу поняла, что в версии похода слишком много прорех, и она осмотрела инструменты, отходы, стружку и бракованные детали, которые оставил Дольф, что подтвердило ее выводы, какие она все утро боялась сделать.

Она поднялась на чердачное помещение гаража и присела на корточки в углу, там, где несколько лет назад, прежде чем они встретились, Дольф держал голубей, которые потом погибли от какой-то бо-

лезни. Миссис Хэртель сказала, что эта болезнь опасна и для людей.

— Задница! — ожесточенно сказала Наннет. — Потная, дрянная, трусливая сбежавшая задница!

И она ничуть не удивилась тому, что заплакала. Правда, всхлипывала она тихонько, чтобы никто не услышал. А когда кончила полчаса спустя, то почувствовала, что слезы смыли ее ярость, и она была готова справиться с мужским вероломством любого масштаба, смотря по ситуации. Вытерев нос воротом рубашки, она сначала осмотрела рабочее место Дольфа. А потом заброшенный пробный образец его устройства.

— Задница, — сказала она устройству.

— Я покажу ему, — ворчала она, доставая полведра вара.

— Он еще будет убегать от меня, — прорычала она, расправляя на столе электросхему, которую достала из мусорного ведра.

— А кроме того, — сказала она прошлогодней таблице орбит небесных тел, — он, несомненно, попал в беду.

И неожиданно громко хлопнув носом, Наннет пошла в дом на поиски паяльника, а в голове у нее возникло изображение собственного портрета на обложке журнала. Хотя она никогда раньше не делала ничего подобного, но в ней зрела мрачная уверенность, что может справиться с этим лучше, чем Дольф.

И не вина Наннет, что вся эта история — ее самой, Дольфа, всего остального мира, длилась еще с тех пор, как корабли викингов нащупали путь в Гренландию. В конце концов, она всего лишь пыталась удержать своего мужчину тем же способом, каким всегда пользовались женщины еще за 250 000 лет до нашей эры.

— Межпланетный ты бродяга, — бормотала она за сорок восемь миллионов миль космоса от него. — Я тебе покажу...

5. Утро на Марсе

Дольф долго приходил в себя, одеревенев от холода, лежа на твердых досках закутанный в одеяла. Во рту у него пересохло, губы растрескались, в легких хрипело. Он чувствовал себя полузадохнувшимся, а когда сел, охваченный тревогой, то закружилась голова, так что он поспешно лег обратно, задаваясь вопросом, где он и что с ним случилось.

Затем он вспомнил. Лежа, он осторожно осмотрелся. Яркий столб голубоватого солнечного света, столь же резкий и беспощадный, как лазерный луч, горизонтально шел через каюту из иллюминатора, но в неосвещенной части помещения было сумрачно, точно в пещере. Дольф облизал сухие губы распухшим языком, закашлял и тут же понял, что кругом царит необъятная тишина. Даже кашель казался далеким и слабым, а тишина была абсолютной, словно на дне

океана. Тогда он понял, что его разбудило: перестал шипеть первый кислородный резервуар.

Он с трудом встал на ноги. Головокружение вернулось, но на этот раз не такое сильное, и постепенно оно проходило. Он подумал, стоит ли об этом волноваться, но был почти уверен, что это все из-за силы тяжести. В конце концов, он весил здесь всего лишь сорок восемь фунтов, так что сердцу и кровеносным сосудам нужно время, чтобы привыкнуть к изменению его веса.

Главным теперь был кислород. Все остальное могло подождать. Дольф открыл подачу из второго резервуара и принялся за работу.

Прежде всего, он поел, затем из остатков жира в пакете НЗ и нескольких кристаллов щелока сделал слабый мыльный раствор. С помощью петельки из провода он стал пускать мыльные пузыри, а они легко показали ему три места утечки воздуха в стенках каюты, причем две были достаточно велики, чтобы о них стоило позаботиться. Он отметил их места. Конечно, должны быть и менее значительные утечки, но о них можно позаботиться позже, когда возрастет давление воздуха в каюту и их будет легче обнаружить.

Затем электродвигатель. На него потребуются всего-ничего материалов, но Дольф еще не был уверен, как станет его использовать. К тому же двигатель все равно получится небольшим.

Пока что двигатель требовался ему в качестве сердца простейшего насоса, схему которого он когда-то увидел в техническом журнале. Этот насос может качать что угодно — хоть воду, хоть воздух, — и состоит лишь из двух роликов, непрерывно сжимающих несколько дюймов мягкой резиновой трубки. Входной конец Дольф планировал вставить в самую большую дырку в стенке каюты, а выходной остался бы внутри.

Но вот из чего сделать ролики? Легче всего их было изготовить из двух обрезков стеклянной трубки, оплавленных на гвоздях в качестве осей при помощи горелки. Но чтобы горелка действовала, ему придется поднять уровень кислорода, а к тому времени, как операция будет завершена, воздух в каюте будет совершенно отравлен. Дома все это заняло бы полчаса, но здесь это было такой же тяжелой работой, как разгрузка вагонов с углем.

Но, наконец, двигатель был подсоединен к батарее и тихонько жажужжал. Небольшое дуновение воздуха можно было едва почувствовать. Но Дольф надеялся, что постепенно его насос все же поднимет давление в каюте. Затем, после пяти минут отдыха — что было совсем недостаточно, — Дольф снова уменьшил подачу кислорода до тончайшей струйки.

А пока он отдыхал, то услышал какое-то перешептывание, источник которого не мог определить. Сначала он подумал, что это мог быть ветер, но в разреженной атмосфере снаружи такие звуки были

бы невозможны. Или все же возможны? В конце концов, астрономы частенько видели песчаные бури, несущиеся по Марсу, и не раз проклинали их за то, что они закрывали видимость и мешали работать. Затем Дольф встал и выплянул в иллюминатор.

Да, это был ветер. Слабые, почти незаметные волны проходили по поверхности цепляющейся за землю растительности, которую, пока он наблюдал, стал постепенно закрывать легкий туман.

Через несколько секунд шепот превратился во вздохи, а затем вздохи сделались негромким, но ясно слышимым свистом, с каким ветер огибал углы его ящика-корабля. Туман сгущался, ближняя стена кратера становилась неясной. Затем она вообще исчезла, а воздух потемнел, хотя еще явно был день. Просто исчез солнечный свет, словно небо закрыли тучи. На одну секунду у Дольфа мелькнула в голове дикая мысль, уж не собирается ли пойти дождь?

Но дождя, разумеется, не было. Просто воздух темнел все сильнее от взлетевшей пыли и мелкого песка. Хорошо, что конструкция его наноса не допускала воздух к движущимся частям. Иначе эта хрупкая машинка не выдержала бы трения.

Но Дольфу все равно стоит приспособить к выходному отверстию какой-нибудь фильтр — и ежедневно менять его, если такие бури будут подниматься каждое утро.

Конечно, если это настоящая песчаная буря, то его просто похоронило бы под песком, и все было бы кончено.

Однако, через полчаса свист начал слабеть, и, казалось, снова начался рассвет. Через час стенка кратера снова была отчетливо видна: в разреженном воздухе пыль не могла долго висеть, если ее не поддерживал ветер, и быстро осела. Дольф предположил, что это был просто местный бриз, вызванный нагреванием долины, когда после сверхарктической ночи в нее полились солнечные лучи.

Он понадеялся, что это так, потому что если такой ветер будет регулярным, он мог бы использовать его. Фактически, это решило бы одну из его самых неотложных проблем — как подзаряжать батареи. Нужно только построить маленькую версию генератора с ветряным двигателем, с ротором из намагниченной стали. Вероятно, лопасти для ветряка можно сделать из холста — этот материал достаточно тяжел для разреженного воздуха. Но, с другой стороны, порывы ветра, казалось, были довольно сильны. Только эксперимент показал бы, какие лопасти тут подойдут лучше всего.

По часам Дольфа близился полдень, хотя солнце было с этим несогласно. И такое рассогласование должно постепенно увеличиваться, потому что марсианский день несколько длиннее земного. Конечно, Дольф мог бы открыть заднюю крышку часов и замедлить механизм, насколько получится, но он сомневался, что этого будет достаточно. Лучше всего рассчитывать марсианское время приблизительно, а

часы использовать для того, чтобы рассчитывать короткие операции, если в этом возникнет нужда – а не рискнуть открывать их в такой сухости и пыли. Внутри часов наверняка сохранился кусочек земного воздуха, и не стоило выпускать его и заменять более разреженным.

Но мысли о полудне напомнили ему, что дома в это время было время ленча. Здесь же, на Марсе, следовало дать ему другое название, желательно, чтобы в нем вообще не упоминалось об еде. В конце концов, средневековый человек питался два раза в день и был бодр и энергичен. Хищники, в основном, ели всего лишь раз в сутки. Но все равно, если бы у него была стопка блинчиков дюймов в семь высотой, с черникой или холодной патокой...

Ерунда все это, мрачно сказал себе Дольф. Немножко глотнуть воды – и продолжать работать.

Что там дальше? Потенциально, у него было средство для поддержания воздушного давления. Еще более потенциально, у него была электроэнергия. Но у него по-прежнему не было кислорода – он всего лишь мог перекрывать утечки, но не пополнять запасы. Нужно найти источник кислорода.

Была ли в марсианских растениях жидкость. А главное, была ли это вода? Если вода, то это решило бы проблему с кислородом, поскольку он мог расщепить воду электролизом и жечь водород, если не найдет способ его сохранять. Но в последнем Дольф сильно сомневался. Потому что водород, самый легкий газ во вселенной, и его невозможно перекачивать по резиновой трубке, как воду.

Дольф помотал головой. Водород был ему сейчас не нужен. Главное, чтобы было чем дышать. И еще, он опять захотел есть, хотя, вероятно, это было просто по привычке. Кислород ему был нужен, не водород, а кислород!

Дольф осторожно открыл одну из бутылочек, в которых хранил пробы, и осмотрел лежащее в ней растение. Оно не казалось высушенным, ну, может, немножко более плотным, а влажный воздух в каюте был для него настоящим пиршеством. Прозрачные мешочки надулись и сверкали, словно было готовы вот-вот лопнуть. Как же определить, была ли там вода?

Для пробы Дольф раздавил один мешочек. К великому его разочарованию, из него не вылилось ничего – совершенно ничего. Он был абсолютно сухим. Дольф раздавил другой, с тем же результатом. Но если в мешочках был не сок, что же тогда?

Озадаченный этим, Дольф поднес мешочек поближе к лицу и, когда раздавил, то почувствовал, как на него брызнула мелко распыленная холодная струйка, которая мгновенно высохла, оставив ощущение липкости, словно после морской воды. Вероятно, это был сок, содержащий раствор солей и, наверное, сахара. Но что был за растворитель?

Он все еще не мог придумать никакой простейший химический тест, который помог бы ответить на этот вопрос. Но с другой стороны, что еще там могло быть? Есть лишь один универсальный растворитель — по крайней мере, один, который стабилен при температуре, царившей на Марсе. На Юпитере это мог бы быть жидкий аммиак. Но, к счастью, Дольф был не на Юпитере. Достаточно плохо было и на Марсе. Но здесь это должна быть вода. Ничего другого просто быть не могло.

А что же за вещества растворены в ней? Они вполне могли оказаться ядовитыми. Дольф почувствовал, что не рискнет попробовать содержимое этих растений. По крайней мере, пока у него не кончится еда. Нужно дистиллировать сок при высокой температуре, только не нагревать его горелкой, потребляющей кислород. Можно было бы использовать линзы очков и зеркала, чтобы сконцентрировать солнечные лучи. При мысли об этом у Дольфа, также мелькнула мысль использовать зеркала для обогрева каюты днем.

Кстати, а что происходит с солнцем? В каюте снова потемнело. Дольф машинально взглянул на часы — 4:38. День на Марсе немного длиннее земного, так что это еще не вечер. Просто солнце немного склонилось к горизонту, и его лучи уже не достигали дна оазиса. Начнется ли после наступления темноты еще одна короткая песчаная буря? Вероятно... Но, при удаче, Дольф во время ее уже будет спать.

При удаче, он бы проспал гораздо дольше.

И вообще, не стоит развивать бурную деятельность сверх абсолютной необходимости поддерживать жизнь, пока...

Пока что?

Дольф понял, что не может ответить на этот вопрос. У него и мыслей не появлялось о спасении — хотя бы просто потому, что никто не знал, где он находится. Он предположил, что можно, как только он соорудит ветряной электрогенератор, собрать радиопередатчик, который могут услышать на Земле, поскольку, как он читал, для межпланетной связи требуется удивительно мало энергии. Разумеется, он не может сделать микрофон, поэтому передатчик сможет передавать лишь точки и тире — он не знал полностью азбуку Морзе, но, по иронии судьбы, призыв о помощи — три точки, три тире, три точки — совпадал с началом Пятой симфонии Бетховена, которую любил его приемный отец.

Практически, передатчик ничем бы ему не помог, пока Земля не сумеет послать на Марс первую экспедицию. Вот тогда он мог бы использовать передатчик, чтобы привлечь к себе внимание. Экспедиция могла запеленговать сигнал и точно определить его местонахождение. А до тех пор он может использовать электричество с большей пользой, чем создавать радиошум.

К тому же, первый полет людей на Марс состоится еще очень не скоро. Задумавшись, Дольф уселся на пол и принялся стучать кула-

ком одной руки в ладонь другой. До этого времени он рассматривал проблемы выживания в расчете на месяцы. Но выживание и спасение? На это потребуются годы, возможно, десятилетия...

Столько он не выдержит. Если он выживет вообще — то будет вынужден жить за счет земли — самой чужой, самой безжизненной и не приветливой земли, на которую только ступала нога человека.

Если бы только он хорошенько подумал и захватил запасную лампу — единственный компонент в его установке, который, в случае поломки, он ничем не мог заменить! Если бы только... Тут он честно признался себе, что ему не помешала бы простая предусмотрительность. Ему пришло в голову, что могла быть куча причин, по которым ему пришлось бы задержаться гораздо дольше, чем он планировал! И он мог захватить с собой в двадцать раз больше припасов, ничуть не перегрузив устройство, способное поднять и нести груз неизмеримо больший.

Но теперь уже поздно. Он останется на Марсе, по меньшей мере, на десять лет. А может, и на всю жизнь.

Внезапно он понял, что вокруг стало темным-темно. Куда же делся день? Он никак еще не мог закончиться.

В темноте он услышал пульсацию своего насоса. Этот звук немного успокаивал. По крайней мере, насос еще проработает какое-то время, а если в трубку все же забьется песок, то нужно будет вовремя прочистить ее. Утром Дольф должен первым делом заняться этим.

А тем временем, в холодной тьме марсианской ночи насос шептал ему: «Всю жизнь... Всю жизнь... Всю жизнь... Всю жизнь... Всю жизнь... Всю жизнь...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЯТНИЦА

6. Вечер на Марсе

Было не совсем верно, что никто не знал, где находится Дольф. Но отчасти это было так, именно отчасти, что уже было неплохо, вернее, могло быть неплохо в будущем.

Наннет знала, где он, правда, с некоторыми оговорками. Карта Марса была вырвана из книги и выброшена потому, что это была карта из Флэгстаффа, обсерватории, где астрономы давали волю воображению влиять на наблюдения за красной планетой, начиная с того дня, когда Лоуэлл изобразил начертания Залива Шеба. Здравый смысл подсказывал ей, что Дольф, скорее всего, будет придержи-

ваться запланированного места посадки, хотя бы потому, что это большое зеленое пятно возле экватора почти гарантирует, что здесь окажется наиболее приемлемая область Марса, особенно в разгаре лета. То, что отмеченная область была величиной чуть ли не с Флориду, не смущала Наннет, так как ее не смущало вообще ничего — даже в большей степени, нежели Дольфа, вероятно, потому, что она была моложе его, и в ее мыслительных процессах была смесь чистоты, наивности и поразительной изобретательности, а также великолепное невнимание к мелким, но решающим деталям, которые напугали бы любого взрослого... любого, кто уже забыл о противоречивом уме подростков.

Наннет знала точно, где находится Дольф, и собиралась добраться до него.

По последнему пункту почти не было работы, так как у нее была действующая модель устройства Дольфа — та самая, которую Дольф продемонстрировал ей при пробном полете, вручив, таким образом, свою тайну в ее руки. При помощи монтажного стола она смогла проверить устройство, которое было еще более простым, чем то, с которым Дольф отправился на Марс, а паяльником она восстановила несколько схем, которые могли бы подкачать во время работы.

Ведро с варом подсказало, что ей предстояло законопатить щели в ее предполагаемом корабле (Наннет призналась себе, что додумалась до этого не без намеков), и вообще, она пользовалась всеми подкасками, разбросанными в гараже, а также всеми знаниями, которые почерпнула из книг.

Но не все из них она могла использовать с выгодой для себя. С одной стороны, она была абсолютно убеждена, что нужно спешить — а даже в обычных обстоятельствах она не отличалась большим терпением. Во вторых, она не накопила заранее денег для этого предприятия, и вообще, у нее было меньше финансовых источников, чем у Дольфа. И наконец — что было наиболее кардинальным, — она вообще не думала об этом.

Но в одном Наннет превзошла Дольфа: она оставила записку. Там она написала:

«Дорогие мама и папа, мистер и миссис Хэртель!

Вы не поверите, но я вам не лгу. Дольф отправился не в поход. Он улетел на Марс, а я лечу за ним.

Я понимаю, как это звучит, но, возможно, если мы не вернемся, и вы нигде не найдете нас, то вспомните мои слова. Мы не бежали тайком и не наделали прочих глупостей. Просто Дольф открыл, что очень легко и просто можно создать антигравитационное устройство. Он взял меня в первый пробный полет, а затем соорудил своего рода космический корабль из домика на дереве — и

улетел в нем на Марс. Я знаю, что он не собирался задерживаться там, потому что он взял с собой очень мало припасов. Но он еще не вернулся, и я должна отправиться за ним, так как он, вероятно, нуждается в помощи.

Он сделал на карте Марса пометку в месте под названием Залив Шеба, и я совершенно уверена, что он застрял где-то там, так что туда я и лечу. Я верну его, если все пойдет нормально. Если же нет, то мы оба влипли, но вы, пожалуйста, не волнуйтесь.

*Люблю и все прочее,
Наннет».*

Она положила в конверт с запиской карту, но не приложила к ней схему установки Дольфа или его расчеты, заметки, хоть что-то, что помогло бы кому-нибудь вновь открыть антигравитацию, не говоря уж, что это послужило бы страховкой. Конверт она тщательно заклеила и оставила на монтажном столе. Затем в другой конверт она скопировала вышеупомянутые расчеты и записи на случай, если Дольф случайно забыл их, и теперь они ему крайне нужны, тщательно запаковала этот конверт и забрала с собой.

Затем подняла и поставила собственный маленький корабль на старые салазки, вытащила салазки из гаража на дорогу, откуда взлетела в темноту ночи — как сделал прежде Дольф. С ней улетел и бесценный, но бесполезный для Дольфа, и тем более, для нее конверт, бесценный, потому что, останься он на Земле, то мог бы стать последней надеждой на спасение для Дольфа и Наннет. Темнота поглотила ее с обычным безразличием, и лишь сердце ее на секунду замерло от страха и восторга, но летней ночью в Айове вряд ли кто смотрит на звезды, кроме юных влюбленных.

Что же касается Дольфа, то он в это время мастерил пресс и считал это гораздо труднее, чем ему казалось, когда он делал эскиз. Он бросил бы его, если бы от этого не зависела его жизнь.

Однако, в мешочках с соком лишайника, помимо воды, было что-то еще. Он обнаружил это не сразу, а лишь когда по утрам сухость и жжение во рту, в горле и в носу, а также кровотечение из носа и частый сухой кашель подсказали, что нужно поддерживать определенный процент влажности воздуха, или умереть от обезвоживания. Фитиль из ткани, опущенный в чашку Петри, был самым простым решением этой проблемы, но Дольфу очень не хотелось использовать воду из канистры для чего-либо, помимо питья.

Очевидное решение состояло в том, чтобы использовать сок, выжатый из растений. Кроме того, в процессе работы над этим была обнаружена еще одна выгода. Изрядная часть мешочков казалось пустой, Дольф подумал, на что они могли бы сгодиться, ответил

сам себе: «Ни на что», и сунул один такой мешочек в пламя спички. Спичка на короткий миг вспыхнула ярче. «Пустые» мешочки, оказывается, содержали кислород, вероятно, не совсем чистый кислород, но близко к тому.

Оба открытия были равно полезны. В марсианской атмосфере было слишком мало водяного пара и кислорода, чтобы в ней могли выжить земные растения. Но марсианские лишайники, должно быть, добывали воду и кислород из лимонитовых песков, на которых росли. И этого им хватало, чтобы поддерживать жизнь в клетках, той части окружающей среды, которую известный физиолог Клод Бернард назвал «внутренней».

Следовательно, если Дольф станет выжимать воду из растений в каюте, то поднимет в ней содержание кислорода – наверняка, лишь часть того, в котором нуждался, но тут пригодится каждая лишняя молекула.

Когда пресс был завершен, он походил на какое-то сооружение из мехов (наркоман назвал бы это соковыжималкой). Следующим шагом по плану он должен был начать делать дистиллятор из имеющейся в его распоряжении стеклянной посуды – пока у него еще хватало кислорода, чтобы завершить эту работу. Потому что, чем больше пройдет времени, тем меньше у него останется кислорода, а кроме того, следовало учитывать, что какое-то его количество пропадет впустую из-за неизбежного брака.

День подходил к концу – Дольф уже давно не считал, что марсианские дни длиннее земных, – но он не хотел прерывать работу над дистиллятором посередине. Так что его нужно было отложить на завтра, а пока что заняться чем-нибудь другим. Он собирался загрузить свой пресс. Для этого нужно было вылезти наружу и собрать побольше лишайника. Дольф не покидал корабля целых два дня, и нужно было сделать это побыстрее, пока он еще не стал слишком слаб, чтобы двигаться. Тесное помещение, холодные ночи и низкая сила тяжести совместно отнимали у него силы и подвижность.

Дольф привязал к поясу бельевую веревку, которой намеревался обвязать кипу лишайника, надел теплую одежду, респиратор и выполз наружу, на песок. Как раз в это время начался ветер, поднявший тучи песка, и он чуть было не замерз, прежде чем успел заползти под прикрытие своего корабля. Но буря быстро прекратилась и вроде бы не причинила никакого непоправимого урона. Тогда Дольф решил начинать работу, так как близились сумерки, и сегодня у него больше не было возможности заняться сбором урожая.

Но прежде он удовлетворил свое желание полюбоваться небом. Оно было темным в зените и совсем черным у горизонта, хотя на западе вдоль края кратера виднелась полоска сине-стального цвета, которую создавало посылающее прощальные лучи маленькое солн-

це. Ярко горели звезды, их были тысячи, гораздо больше, чем когда-либо было видно в небе Айовы даже в самых лучших для наблюдения условиях. Дольф сомневался, что на Марсе у него появится время повторно изучить созвездия, хотя их очертания не слишком изменились. Но здесь они были заполнены огромным числом «новых» звезд, которых не позволяла увидеть Земная атмосфера.

И прямо сейчас в небе было два необычных объекта.

Одна тусклая искорка легонько скользила к северному краю кратера. Наверное, это был один из двух спутников – ничто иное не могло так явно перемещаться в марсианском небе, и, вероятнее всего, это был Деймос, больший, но наиболее далекий из двух. К тому же, Дольф приземлился слишком далеко на юге, чтобы увидеть Деймос даже на плато. Деймос тоже казался бы только тусклой искоркой, и был бы весьма далек от низко висящей луны, изображенной на рисунках к произведениям Эдгара Райса Берроуза о Марсе. Если бы он не двигался, то его было бы невозможно отличить от многочисленных, более ярких звезд.

Новотчембыл другой необычный объект, Дольфи представить себе не мог. Это была звезда, такая же яркая, как Ригель или Сириус, и – хотя ни одна звезда на Марсе не мерцала, так как атмосфера для этого была слишком разреженной, – светилась она вообще не как звезда, а как планета. Больше того, хотя она и светилась голубовато-белым светом, как любая из звезд-гигантов, в ее свете был и зеленоватый оттенок, какого Дольф еще не видел ни у одной звезды.

И, глядя на нее, Дольф почувствовал, что тонет в невидимом море ностальгии. Потому что это не могло быть ничем иным, кроме Земли. Дольф не мог поверить, что сердце и душа могут так потянуться к тому, что, казалось, было лишь светящейся точкой – блестящей, красивой точкой, что и говорить, но только одной из многих...

И тут Земля внезапно погасла.

Секунду Дольфу казалось, что глаза подвели его, и он даже потерял перчаткой защитные очки. В следующий миг его поразило ужасное подозрение, один из тех кошмаров, которые мучили всех со времен Хиросимы. Но если Земля взорвалась, то...

Дольф не успел построить никаких предположений, потому что звезды, окружавшие Землю, тоже исчезли... а затем, через секунду, в черном космосе, почти в самом зените, появился красновато-желтый ромб, похожий на одну сторону падающей коробки.

Это и была падающая коробка, поймавшая последние солнечные лучи, прежде чем опустилась ниже гребня кратера. Теперь он не мог следить за ее спуском, кроме как по расширяющейся над ним беззвездной области. Это был... должен быть, – других вариантов не существовало, – другой ящик, такой же, как его собственный. Он направлялся прямо к нему, но спускался слишком быстро.

Дольф знал, что нет смысла бежать. Ящик мог упасть на него, а мог разбить его собственный дом. Поэтому он стоял, как замороженный, глядя вверх. Черная область росла. А затем, внезапно, перестала расти и двинулась на северо-запад. Через секунду она уже не закрывала звезды у него над головой, а через две вообще исчезла.

Может, ничего и не было? Может, ему все это почудилось? Дольф почти надеялся, что это так. Он уже подумал о том, что в ящике могло быть то, в чем он нуждался... Конечно, если кто-то прилетел, чтобы спасти его, то уж наверняка захватил с собой побольше запасов. Но у Дольфа также возникло страшное подозрение о том, кто мог лететь в этом ящике. Лучше уж пусть это будет кошмар, вызванный одиночеством и кислородным голоданием, чем предположение, которое могло оказаться верным...

Долгий, глухой удар донесся из темноты, слишком громкий в разреженном воздухе, а значит, падение должно произойти очень близко. Дольф прорычал в респираторе фразу, за которую отчим устроил бы ему выволочку... если бы только пасынок был в пределах его досягаемости. А затем Дольф ринулся в сторону падения.

7. Дети в небе

Из всего, что Дольф успел прочитать за свою относительно короткую жизнь, а также из наблюдения за людьми, он был вправе прийти к заключению, что любое реальное спасение могло произойти лишь через много лет, если вообще когда-то произойдет. Правда, большинство людей, которых он знал лично, были вполне приятными, но как раз у них-то не было стремления, денег или научных знаний, чтобы решить эту проблему. А большая часть беллетристики повествовала о людях фантастически эгоцентричных, грязных, без малейшей искорки человечности в душе, без доброты даже к самим себе, не говоря уж об окружающих. Построив нечто вроде баланса между этими двумя мнениями, Дольф пришел к заключению, что с Марса ему придется выбираться самостоятельно.

Он знал, что государство называет космическими полетами, и знал состояние дел на тот момент, когда покинул Землю, пусть знал приблизительно, но все же достаточно правильно. Не было ни малейшей надежды на экспедицию к Марсу в течение многих лет, даже если все Человечество поставит себе задачу спасти его — на что Дольф не стал бы и надеяться. Земные технологии просто еще не доросли до такого.

Дольф был в этом совершенно прав, но он не учел один фактор, просто потому, что никогда не слышал о нем. Это не было его ошибкой, за его жизнь не появлялось подобных примеров. Это был фактор, который журналисты на своем диком, но не всегда циничном жаргоне называют призыв: «ребенок упал в колодец».

Безусловно, родители Дольфа и Наннет уже заподозрили худшее — чем, как правильно предположила Наннет, являлось тайное бегство, для брака или просто так. Но отсутствие доказательства в его подготовке, а также несовместимость с характерами Наннет и Дольфа, а также с обстоятельствами их исчезновения, отменили это подозрение. Началась пора предположений.

Следующим явилось ужасное предположение о похищении и убийстве. Но не было требований выкупа и не было обнаружено никаких тел. Тогда, — с возрастающим отчаянием, которое любой посторонний принял бы за праведный гнев, — семьи пришли к заключению, что молодежь просто отправилась в поход и солгала о нем (изобретательно, дико, вероятно, почерпнув тему из каких-то книг), чтобы выиграть время для необычно долгой поездки. Но, в конце концов, и эта история рухнула под собственной тяжестью, потому что не было вообще никаких подтверждений.

В течение всего этого времени — а речь шла о неделях, — все вокруг было усеяно подсказками, указывающими в одном направлении: в направлении, в котором Дольф и Наннет действительно скрылись, и о каком Наннет честно поведала в своей записке. Учитывая то, что обе семьи больше всего в мире хотели, чтобы их дети вернулись домой целыми и невредимыми, они перестали звать на помощь, но поверили в имеющиеся у них доказательства, а также и в честность своих детей.

Потребовалось много времени, так как взрослые имели такое же мнение, что и Дольф, о том, как отнесутся власти к подобной истории. За это время семьи обдумали свои действия и все возможные альтернативы, а также провели все возможные поиски как собственными скромными силами, так и с помощью местной полиции. Теперь они были готовы к большему и отбросили все ограничения. Они разослали телеграммы сенаторам и конгрессменам, обратились к президенту страны и важным шишкам из НАСА, как в Вашингтоне, так и на Мысе Кеннеди. Они сделали множество телефонных звонков и разослали множество телеграмм ученым, работающим в космической программе. И, что было самым смелым шагом, они, наплевав на последствия, обратились к прессе.

Пресса выслушала их и завопила: «Обман!» Газеты и телевидение отреагировали одинаково, заявив, что это еще одна Розуэллская история или длившиеся десятилетиями рассказы о летающих блюдцах, что-то подобное, лишь бы заполнить затишье летнего периода, когда не предвидится никаких других сенсаций. Две отчаявшихся семьи из Айовы прошли полный курс насмешек и опровержений. Их ночи были наполнены отчаянием, а дни бессильным гневом.

Но даже это не длится вечно, и уже, тут и там, несколько важных персон выслушали семьи и серьезно отнеслись к их сообщению — или, по крайней мере, прикинули, что это значило бы для космиче-

ской программы. Кто-то в Вашингтоне из верхушки НАСА узнал, что миссис Хэртель ведет с кем-то переговоры, и медлительная чиновничья машина начала пробуждаться после летней спячки. Один математик в Лондоне, который всю жизнь пытался подкопаться под теорию Относительности, прочитал искаженные газетные сообщения, исписал восемнадцать страниц вычислениями, понять которые могли лишь два человека в мире, и послал их обычной почтой одному из этих двоих. Его помощник сфотографировал эти вычисления прежде, чем они были отправлены, и тайком переправил их в Москву, где жил второй человек (есть в мире немало научных отступников и шпионов).

Человек в Москве размышлял над этими листками ужасную долгую ночь, затем решил ради них рискнуть своей жизнью, карьерой, семьей и даже страной — хотя, возможно, не в таком порядке.

Одиноким оператор 68-футового радиотелескопа в австралийской пустыне, направил его гигантскую антенну на Марс и уловил, хотя не мог точно определить, из какой именно точки, слабые сигналы, которые могли быть созданы маленьким электродвигателем, и принялся писать краткую техническую статью, которую назвал «Нерегулярные марсианские аномалии в широком диапазоне» для журнала, носившего название (на латыни) «Труды Швейцарского Общества Свободного Эфира», которую впоследствии никто не заметит и не заинтересуется еще много десятилетий. Больше в то время было ничего неизвестно об этом, отчасти потому, что часть сообщений попала в засекреченные папки, а отчасти просто по невежеству, однако, работа в этом направлении все же началась, хотя и медленно, очень медленно.

И немного быстрее, потому что на нее оказывалось больше давления, пресса изменила свое мнение и стала считать эту историю не только живой и не опровергнутой, но и выдающей некоторые признаки официального интереса, что, в конце концов, было самым важным. Пресса попыталась навести справки о соответствующих чиновниках и везде получила отказ, что еще больше повысило ее интерес к этой истории. И, поскольку у нее не было никаких официальных сообщений, пресса вновь обратилась к принципу «ребенок упал в колодец». Теперь это выглядело так:

«НАСА НАМЕКАЕТ, ЧТО ДЕТИ ИСЧЕЗЛИ В НЕБЕ!»

«Сын специалиста в области космических исследований улетел со своей подружкой на Марс?»

«Сенатор Хилл потребовал раскрыть тайны о подростках на Марсе, которые, по слухам, потерпели крушение на Красной планете»

«СССР может подготовить спасательную экспедицию»

«Спасите наших детей» — подлинная история, которую рассказывают родители марсианских путешественников»

«ВСЕ МИФЫ О МАРСЕ»

«Шийла Джарлинг советует подросткам: «проведите медовый месяц на настоящем Марсе»

«СПЕЦИАЛИСТ ПО КОСМИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ СООБЩИЛ: ДЕТИ НА МАРСЕ НЕ СМОГУТ ВЫЖИТЬ».

«Ученые на Мысе Кеннеди ищут способ к быстрому строительству корабля в рамках «Проекта Арес».

На самом деле мир был таким же плохим, каким оценил его Дольф. Он мог быть еще хуже, просто на памяти Дольфа не было войны. Но все равно. Пусть погибают дети и собираются технические ресурсы для их спасения, но большая часть человечества будет есть, пить, участвовать в турнире на бильярде, делать ставки на скачках и при этом читать выходящие каждый полчаса бюллетени прессы об этом деле.

Полные благих намерений глупцы посылали отчаявшимся семьям деньги. Другие просто собирались группками, чтобы пилить на их дома, или приносили никчемные подарки и перлись с ними, пока их не останавливали полицейские кордоны. Журналисты стремились получить с их интервью больше, чем они сумели бы дать, даже если бы сутками кряду больше ничем не занимались. Тысячи людей, которые никогда в жизни не глядели на небо, теперь с уверенностью показывали туда, где, по их мнению, находился Марс, и просто удивительно, сколько раз они оказывались правы. Квазимистическое течение под названием «Бессменная вахта Марса» охватило множество мелких религиозных сект, особенно в южной Калифорнии (где тот факт, что Марс также называют Красной планетой, убедил некоторых политических и религиозных деятелей, что «Дети в небе» является просто частью обширного коммунистического заговора, наравне с ЮНИСЕФ и смешанными браками). А кроме этого, во всех главных церквях мира было вознесено несчетное количество молитв об их спасении.

Но призыв «ребенок в колодце» приостановило осознание того, что скоро наступит время, когда все усилия и надежды будут уже ни к чему. Полное и точное расследование, которое провели две семьи, показало, с очень маленькой вероятностью ошибки, какие именно припасы взяли с собой Дольф и Наннет. А исходя из этого, можно было вычислить, сколько времени они останутся живы, принимая (очень оптимистично) во внимание то, что они приземлились на Марсе мягко, без всякого вреда для себя, потерь или повреждений. Тут же стало ясно, что фон Браун, глава «Проекта Арес», не сумеет закончить его в отпущенные сроки, не говоря уж о том, что для полета на Марс кораблю потребуется 228 дней.

(Этот факт, однако, никоим образом не отговорил газеты спонсировать поездки на автобусах членам школьных научных клубов на Мыс Кеннеди, чтобы наблюдать за строительством корабля фон

Брауна, хотя было мало вероятности что-то увидеть с того расстояния, на которое их допускали. Экскурсанты тайком делали снимки и потом давали интервью телевидению).

Никакое следствие и научные исследования, самостоятельные и на конференциях, не дали ни малейшего намека на то, каким именно образом Дольф и Наннет совершили этот полет. Один только этот факт сделал спасение юнцов почти таким же актуальным для ученых, как и для семей, попавших в беду, не только для получения этих знаний, но и потому, что ученые заподозрили у Дольфа ум, который не рождался на Земле после смерти Норберта Винера или, возможно, даже Германа Вейля. В конце концов, Дольф совершил открытие, о каком даже не могли мечтать ученые, несмотря на то, что в их распоряжении имелся самый важный факт, которого не было у Дольфа: то, что это может быть сделано, и уже было сделано.

Но время неуклонно шло к концу. «Нью-Йорк Таймс» стала вывешивать на Таймс-сквер таблички с количеством дней, которые были в запасе у детей, а затем счет пошел на часы. А потом настал день, когда «Таймс» подняла красный шар, проколотый у полюса, спуск которого означал самые важные события в жизни страны, такие, как выборы президента Соединенных Штатов. На этот раз его спуск должен был отметить окончание расчетного времени жизни Детей в Небе.

Шар был спущен в 23:32 по Восточному поясному времени – спустя девять дней после того, как Дольф покинул Землю. Посмотреть на это собралась огромная притихшая толпа, и спуск сопровождался совместным вздохом, почти шепотом, отдельных людей, который подхватили остальные. И по толпе пронеслась волна стона.

Во всем остальном мире были приспущены флаги, и никто не сумел бы подсчитать, сколько миллионов человек увидели передаваемые по телевидению всех стран поминальные службы.

Затем флаги были снова подняты, и начался выпуск мемориальных книг и брошюр. А к осени серьезное дело по управлению миром должно было войти в обычное русло.

Дело Детей в Небе было закрыто.

Дольф добрался до Наннет секунд через шесть-семь после падения, но эти секунды показались ему вечностью. Удар превратил ее ящик в беспорядочную кучу хлама, но света звезд на марсианском небе Дольфу хватило, чтобы сразу увидеть под ним неподвижное тело.

Он не стал тратить время впустую. Сорвав с себя респиратор, он надел на нее, и взвалил ее тело себе на плечо. И если секунды, пока он добирался до нее, показались ему вечностью, то нет слов описать, сколько времени он нес ее, задыхаясь в холодном воздухе и понимая, что не смеет задохнуться, к своему сомнительному убежищу. Затолкать ее безвольное тело в воздушный шлюз отняло также не-

выносимо много времени, тем более, что голова у него немилосердно кружилась. Но, так или иначе, они оба оказались внутри. Затем Дольф просто сидел, стараясь отдышаться.

К счастью, он уже привык обходиться малыми дозами кислорода, но все равно, едва не умер.

Однако через какое-то время он пришел в себя настолько, что сумел осмотреть девушку. Она находилась не в лучшей форме. Во-первых, она посинела от холода и, вероятно, от кислородного голодания, так что эта синева скрывала синяки и ушибы, которые наверняка должны быть. Приземление было жестким. Дольф не мог узнать, не сломала ли она что или какие еще травмы получила, пока она не придет в себя и не сможет сказать, где и что у нее болит.

Так что пока он не мог сделать ничего, кроме как продолжать давать ей чистый кислород и попытаться согреть. Для последней цели одного одеяла было бы мало. Не долго думая, Дольф лег рядом и прижал ее к себе.

Ему показалось, что он расположился на ночлег, прижав к себе огромный пузырь со льдом. Однако, к утру, перед самым рассветом, она стала более теплой, и Дольф, страдавший от холода всю ночь, сумел, наконец, немного поспать. Его разбудила утренняя песчаная буря, а немного погодя Наннет пошевелилась и пробормотала что-то неразборчивое под кислородной маской.

Дольф быстро встал, снял с нее маску и отключил кислород. Затем, со скрипящими мышцами, приступил к сооружению скудного завтрака. Наннет, ставшая теперь розовой, не считая великолепного синяка вокруг глаза, продолжала мирно дремать, и Дольф прилагал все усилия, чтобы не потревожить ее. Ей было нужно выспаться — а ему требовалось больше времени, чтобы все обдумать.

По крайней мере, ему было ясно, что дело Детей в Небе еще очень далеко от завершения.

8. Вино и буря

Не считая подбитого глаза и еще нескольких синяков, которые Наннет отказалась демонстрировать, с ней было все в порядке. Пока она летела на Марс, ее плохо загерметизированный ящик давал утечку, так что она потеряла сознание еще до приземления. Именно это и вызвало катастрофу, которая, к счастью, была не такой ужасной из-за более слабой гравитации Марса и непогашенного импульса движения ящика.

Конечно, оставалась вероятность, что она получила серьезную дозу облучения по время полета. Но поскольку полет длился несколько дней, а у нее не начали выпадать волосы, не появлялась бледность и тошнота, то Дольф решил не думать об этом. Не считая

синяков, она была почти здорова – и голодна.

– Ты привезла с собой продукты? – спросил ее Дольф.

– Да, сколько вошло в мой ящик. Видишь ли, он был поменьше твоего.

– Ты хочешь сказать, что я вынужден делиться с тобой, – сказал Дольф. – Вероятно, это касается и кислорода, и всего остального. Уфф! Нэн, мне, конечно, приятно, что ты прилетела за мной, а также что ты такая умная, но мы в полном дерьме! Тебе не следовало делать этого.

– Но я уже здесь, – заметила Наннет. – И я...

– О кей, о кей! Мы оба остались живы. Думаю, нам нужно отправиться на место падения ящика и поглядеть, что там уцелело.

– Отлично! Пошли туда...

– Не так быстро! И, Нэн, пожалуйста, не нужно суетиться. Ты впустую тратишь кислород. Поверь мне, здесь мы должны продумывать каждое движение, прежде чем сделаем его.

– Прости, – сказала Наннет с таким покаянным видом, что Дольф немедленно почувствовал себя, как тридцать три задницы. – Жду твоих приказов.

– Дело не в приказах, – сказал Дольф и замолчал, обдумывая, как объяснить этой бурлящей энергией девчонке, что она может в любую минуту умереть сотней различных способов, как один раз уже чуть было не умерла. – Во-первых, у меня только одна маска и один комплект теплой одежды, а также одни защитные очки. Нельзя выходить наружу без всего этого. Условия здесь такие же, как на вершине Эвереста плюс посреди Мертвой пустыни. В полдень достаточно тепло, но в остальное время царит смертельный холод.

– Я это знаю, – с некоторым удивлением сказала Наннет. – Я захватила с собой очки и маску... просто я забыла надеть их перед приземлением. Они остались на месте аварии, наряду с кислородными баллонами и моей теплой одеждой.

– А-а... Ну, так я пойду и принесу их. Если они целы, то потом, вероятно, мы сможем выходить вдвоем.

– Превосходно! – воскликнула Наннет. – А пока ты ходишь, я приготавливаю завтрак.

– Нет, нет!

– Это еще почему?

Дольфу пришлось сначала откашляться.

– Мы уже позавтракали, Нэн, а также и пообедали. Я здесь придерживаюсь правила есть один раз в день. И никакого приготовления не требуется. Упаковки НЗ саморазогревающиеся. Они становятся теплыми, пока их открываешь, так что дают нам дополнительный обогрев. Здесь нельзя тратить ничего впустую. Мы просто не можем позволить себе это.

Секунду Наннет выглядела так, словно собиралась нахмуриться, но внезапно слегка улыбнулась.

— Ладно, я не стану ничего готовить. Тогда я немного приберусь... нет, наверное, это относится к правилу: никакой суеты. Ну, по крайней мере, мне не придется думать о диете, а то дома я уже начала толстеть. — Она помолчала, критически посмотрела на Дольфа, затем засмеялась. — Ты похож на собаку, пытающуюся сообразить, что делать с дикобразом. Расслабься, Дольф. Я человек, так что все пойму... действительно, пойму.

— Хорошо, — с сомнением сказал Дольф.

Девушка по разным причинам была большей проблемой, нежели Марс, хотя бы потому, что о ней ему было известно гораздо меньше. Но поскольку ему не оставалось выбора, он оделся, вылез наружу и, чтобы отвлечься, стал думать, что найдет на месте крушения... и что обнаружит, когда вернется домой.

Дольф даже не заметил, что впервые назвал свой ящик «домом».

И действительно, когда он вернулся, то был совершенно не подоготовлен к тому, что увидит. Наннет обнаружила неисправность в насосе, на которую Дольф не обратил внимания.

— И что за неисправность? — спросил он.

— Да ничего страшного, — спокойно ответила Наннет. — Ты просто забыл его смазать, только и всего.

— Но... чем же ты его смазала?

— Потерла оси о нос. Если уж следующие десять лет я должна ходить с невымытым, сальным носом, то пусть это хоть на что-то пригодится. Садись и перестань зевать, Дольф. Лучше покажи, что ты нашел.

Чересчур нагло было надеяться, что радиолампа Наннет переживет катастрофу. Так оно и случилось. Но они обогатились удивительно большим количеством припасов и инструментов, к тому же второй человек изменил интерьер ящика Дольфа, поскольку теперь ящик оказался слишком тесным и переполненным. Обдумывая этот вопрос, Дольф принял решение, которое, к тому же, поможет ему запасти побольше растений — навес.

— Я думаю, лучше всего построить его рядом со шлюзом, — сказал Дольф.

— Но почему? Он же окажется у нас на дороге.

— Нет, не совсем, к тому же, он поможет нам с выходом. Возможно, ты заметила, что песчаные бури дуют всегда с запада на восток, так же, как и на Земле, а воздушный шлюз выходит на север. Если мы действительно проживем тут достаточно долго, то постепенно песок нанесет перед шлюзом дюну. Если же я поставлю навес с севера и сделаю вход в него с востока, то у нас будет некоторая защита от песка.

— Это имеет смысл, — тут же признала Наннет. — К тому же, мы станем отбрасывать более длинную тень.

– Что? Конечно, наверняка это так, но что нам с того?

– Песок несется почти горизонтально. Если дом станет в два раза длиннее, то вдоль него нанесет вдвое больше песка, а значит, за домом будет вдвое шире проулок.

– Ну, да, – кивнул Дольф. – Это может быть ценным для нас. А ты молодец, рассуждаешь.

– Спасибо.

– Фактически, если бы ты не соображала, то вообще не вляпалась бы во все это, – добавил Дольф, и самодовольное выражение тут же исчезло с ее лица. – Ладно, продолжаем. Когда избавимся от нужных вещей, то первым делом построим ветряк... А то, боюсь, как бы мы не просрочили время для перезарядки батарей.

Дольф не сумел бы построить навес герметичным, даже если бы у него хватило на это материала. И он вынужден был согласиться перенести в него больше половины имущества, чтобы разгрузить жилое помещение.

Генератор ветряка заработал хорошо, и, приободрившись, Дольф попробовал, наконец, производить кислород путем электролиза сока собранного лишайника. Это также сработало, подтвердив его теорию, что сок, в основном, стоял из воды. Но при этом они столкнулись с проблемой, о какой Дольф не подумал. От сока оставался коричневый, липкий осадок, который трудно было вычищать. А так же в будущем ему предстояло решить проблему питьевой воды, в которой тоже накапливалась эта смола.

– Ну, должна же она на что-то годиться, – задумчиво проворчал он.

– Для еды, – предложила Наннет, которую постоянно мучил голод.

– Что-то мне не хочется ее пробовать, – покачал головой Дольф. – Если бы щели в навесе не были такими большими, можно было бы попытаться заклеить их.

– Так заткни их высушенным лишайником. Его же масса снаружи.

– Это не будет достаточно прочно. Но, возможно... Гм-м... Знаешь, держу пари, что если мы раскатаем его тонким слоем, а потом сверху покроем этой липкой дрянью, то получится неплохая бумага.

– Ты мой герой! – с насмешкой сказала Наннет. – Тогда мы сможем вести дневник.

Дольф сознавал, что присутствие Наннет подбадривает его, хотя с ее появлением увеличилось количество проблем.

– Но я имею в виду, этим можно будет законопатить щели. Мы можем насыпать в навесе песок, чтобы сделать гладкий пол, и раскатывать на нем бумагу. Нам ведь не важно, будет ли она однородной, главное, что мы можем покрыть ею стенки навеса во столько слоев, сколько будет необходимо. Тогда мы сможем герметизировать навес. Могу держать пари, на это потребуется не больше месяца.

– Прекрасная идея, – двусмысленно заметила Наннет. – Обои на

Марсе! Отлично! Хочу обои с цветочками!

– Зачем?

– Поскольку я собираюсь там жить, то мне и выбирать.

– Глупости. Давай-ка начнем работать.

Однако, ее предположение, что смолу можно есть, засело у Дольфа где-то в подсознании. Теперь, с появлением на борту Наннет, они оказались перед необходимостью попробовать лишайники в качестве еды, чтобы узнать, съедобны ли они. Дольф решил провести один эксперимент, причем конфиденциально: не было смысла подвергать опасности их обоих. Но когда? По крайней мере, нужно подождать, пока они не закончат клеить обои. К тому времени Наннет должна набраться опыта выживания на Марсе и узнать о ловушках, с которыми Дольф встретился после прибытия сюда, чтобы иметь, по меньшей мере, хорошие шансы выжить в одиночку, если он... ну, в общем, шансы не хуже, чем они имели вдвоем.

Явная потребность сохранять этот план в тайне сделала его исполнение вдвое труднее. Так или иначе, ему не помогло то, что наклейка обоев прошла с шумным успехом, и Наннет веселилась, как щенок, видя перспективу обзавестись собственной комнатой. Дольф даже подумал, не слишком ли она веселится и не слишком ли оптимистично смотрит на жизнь на Марсе, чтобы с достаточной серьезностью отнестись к вопросам собственного выживания. Не лучше ли было бы подождать, пока...

Но Дольф тут же назвал эти рассуждения чистой воды оправданием и с ожесточением отмел их. Когда наступил назначенный срок, он не был готов приветствовать его с удовольствием, но настроен был решительно.

Наннет как раз была в соседней квартире, перетаскивая туда вещи – совершая чисто женский обряд переселений. Дольф взял пол унции сока лишайника, недавно выжатого под прессом и потому довольно холодного. Он подумал, что теперь знает, что чувствовал Сократ, взявший чашу с соком болиголова. Глубоко вздохнув, он сделал глоток с самой нефилософской гримасой.

Затем затаил дыхание и стал ждать...

Ждать пришлось недолго, и реакция его удивила. Хотя она была совершенно не та, которую ожидал Дольф. Постепенно, но со все увеличивающейся скоростью, по его телу начала разливаться волна полного довольства. Он больше не хотел есть, не хотел пить, ему не было холодно, и он даже не чувствовал усталости. Но было и еще кое-что, кроме перечисления отрицаний. Он чувствовал себя сильным, внимательным, готовым к чему угодно, как никогда в жизни.

Дольф даже подумал: а на что походит это чувство? Он как-то попробовал алкоголь, и опьянение не имело ничего общего с нынешним состоянием. С одной стороны, от алкоголя он просто почув-

ствовал себя счастливым. А сейчас в его ощущениях не было такой ярко выраженной эмоциональной составляющей. С другой стороны, от алкоголя у него пошла кругом голова, а теперь... Чтобы проверить, Дольф прошелся взад-вперед по помещению – нет, никакого головокружения.

Только тут он сообразил, что все еще сдерживает дыхание, и глубоко вздохнул. И через несколько секунд он понял. Что у него нет ни малейшего желания сделать еще один вдох. Дольф устался на часы. Прошло десять секунд, пятнадцать, двадцать, а он все еще не чувствовал необходимости дышать. Странное подозрение пришло ему в голову, и он крикнул:

– Наннет!

– Что? Я едва тебя слышу!

– Зайди сюда на минутку, ладно? Это очень важно.

Когда он говорил, то заметил, что его диафрагма совершает маленькие вертикальные колебания, очевидно, чтобы заменить нужный для разговора воздух. Затем его грудь снова стала неподвижной.

– Дольф... Дольф, что случилось? Ты выглядишь каким-то странным!

– Как странным? Я имею в виду, каким именно? Больным, или позеленел, или что еще?

– Нет, не настолько странным, – ответила Наннет. – Просто... Просто у тебя такое выражение, словно ты увидел призрака оперы или кого-то в том же духе. Что случилось?

– Пока что не знаю, но, может быть, произошло нечто очень важное. Сделай одолжение, проверь у меня пульс. Потом я тебе скажу, зачем.

– Конечно, но... Ого! – она быстро отдернула руку.

– Что случилось?

– Ни... ничего. Ты просто ледяной. Это поразило меня.

– Я так и думал. Посчитай пульс.

Наннет снова взяла его руку, затем недоверчиво уставилась на него. Потом проверила пульс второй раз.

– С ума сойти! – сказала она. – Меньше двадцати ударов в минуту. Дольф... ты болен!

– Нет, я так не думаю. С двадцатью ударами я должен быть покойником. Но я прекрасно себя чувствую. И мне кажется, что мы спасены. Если ты поглядишь на меня, то заметишь, что я, также, и не дышу, не считая тех моментов, когда говорю.

– Немедленно прекрати играть в таинственность и напускать туман, – мрачно сказала Наннет. – А то я возьму самый тупой нож, и тогда ты действительно станешь больным. Говори, что случилось?

Усмехаясь, Дольф рассказал ей об эксперименте с соком. Наннет тут же пришла в ярость, и ему пришлось потратить не менее десяти

минут, чтобы успокоить ее.

— Знаю, знаю, все, что ты говоришь, правильно, но это было необходимо испытать. Подумай, Наннет: эта штука лучше, чем еда. Она замедляет метаболизм, примерно, в пять раз. Так мы станем использовать намного меньше еды, намного меньше воды и намного меньше кислорода. И мне нужно еще кое-что тщательно проверить, но поверь мне: это могло бы позволить нам жить снаружи без масок, по крайней мере, по несколько часов днем. Мы сэкономим на обогреве, а я в виде опыта попробую снизить вдвое температуру своего тела. Примерно через год мы будем еще радоваться этому.

— Почему через год?

— Потому что тогда наступит зима. Марсианские времена года вдвое длиннее, чем на Земле.

— Гм... Я все равно думаю, что это было безрассудно, но... Я тоже хочу попробовать.

— Нет, — твердо сказал Дольф.

— Не говори так. Если ты можешь вести себя, как дурак, то могу и я. А если от этого есть какая-то выгода, я тоже хочу получить ее.

— Я и не думаю спорить. Но не раньше, чем завершится первый эксперимент. Эта штука все еще может убить меня. А даже если и не убить, то могут возникнуть какие-нибудь долгосрочные отрицательные эффекты... то, что врачи называют хроническим отравлением. И еще, я чувствую себя так странно, что это похоже на наркотическое опьянение. Возможно, сок содержит наркотик.

— Слишком уж много всяких «возможно», — проворчала Наннет, но не стала настаивать. — Хорошо, я погожу пробовать. По крайней мере, какое-то время. Как ты думаешь, сколько мне нужно выждать?

— Н-ну... Скажем, неделю. Этого не достаточно, но минимально необходимо. Я также хочу поэкспериментировать с дозами. Может, я принял больше, чем нужно, мы ведь просто еще не знаем. Что там шумит?

Наннет подняла голову и прислушалась.

— Поднимается ветер. Это не обычный вечерний бриз. Он все усиливается.

Секунду послушав, Дольф согласился с ней.

— Интересно, что это значит?

— Ты ведь только что говорил, что нам еще почти год до зимы? Значит, сейчас еще только начало осени. Марс — небольшая планета, и здешние ветры должны меняться резко со сменой времен года. Так что, я думаю, это лишь начало таких перемен.

— Наверное, ты права. — Дольф шагнул к иллюминатору и взглянул наружу. — Посмотри, какой несет песок! Он становится гуще буквально с каждой минутой. Это плохо.

Наннет кивнула.

— Если спросишь меня, — ответила она, — то неделя будет долгой.

9. Долгая буря

Наннет оказалась права. Вечерняя песчаная буря была лишь на полчаса дольше обычного, но уже утренняя растянулась на час, и всю неделю положение неуклонно ухудшалось. К концу недели лишь около часа в полдень (и, очевидно, такой же час в полночь) воздух был тих и прозрачен. Стало ясно, что иллюминатор скоро заметет, а может, и весь их дом.

Единственная надежда была в том, что ветер дул лишь в одном направлении — с юга. Дольф долго думал и рассуждал, пытаясь понять, почему это так — ведь на Земле зимние ветры дуют как раз с севера, — потом заявил, что понял, в чем дело.

— Все это прекрасно, профессор, — с серьезным видом кивнула Наннет, — но я все равно не поняла, почему ветер все-таки с юга.

— Да потому, что один марсианский полюс теплее экватора! — воскликнул в сердцах Дольф. — Надвигается зима, а зима на Марсе не такая, как у нас, на Земле. — Он начертил круг. — Вот смотри, Марс зимой. Ветер дует от одного полюса к другому вплоть до стратосферы. И так будет продолжаться до следующего равноденствия. И дуть ветер будет с юга на север, но никак не обратно.

Несколько секунд Наннет молча думала.

— Ладно, в этом есть смысл, — наконец, заявила она. — Но мне не нравится это, Дольф. Если ветер все время дует с холодного полюса чуть ли не целый год, то здесь станет холодно.

— Конечно, — кивнул Дольф и взял ее за руку. — Послушай, Наннет, мы уже знали об этом. Мы знали это еще до того, как покинули Землю, просто не знали — почему так происходит. Даже в полдень температура здесь не станет подниматься выше точки замерзания, или, самое большее, до десяти градусов, и будет все время дуть ветер. Но здесь мы обнаружили то, что не ожидали и не могли предсказать на Земле — сок лишайника. Если с ним все будет нормально, то нам не станет слишком холодно, и мы выживем.

Наннет вдруг прикрыла глаза и медленно покачала головой.

— В чем дело, Нэн? — спросил Дольф.

— Дольф, Дольф, Лишайники же будут засыпаны песком. Может, они уже засыпаны! И зимой они умирают — мы же видели это с Земли!

С секунду Дольф стоял, потирая лоб.

— Это верно, — ошеломленно сказал он. — Это верно... Нэн, мы должны выйти.

— В такую бурю?

— Да. У нас нет выбора. Мы еще успеем откопать их с подветренной стороны дома — в «тени», о которой ты говорила. Но нужно спе-

шить, пока не навалило слишком много песку. Мы должны забить лишайником весь навес, иначе погибнем.

— Хорошо, — сказала Наннет. — Тогда передай мне бутылку с соком, Дольф.

— Сейчас не время...

— А мне наплевать. Я не выйду в бурю без этого сока. Если я сделаю это, то мы оба можем не вернуться.

Молча, ничего не говоря и не пускаясь в спор, Дольф привел в действие пресс.

Несмотря на их опасное положение, он не мог удержаться от смешка, увидев выражение, которое появилось на лице Наннет, когда эликсир начал действовать. Если и у него было такое же лицо, то не удивительно, что Наннет встревожилась во время его первого эксперимента.

— Вау! — воскликнула она. — Да это просто великолепно! Я не верю, как нечто подобное может быть ядовитым.

— Надеюсь, это не станет нашей знаменитой последней фразой, — хмыкнул Дольф. — Но у нас нет выбора. Теперь мы не сможем прожить без него. Давай одеваться, а то песок с каждой минутой становится все глубже.

В течение полуденного затишья им удалось достать из-под песка несколько бушелей лишайника, прежде чем буря загнала их в дом. Проведя дополнительные опыты, Дольф убедился, что одного глотка сока хватает, чтобы поддерживать его весь двадцати пятичасовой день, а большая доза почти не продлевает действие, так что является зряшной тратой и расточительством. Однако, они не упускали периоды затишья, чтобы увеличить свои запасы лишайника, потому что, как верно напомнила ему Наннет, когда начнется зима, лишайников не будет много месяцев.

Все остальное время они думали, чем бы заполнить долгие часы. У них было еще много дел, чтобы обеспечить себе будущее, но большую их часть невозможно было делать, пока длится буря. Поэтому Наннет приняла собственное, вначале полушутливое предложение вести дневник. Сначала в нем нужно было много чего написать, но постепенно темы исчерпались, и записи становились все короче. Но она не бросала его, так как в этом было одно неоспоримое преимущество — он одновременно исполнял роль календаря.

— Жаль, что у нас нет освещения, — сказала Наннет, — тогда мы могли бы не спать и работать по ночам. Но еще много дней погода не изменится к лучшему. Когда начинает дуть ветер и поднимает песок, я едва вижу, что пишу. Разве мы должны экономить электроэнергию теперь, когда есть ветряк? Или батарея тоже когда-нибудь испортится?

— Батареи новые и должны выдержать еще много перезарядок, — ответил Дольф. — И пока дует такой сильный ветер, мы можем по-

лучать энергию прямо от генератора. Но я не могу сделать углеродную нить накаливания. А кроме того, даже если бы я сумел выдуть стеклянную колбу для лампочки, я все равно не смогу выкачать из нее... Гм... А может, это и не нужно. Я могу просто выйти наружу и запечатать ее там. Двести миллибар азота будут не хуже вакуума... Я подумаю об этой возможности.

И пока Дольф думал, то принялся разбирать одну антигравитационную установку для ремонта другой, чтобы создать кристаллическую радиостанцию. Ему пришло в голову, что можно будет ловить сигналы самых мощных радиостанций Земли... вот только он не помнил, на каких частотах они работают, а может, и вообще этого не знал. В одиночестве и тишине Марса даже отъявленный бред шизофреника становился желанным напоминанием о доме.

А пока Дольф работал, ветер монотонно завывал за стенками, и песок уже намело до самого иллюминатора. Оазис постоянно накрывали багровые сумерки, не считая короткого прояснения в полдень, когда солнце светило прямо вниз, окрашивая киноварью бесконечные волны дюн — дикая, бессистемная красота, точно море крови, застывшего в движении.

— И что же мы станем делать со светом, когда песок засыплет иллюминаторы? — спросила Наннет.

— Наверное, выйдем и отгребем его подальше.

— И что, мистер Эдисон, вы еще не наколдовали обыкновенную лампочку?

— Нет. Будем просто отгребать песок.

— Фу! Раньше я думала, что космические полеты полны романтики.

Но, по крайней мере, Наннет казалась веселой — или храбро демонстрировала веселье. Возможно, в этом ей помогал эликсир. Небеса знают, как мало нужно человеку для радости!

Буря не прекращалась до конца недели, но во вторую, казалось, достигла апогея, во время которого унесла столько же песка, сколько прежде намела, хотя к тому времени им нужно было ежедневно вылезать наружу, чтобы раскапывать вход. К тому времени радио было почти закончено. Схема не представляла для Дольфа проблемы, нужно было только вспомнить ее, но вот с наушниками пришлось повозиться. Дольф предпочел бы динамик, чтобы было удобнее Наннет, но для него не было необходимого преобразователя. Конструкция была проста. Правда, у Дольфа не было тонкой стали для диафрагмы, но он смастерил ее из железных опилок, склеенных смолой лишайника. Она была не столь гибкая, как хотелось бы, но Дольф считал, что она все же станет работать.

После этого несколько вечеров подряд он пытался прослушать эфир, но ловил лишь слабый белый шум — «музыку сфер», являющуюся голосами далеких звезд, и вероятно, статику самого Солнца.

Очевидно, стандартные частоты, на которых ведется радиовещание, не были достаточно мощными, чтобы пробиться через атмосферу Земли и долететь до Марса. Это было плохо. Он уже надеялся, что можно будет время от времени слушать музыку... да хотя бы просто звуки человеческого голоса, пусть это будет даже реклама таблеток от головной боли. Но вместо этого, единственный искусственный сигнал, который ловил его приемник, было устойчивое *флип-флип-флип* электродвигателя его собственного насоса.

Наконец, он поймал еще какой-то сигнал, настолько тихий, что нельзя было даже понять, искусственный ли он.

— Он мне не нравится, — прошептала Наннет с расширившимися глазами, прижимая к уху неуклюжий телефон. — Словно животное воет от боли.

— Ну, может, это кто-то поет? — рассудительно предположил Дольф. — Я слышал и похуже. Но я не думаю, что это пение.

— Что же, тогда....

— Секунду, сейчас ты узнаешь все, что знаю я. Я сделал антенну в форме петли, после чего поймал этот сигнал. Слушай, что будет, когда я начну ее поворачивать.

Глаза Наннет расширились еще сильнее.

— Звук становится громче... Так, а теперь опять исчезает.

— Ну, да, — кивнул Дольф. — Провод короткий, поэтому я не могу повернуть антенну дальше, но, кажется, сигнал идет или с запада — северо-запада от того места, где мы находимся, или, возможно, с противоположного направления. Другими словами, откуда-то с Большого Сырта или из Аравии. Или с точки за ними, что более вероятно, учитывая слабость сигнала.

Наннет опустила наушник и уставилась на него.

— Но это же означает... Нет! Не думаешь же ты, что кто-то прилетел за нами?

Дольф взял у нее наушник и долго слушал высокий, полный печали и горя, вой. Он продолжался, не прерываясь, словно у того, кто его производил, не было нужды делать паузы для вдоха. Звук проникал в его череп, точно вой сверла дантиста.

— Нет, я не думаю этого, Нэн. Для этого прошло слишком мало времени... Чем бы ни являлся этот звук, он явно не человеческий. И не похож на любой другой звук, который когда-либо слышали на Земле.

— Значит... — Наннет замолчала, словно раздумывая, радоваться или тревожиться. — Выходит, это должны быть марсиане! О, Дольф, ты думаешь, что они могли бы помочь нам? Думаешь, могли бы?

— Не вижу, чем, — мягко ответил он. — Они даже не знают, что мы здесь... и я не уверен, что это плохо, по крайней мере, до того, пока мы не узнаем о них побольше. В настоящее время мы ничего не знаем о них, кроме этих сигналов. — Он снова послушал наушник, затем

покачал головой. — Что же касается того, далеко ли они находятся... Ну, Нэн, возможно, мы не сумели бы добраться туда пешком. Так что, относительно пользы, они с тем же успехом могли бы быть на Плутоне — или на Земле, для нас это все равно.

Он положил наушник на стол. Наннет не потрудилась киснуть, но по выражению ее лица было ясно, что она не собирается оплакивать исчезновение надежды, так неожиданно появившейся... по крайней мере, не сейчас.

А за стеной гудела долгая буря.

10. Кругооборот Солнца

Как любой житель Арктики — или Антарктиды — знает, что вечная зима является адом для любого человека, так и Дольф с Наннет поняли, что зима в шесть месяцев длиной, проведенная в примитивной хижине, ничем не лучше. Конечно, никакого снега здесь не было, но мелкий песок был еще хуже. Что же касается холода, то, хотя они и были под воздействием эликсира из лишайника, ночная температура в доме частенько бывала свирепой. А снаружи она настолько понизилась, что и говорить об этом не стоит.

Наннет переносила холод хуже, несмотря на то, что Дольф пытался поддерживать ее шутками, словесными играми, игрой в шахматы самодельными фигурками и, время от времени, придуманной физической работой. Ее природная жизнерадостность постепенно таяла и сменялась угрюмостью. Угрюмостью и стремлением к уединению. Синяки, которые Наннет постоянно зарабатывала, ударяясь о твердые углы в темноте хижины, не проходили целыми неделями, а через некоторое время Дольф начал подозревать, что что-то не в порядке у нее со зрением.

Была всего лишь пара эпизодов чего-то сродни бреду, но Дольф понял, что Наннет определенно больна. Вероятно, это был недостаток каких-то веществ в организме. Дольф не мог об этом судить, так как такие вещи давно исчезли в той части мира, в которой они жили, но он подозревал, что это авитаминоз. К счастью, болезнь была не очень серьезной, по крайней мере, пока, но она волновала Дольфа, а к тому же лишала его компании и помощи в работе большую часть времени.

Дольф так же взял на себя тяжкий труд продолжать ежедневно вести дневник, а в свободное время слушал непрерывный, вибрирующий вой по радио. Дольф был уверен, что в нем крылся какой-то смысл, и иногда ему казалось, что он почти нащупал его. Но каждый раз этот смысл ускользал.

Дольф подумал, что с осциллографом и скоростным магнитофоном он сумел бы решить эту задачу — но с таким же успехом он мог бы пожелать миллион долларов, Тадж-Махал и жареного омара с топле-

ным маслом и весенним салатом. Вопросы оставались, а у Дольфа не было ничего, кроме наблюдений, терпения и веры математика в то, что в основе любой загадки кроется разгадка, даже здесь, на Марсе.

И медленно, очень медленно, у него в голове начал вырисовываться ответ. От первого предположения, что этот голос – вой, казалось, издавало какой-то существо, словно животное воет от боли, как сказала Наннет, – он в конечном счете отказался, исходя из здравого рассуждения, что ни одно животное, даже диск-жокей, не может быть без перерыва час за часом, неделя за неделей, даже если ему не требуется дышать. Если бы посылаемое сообщение являлось важным и уникальным, то оно не могло быть таким длинным – и таким ограниченным в звуковом диапазоне. Но, с другой стороны, если бы сообщение было обыденным и незначительным, то посылать его могла бы машина.

Значит, машина. Но если так, то что за машина его посылала? Прежде всего, нельзя было исключать возможность, что «посылалось» оно чисто случайно, как насос, сделанный Дольфом, посылает электропомехи, и что эти звуки не несут никакой дополнительной информации, кроме той, что их посылает определенная машина. Но это были единственные на Марсе звуки, которые сумел принять Дольф. Из этого следовало предположение, что либо (а) – марсиане не знают, как экранировать электродвигатели своих машин, либо (б) – это единственная машина, существующая в данной части планеты, либо (в) – они умеют экранировать машины и экранировали все, кроме этой. Больше из этого ничего нельзя было получить чистой логикой, требовалась дополнительная информация.

Хорошо, значит, сигнал производит машина, он тривиален, но в нем кроется какое-то сообщение. Дольф понял, что эти знания уже позволяют ему прикинуть, для чего все это нужно.

Итак, о чем могло быть подобное сообщение? Но прежде, чем Дольф мог понять это, он должен был получить его. Правда, он получил его, как звук, но нет никакой гарантии, что этот сигнал посылался, как звуковые волны. Дольф знал наверняка лишь то, что сигнал несут радиоволны, которые он может перевести в звуковые. Но марсиане могут переводить их во что-то другое, им привычное – например, в световые колебания.

Тогда, предположим, сигнал нужно переводить в картинку. Другими словами, это что – телевидение? Сначала Дольф отверг это, так как он получал сигнал на длинных радиоволнах, тогда как телесигналы посылаются на коротких частотах. Но потом он вспомнил, что телевидение было изобретено в начале двадцатого века, когда еще не были доступны короткие волны. Первые опыты проводились со статическими изображениями, посылаемыми на длинных волнах и даже по проводам.

Но если эти марсианские сигналы были примитивными телепе-

редачами, то, чтобы перевести их в изображение, Дольфу понадобилась бы парочка приспособлений, которые он не мог сделать в данных условиях, например, примитивный кинескоп. Ладно, стоит запомнить эту мысль и надеяться, что она не верна.

Но секундочку, не слишком ли рано он сдается? Сигналы, подобные тем, что он слышит, вряд ли возможно перевести в изображение посложнее самого простого крестика или кружка – а это едва ли хорошие испытательные образцы для телевидения. Сама простота сигнала предполагает понять, что он разработан так, чтобы его было легко идентифицировать даже на больших расстояниях. И Дольфу пришел в голову только один вид сигналов, которые удовлетворяют всем этим условиям: маяк!

А что могло быть более вероятным на планете, покрытой пустынями, по меньшей мере, двенадцать месяцев из двадцати четырех, где даже громадные ориентиры могли быть уничтожены песчаными бурями за несколько дней? А если необходимы неподвижные точки отсчета, то их неминуемо установят так, чтобы силы природы не могли им повредить, не считая вспышек на Солнце – в электромагнитном спектре.

Так что Дольф слышал маяк, хотя это слово вряд ли подходило к безводной планете.

А уж как он может использовать это открытие, являлось вопросом, на который Дольф вообще не видел ответа.

Но больше не было смысла думать об этом, по крайней мере, до конца долгой зимы. Здоровье Наннет стало потихоньку улучшаться. По совести, говоря, улучшение было еще весьма незначительным, но Дольф был рад и этому. Вначале она говорила лишь во сне, и, видимо, сны ее сопровождалась кошмарами. Но затем начала просыпаться время от времени, а даже смущаться, узнав, что Дольф проделывает все необходимые санитарные процедуры. И Дольфу пришлось постараться убедить ее, что он будет продолжать их еще какое-то время, потому что ей нужно выздоравливать и копить силы. Он победил в этом споре, лишь жестоко напомнив ей, что на Марс она попала по собственной воле, не думая, что ей здесь предстоит испытать. После этого Наннет стала послушной, хотя и пребывала в подавленном настроении.

Но постепенно настроение ее стало подниматься, и Наннет вдруг принялась просить, чтобы Дольф рассказывал ей какие-нибудь истории. Дольф был весьма чуток к поэтике математики, но литературного воображения у него вообще не было. В результате Наннет сама принялась рассказывать ему только что придуманные истории. Сначала это смущало его, но истории, которые она сочиняла – фантастические импровизации о шестиногих животных, которым были нужны ботинки, чтобы не подхватить насморк, о драконах, неожиданно

обнаруживших, что у них пушистые розовые крылья, и очень от этого смущавшиеся, и о медведях, которые летали в космос в креслах-качалках, — были с такими непредсказуемыми окончаниями, и Наннет так радовалась, сочиняя их, что Дольф, в итоге, решил, что эти истории куда лучше тех, что мог бы придумать он сам.

Однако, он с радостью наблюдал, что она начала выздоравливать, хотя так и не мог понять, почему или от чего. Он не сделал для нее ничего такого, что не делал все это время, и так и не обнаружил причины ее заболевания. Например, предположение об авитаминозе Дольф теперь отбросил, потому что она уже много месяцев питалась одним и тем же, как и он сам.

Стало, также, очевидным, что у Наннет не было никакой инфекции, потому что тогда она скорее бы умерла или выздоровела, а если это было какое-то хроническое заболевание, то она не должна была начать выздоравливать сейчас. Может, это просто была депрессия, своего рода отчаяние, которое выразилось случайным набором физических симптомов. Это было возможно, но не вязалось с тем, что Дольф знал о Наннет и ее характере.

Пока ей было совсем плохо, Дольф, занятый свалившимися на него дополнительными делами, не думал о причинах. Но теперь, когда Наннет начала постепенно возвращаться в нормальное состояние, это поощрило его обсудить с ней вопрос об ее заболевании, так как он почувствовал, что она уже достаточно окрепла, чтобы спокойно отнестись к этому.

Она тут же встревожила его, потому что начала смеяться.

— Я сама думала об этом, — отсмеявшись, сказала Наннет. — Кое-что я сообразила задолго до тебя, но не рассказывала тебе, потому что «хорошо воспитанные» молодые леди обычно не обсуждают некоторые вещи с мужчинами, даже с родственниками. Но мне кажется, что у нас не совсем обычная ситуация.

— Послушай, а ты уверена, что чувствуешь себя хорошо? — спросил Дольф. — Это не так уж и важно теперь, когда ты поправляешься. Можно подождать, пока...

— Нет, Дольф, я в самом деле кое-что поняла. Ведь у этой планеты нет луны... я имею в виду, что ее луны слишком маленькие, чтобы на что-либо влиять.

— Луны? Но, Наннет...

— Помолчи и дай мне закончить, ладно? — твердо сказала она. — На Земле Луна влияет на многие вещи, а не только на приливы с отливами и календарь. Она имеет кое-какое отношение к погоде, и существует много животных — например, манящие крабы, поведение которых в большой степени зависит от Луны. Верно?

— Да, это так, — кивнул Дольф, начиная понимать, к чему она клонит.

— Прекрасно. Но Луна влияет и на людей. Например, есть сумасшедшие, у которых обострение происходит в определенное время месяца — в полнолуние, — и это совсем не суеверие. Также все знают, что некоторые проявления женского организма проходят строго по лунному календарю... но на Марсе-то Луны нет.

— Ну, и...

— Ну, и я думаю, что моя болезнь хотя бы отчасти происходит от этого, — продолжала Наннет. — Я заметила, что с тех пор, как я прилетела сюда, кое-что идет не правильно, и со временем это не выправилось. Прежде я думала, что просто так действует на меня сок лишайника, из-за чего мой баланс гормонов пошел вразнос. Но теперь я считаю, что просто встала перед необходимостью приспособиться к новому графику. И, могу держать пари, так будет с каждой женщиной, которая прилетит на Марс. Мне остается только радоваться, что для меня все это кончилось.

— Очень на это надеюсь, — сказал Дольф. — Но почему ты так уверена? Гм-м... Я хотел спросить, что, по твоему мнению, послужило причиной выздоровления?

— Ну, это все просто, Дольф, — улыбнулась Наннет. — Наступает весна.

— Весна? — тупо переспросил он. — Ну, да, наверное. Но вряд ли мы скоро заметим какие-либо изменения...

— Я заметила, — твердо сказала Наннет. — И ты тоже заметишь, если прислушаешься. Ты был так занят заботами обо мне и даже не обратил внимания, что ветер изменился.

Пораженный вторично, Дольф встал и неловко подпрыгнул к иллюминатору. Конечно! В воздухе еще висела охряная пыль, но уже был виден пологий занесенный склон, а с подветренной стороны, которую они называли задним двором, виднелись длинные перья песка, выющиеся с вершук дюн вдоль строения. Двор постепенно очищался.

Пока Дольф смотрел на это, откуда-то сверху послышался мягкий удар, словно кошка прыгнула со стола. Дольф машинально оглянулся, затем снова уставился в иллюминатор, потому что по крыше ящика стукнули еще два раза. На этот раз производящий странные звуки объект попал в поле зрения, поскольку прыгнул на землю и покатился по ветру. Он был размером с голову Дольфа, но, несомненно, постепенно еще вырастет.

Это был шар лишайника, который, перелетев тысячу миль через пустыню и расселины, попал в оазис. Он был не столь красив, как первая малиновка, но в тысячу раз полезнее.

В самом деле, началась весна. «Волна жизни» катилась на север от тающей полярной шапки.

Но не появлялись первые ростки, не пели птицы. Снаружи было

по-прежнему смертельно холодно, а воздух был все такой же разреженный и безжизненный, как всегда. Лишь постепенное пополнение запасов продовольствия да медленное повышение максимальной температуры в полдень указывали на то, что кончается власть зимы. Им все равно приходилось сидеть «дома», не считая коротких полуденных набегов, чтобы собрать лишайник и поменять фильтр насоса. Но, по крайней мере, это немного нарушало нестерпимую монотонность дней.

Если бы не журнал, они бы не узнали, что прошел земной год, начавшийся с неудачной посадки Дольфа. Марсианского года не прошло еще и половины, а сколько точно осталось, Дольфу было трудно вычислить. Наннет считала марсианские дни, которых в марсианском году 668. А если считать по земным дням, то в их в марсианском году 687. Так что им, в лучшем случае, оставалось еще больше двухсот дней до конца первого марсианского года.

Однако уже невооруженным глазом были видны изменения, происходившие в оазисе за стенками ящика. Ветер стал меньше, периоды хорошей видимости начинались раньше утром и заканчивались позже днем. Постепенно распространялись лишайники, они уже были не случайными мигрантами, а укоренялись в песке, постепенно покрывая дно кратера. Настанет время, когда они закроют все вокруг ковром, нетронутым, как и в тот день, когда приземлился Дольф.

Улучшающаяся погода дала Дольфу возможность исследовать оазис, по крайней мере, короткими набегамися возле полудня. Хотя он и не признавался, но надеялся найти хоть какой-то артефакт, пусть маленький, старый, пусть сломанный, но который был бы сделан искусственно, а не силами природы. Дольфу казалось, что, по марсианским стандартам эта долина была такой хорошо защищенной и зеленой, что должна быть известна местным обитателям, ответственным за таинственные радиосигналы. Даже если они не использовали ее сейчас, рассуждал Дольф, то они должны были посещать ее когда-то в прошлом и оставить какие-нибудь признаки своего посещения, хотя бы просто мусор. В конце концов, можно извлечь много информации даже из навозной кучи.

Но они не находили ни артефактов, ни навозных куч. Если эту долину действительно когда-либо посещали, то посещения эти были очень краткими и редкими, чтобы оставить следы, которые Дольф мог бы заметить неопытным глазом. Конечно, короткую, случайную возню Дольфа и Наннет вряд ли можно считать квалифицированными, планомерными раскопками, но Дольф был уверен, что если в оазисе когда-либо жили, то они должны обнаружить хоть какие-то признаки. Но не было ничего.

Но в итоге, они кое-что нашли, что Дольф посчитал еще более

ценным – марсианское животное достаточно больших размеров, чтобы на него можно было смотреть, как на потенциальную еду.

Сначала Наннет с ужасом отвергла это предложение, потому что найденное существо трудно было назвать симпатичным. Это было красное беспозвоночное с твердой оболочкой, которое сочетало в себе лучшие – или, по мнению Наннет, худшие – свойства многоножки и скорпиона. У него было даже жало в хвосте, а значит, где-то на Марсе обитали животные таких же или больших размеров, от которых этому существу приходилось защищаться. Большую часть времени оно проводило, закопавшись в песок и выползая лишь на рассвете, чтобы питаться клещами и нематодами, и пить воду из лишайника. Это объясняло, почему они не видели его прежде. У него было двадцать ножек, на которых существо быстро передвигалось, а когда погрелось на солнце, то увеличилось в размерах от семи дюймов почти до двух футов.

Мнение Наннет об этом славном биологическом чуде, так приспособленном к окружающему миру по вполне узнаваемым эволюционным законам, которые преобладали на Земле, хотя никакое земное существо явно не имело с этим ничего общего, выразилось в классическом энергичном восклицании: «Тьфу!»

– Конечно, тьфу, – кивнул Дольф, – но довольно-таки весомое тьфу. Могу держать пари, что у него много мяса в ножках, а также в боках, спинке и хвосте – ведь нужно много мышц, чтобы управлять всеми этими ногами и делать хвост упругим.

На носке ботинка у Дольфа остался разрез, свидетельствующий о силе, с которым животное могло бить своим жалом. Дольф подозревал, что жало может быть ядовитым, но не видел никакого способа проверить свою гипотезу.

– Дольф Хэртель, – звонящим голосом заявила Наннет, – если ты намекаешь, что мы должны есть эту штуку, то я оставляю тебе все свои порции. Уж лучше я умру с голода, чем... Бр-р-р!

– Могу поспорить, что раньше ты съела немало подобных существ, – спокойно сказал ей Дольф.

– Ни единого! – с негодованием ответила Наннет.

– Кажется, я вспоминаю, что ты любила мясо крабов – особенно огромных крабов с Аляски или Камчатки.

– Ну, да, разумеется. Но я же не думала о крабе, когда ела его. И не думала о свинье, когда ела бекон. Так что тут есть отличие.

– Наннет, положи руку на сердце и торжественно поклянись, что ты никогда не ела тушеного омара прямо из раковины. А теперь взгляни на нашего приятеля. Он почти не отличается от омара, не считая дополнительных ножек, не так ли?

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – упрямо возразила Наннет. – Конечно, кое-какое сходство есть. Могу признаться, что я испугалась,

когда впервые увидела омара. Но это чудище я есть не буду.

— Не стану настаивать, — со вздохом сказал Дольф. — Но я хочу его попробовать. Меня давно уже волнует, что наша диета почти совсем лишена белка. А, похоже, если это существо вообще съедобно, то белка в нем как раз хватает. А я хочу за лето набраться сил. У меня есть один проект, который нужно испробовать. Это не просто выживание, а кое-что куда лучше.

— И что же это?

— Я хочу подняться на край гребня оазиса.

— Что? Да чего ради? — ошеломленно спросила она. — Дольф, до туда же несколько миль... и если внизу воздух почти не пригоден для дыхания, то какой он наверху! Это было бы похоже на попытку взобраться на Эверест в одном нижнем белье!

— Ну, все не так уж и плохо. Вспомни, что здесь я вешу намного меньше, чем дома, а мышцы у меня остались такие же сильные.... когда я приобрету лучшую форму.

— Но зачем?

— Хочу установить там просто радио-глушитель, — ответил Дольф. — Не для того, чтобы посылать какое-нибудь сообщение — это было бы бессмысленно, — а что-то, что заполняло бы эфир треском и заглушало маяк, который мы слышим. И громко бы трещало, чтобы марсиане — если это действительно они, — могли легко определить местоположение источника помех.

— Послушай, что ты говоришь! — воскликнула Наннет. — Ты хочешь, чтобы мы заглушили их маяк, чем разозлили бы их до предела, а затем сообщили наши имена, адрес и почтовый индекс! Да они нас просто сожрут, и на этом закончатся все наши проблемы!

— Может, и так. Но я надеюсь, что они будут не столько сердитые, сколь любопытные. Вспомни, мы ведь ничего не знаем о них. Мы даже не уверены, существуют ли они вообще. Но если они существуют, я хочу привлечь их внимание. Мне кажется, у нас все получится. Да мы просто обязаны попробовать это! Послушай, Наннет, мы добились больших успехов, выжив на Марсе, чем кто-либо ожидал. У нас есть серьезные основания гордиться собой. Но ведь еще ничего не закончилось. Еще один приступ болезни — или несчастный случай, какой мы не можем предвидеть заранее, — и нам будет конец. А где-то там могут жить разумные существа, которые помогут нам, если мы их попросим. Я пойду на гребень, Наннет. Нам нужна помощь.

ПОСЕТИТЕЛИ

11. Вершина

Создание глушителя потребовало от Дольфа немало смекалки. Он должен быть предельно простым (как и все их самоделки), портативным и способным производить как можно больше радиошума как можно дольше по времени. Дольф решил, что самым подходящим для него источником энергии будет ветер. Правда, он был непостоянным, но все же не так изменчив, как земные ветра, зато дуть будет куда дольше, чем проработает это устройство.

Конечно, Дольф и не надеялся производить сигнал такой же сложности, как марсианский, ему была нужна простая искра, которая может производить треск в эфире и раздражать тех, кто прослушивает эти волны — если их вообще кто-нибудь слушает. Но на этом был основан весь проект.

Кроме того, такой глушитель не должен быть хрупким, потому что рядом не будет никого, чтобы починить его или заменить, если он сломается, и еще потому, что Дольфу предстояло подняться с ним на вершину кратера. Во время подъема он мог не раз упасть и ударить обо что-нибудь свой аппаратик. В худшем случае, Дольф мог уронить его и ударить о камень, но тут уж ничего не поделаешь — ему не построить противоударное устройство даже в условиях пониженной тяжести на Марсе. Производство Дольфа было ограничено такими материалами, как монеты, стекло и старые нитки, а камень есть камень даже на Марсе.

Конечный продукт выглядел безделушкой, как и все творения Дольфа, но это было лучшее, что они с Наннет могли смастерить. Дольф считал, что устройство будет работать. Сигналы оно подавало на антенну, один конец которой уходил в шпильку, где находилось само устройство, а другой Дольф планировал закрепить на утесе, как только окажется наверху.

Все это было упаковано в коробку размером с ящичек для сигар и весило меньше фунта. При испытании даже при слабом ветре в оазисе в наушниках слышался слабый, скрипучий свист, тональность которого зависела от скорости ветра. Наннет посчитала этот свист столь же раздражающим, как маяк, и вместе они производили вопли, которым позавидовал бы сам Данте.

— Я не смог бы делать вид, что не замечаю его, — сказал Дольф. — Если сигнал маяка важен для его создателей, то мое устройство станет для них источником раздражения.

— Он производит слишком мелкие неприятности, — возразила Наннет. — Как москит. Трудно полагать, что они обратят на него внимание.

— Москиты победили Римскую империю, — сказал Дольф. — Гиббон знал, о чем писал. Надеюсь, что мы не причиним слишком большой вред. Но, во всяком случае, мое устройство работает. Теперь осталось отнести его туда, где могут услышать его гудение.

— Это меня и пугает. Дольф, будь осторожен! — воскликнула Наннет.

— Конечно, — мягко сказал Дольф. — И ты тоже. И начнем беречь себя прямо сейчас. Ложись-ка спать. Тебе все еще нужно побольше отдыхать. А я пока упакую вещи и приготовлюсь. Хочу отправиться в путь, как только стихнет утренний ветер.

— Ладно, — сказала Наннет.

По каким-то причинам она выглядела подавленной, хотя очень старалась не показывать этого.

Однако, утром, перед тем, как он надел кислородную маску, собираясь выйти из дома, Наннет ошеломила его, поцеловав на прощание. До сих они тщательно избегали даже самых незначительных прикосновений, хотя часто нуждались в них. В ответ Дольф лишь быстро коснулся ее плеча, надел маску и отвернулся, потому что он чувствовал, что иначе вообще никуда не уйдет. И еще Дольф подумал, что с этого момента все может стать гораздо труднее.

Но на практике, трудным оказались лишь первые пятьсот шагов подъема на гребень кратера.

Пятьсот шагов составляли, примерно, одну десятую мили, а миля была половиной пути, который должен был пройти Дольф, поднимаясь, чтобы достигнуть плоского плато марсианской пустыни... две мили, если считать по прямой, но вместе с неизбежными обходами это расстояние могло удвоиться.

Однако его нужно было пройти, и Дольф прошел.

Не считая опытных спортсменов, все горы кажутся людям похожими друг на друга. Именно это заставляет романистов обогащать подъемы в горы снежными людьми, мантикорами и другими монстрами, настоящими или мифологическими. Дольф не столкнулся ни с чем подобным, однако, его подъем не был из-за этого более унылым или менее отчаянным, а кроме того, он был, по разным причинам, уникальным.

Серьезным неудобством была необходимость непременно подняться на самый верх, однако, появились другие особенности ландшафта, которые, к удивлению Дольфа, действовали в его интересах. Одним из них было то, что он поднимался не на гору, а вылезал из дыры, пробитой когда-то каким-то астрономическим телом. Следовательно, он поднимался не по ровным, местами становящимся отвесными, стенам, а по неровному, но более мягкому лимониту, где было можно найти больше опоры для ног и рук. Как и лунные

кольца, стенки кратера было относительно пологие. Располагались они тоже террасами, образующими естественные площадки, на которых можно было останавливаться, чтобы поесть и отдохнуть, а большинство таких террас были достаточно широкими, чтобы на них можно было спать, не боясь скатиться с края. А еще, в отличие от лунных террас, выступы их были обкатаны ветром и расколоты разнообразными трещинами.

Также, в отличие от лунных террас, их соединяли наносы из песка. По ним, как и по растрескавшимся скалам было легче идти, хотя легче было и поскользнуться, так что Дольф, однажды чуть не свалившись вниз, поднимался по ним с осторожностью муравья.

Геология — точнее, здесь ее нужно было называть ареологией, — приготовила ему и ловушки. Лимонит, например, был не такой рассыпчатый, как песчаник, но и не очень связанный. Он казался твердым, но, когда Дольф уже шел по краю террасы, обнажение под его рукой вдруг превратилось в валун размером с бочонок. Дольф испытал отвратительное чувство, когда внезапно у него из-под руки исчезла опора, но он метнулся вперед и все же успел благополучно остаться на краю.

Благополучно? Несколько секунд Дольф не был в этом уверен. Он замер, успокаивая дыхание и нервы, и смотрел, как падал вниз валун, опасаясь, как бы за ним не покатились другие. Но из-за более слабой тяжести на Марсе, этого не случилось. Когда валун ударил в стенку кратера и высоко подпрыгнул, его примеру последовала лишь еще пара других. Они падали со сказочной медлительностью, это было красивое зрелище, но у Дольфа кровь застыла в жилах, когда он увидел внизу свой дом, выглядящий с этой высоты двумя маленькими спичечными коробками. Дольф испугался, что валуны налетят на них и сотрут в порошок. Но, когда пыль от их падения улеглась, было видно, что спичечные коробки целы и невредимы. Валуны прошли гораздо правее. Вероятнее всего, Наннет даже не узнала об опасности, потому что падение валунов было не таким тяжелым, чтобы сотрясти землю, а в разреженном воздухе прошло практически беззвучно.

Кроме того, Дольф уже сообразил, что его подъем проходил не по прямой, а под углом от лачуги, так что, даже если бы вниз покати-лась настоящая лавина, она все равно прошла бы в сотнях футов от Наннет. Но это происшествие сделало Дольфа более осторожным, и замедлило продвижение.

А затем, внезапно — когда Дольфу уже казалось, что он будет вечно взбираться на эту гору, — он поднялся с очередной террасы и оказался на самом гребне, и под ним распростерлась залитая солнечным светом второй половины дня пустыня.

Несмотря на ее неподвижность, ослепленным глазам Дольфа казалось, что она все же движется каким-то странным образом. Ветра не

было вовсе, нигде не курились песком вершины дюн, но ощущение движения не проходило. Не сразу Дольф понял, что это просто причудливая игра света. Покатая пустыня, казалось, горела спокойно и неумолимо, словно сами атомы древних песков, распадаясь, на глазах у него превращались в холодный свет. Свет, словно блеск бриллиантов, превращал ржавый цвет песков в коричневый, а тени казались жидкими лужами разлитых чернил.

Дольф пошарил взглядом. Невзирая на солнце, небо было достаточно темным, чтобы на нем было видно множество звезд, но даже сквозь его черноту проглядывали синие оттенки. В целом небо выглядело так, словно состояло из тех же чернил, слегка побледневших вокруг Солнца и звезд. А еще оно походило на купол из заляпанного хрусталя, сквозь который местами горели далекие астрономические огоньки.

Ошеломленному Дольфу пришла на ум средневековая гравюра, изображающая человека, который дошел до горизонта плоского мира, где небеса смыкаются с землей, прорвался через хрустальное небо и с удивлением уставился на звездные сферы, вращающиеся по большим и малым кругам. Дольф понимал, что эту гравюру не следует воспринимать буквально, что она символизирует то, что философ проделывает мысленно, и что нельзя сделать физически. Но на какую-то долю секунды Дольфу захотелось пересечь пустыню, чтобы коснуться неземного горизонта...

Но Дольф понимал, что это было бы смертью. Пустыню Марса нельзя было пройти пешком. Только оборудованная экспедиция на вездеходах, владеющая всеми ресурсами и технологиями, которые могла дать Земля, могла бы попытаться, и то это было бы смертельно опасно. Для Дольфа заманчивый хрустальный горизонт был столь же недостижим, как сама Земля.

Эти мысли вернули его к реальности, и Дольф принялся распаковывать свое устройство. Но он не мог не удивляться свету. Очевидно, это был один из редких дней «синего прояснения», когда атмосфера Марса, обычно непрозрачная для синего света, как и все атмосферы, внезапно становилась прозрачной для коротких волн видимого спектра. Этот эффект был неоднократно отмечен и даже сфотографирован земными астрономами.

Все было прекрасно, не считая того, что никто не мог объяснить это явление. Даже здесь, на Марсе, у Дольфа не было никаких предположений, что могло вызвать «синее прояснение», как и у земных астрономов.

Глушитель вроде бы не понес ущерба во время подъема на гребень. Дольф поискал место, где можно его установить. Без сомнения, это должна быть скала, но такая, где было бы укрытие от песка. В итоге Дольф выбрал место на плоской, подобно столовой горе, вершине, на которой закрепил устройство, обложив его тяжелыми

камнями. Чашечки устройства уже вращались на вечернем ветерке, и в наушнике раздавался треск, почти такой же сильный, как внизу во время бури.

Теперь нужно было сбросить антенну вниз, с гребня кратера. Там было уже темно, поэтому Дольф не мог сказать, размоталась антенна полностью или зацепилась за какой-нибудь выступ.

Он легко проверит это во время спуска, идя вдоль антенны. Но это будет завтра утром. Дольф быстро раскинул лагерь, и остаток вечера провел, глядя на Землю, появившуюся после того, как Солнце село за хрустальный горизонт, пока не стало слишком холодно и пришлось спрятаться в импровизированную палатку.

Возвращение было во многих отношениях труднее подъема – отчасти потому, что теперь Дольфу приходилось все время глядеть вниз, а отчасти потому, что антенна, разматываясь, не учитывала удобный для спуска человека маршрут. Однако набранный опыт помогал ему избежать самые опасные ловушки, так что, в конечном счете, спустился он гораздо быстрее, чем поднимался.

Но когда он вернулся «домой», в лагерь, то обнаружил, что Наннет снова плохо. Нет, ничего серьезного не было, очевидно, причиной этого стал, в основном, страх и одиночество, и через несколько часов после его возвращения девушка снова пришла в норму.

Тем не менее, Дольфу стало ясно, что он уже никогда не посмеет покинуть оазис один... А то, что он помнил о подъеме, показывало, что нечего и мечтать проделать его вместе с Наннет. К лучшему или к худшему, но его дальние прогулки закончились.

12. «Они не мертвы!»

На Земле в Арктике весна такая холодная, а лето такое короткое, что земля на глубине нескольких футов под поверхностью никогда не тает. Этот твердый, как железо, слой называется «вечной мерзлотой», и было в нем что-то от той стены, о которую разбились все попытки Хэртелей и Фордов спасти своих детей.

Проблема упиралась, частично, в расстояние, но не только в него, а и в сроки, которые колебались от двадцати пяти месяцев, до десятка лет – когда полет на Марс мог казаться хоть чуть-чуть выполнимым. В эпоху, когда космические полеты совершались уже более двух десятилетий, Луна, находящаяся на расстоянии в четверть миллиона миль от Земли, казалась людям почти что задним двором, хотя на нее еще не ступала ничья нога. Но стремление преодолеть расстояние в сорок восемь миллионов миль, лежащее между Землей и Марсом, при ближайшем рассмотрении выглядело чистой фантазией. И это было еще расстояние по прямой, тогда как космический корабль, совершающий такой полет, должен был пролететь в восемь раз больше.

Однако, беспилотные корабли, начиная с «Маринера-4» в 1965 году, наносили краткие визиты на эту планету. Настоящий же барьер «вечной мерзлоты» состоял из правящих кругом всевозможных уровней, барьер официального безразличия к любому проекту, который не мог пойти им на пользу. За этим безразличием не стояло никакой преднамеренной жестокости, только практичность, которая была хуже жестокости в своей преднамеренной близорукости.

Четверо лишившихся своих детей налогоплательщиков из Айовы не могли пробить эту ледяную стену. Не то, чтобы долгая и решительная кампания этих семей вообще не произвела впечатления. Дело «Детей в Небе», хотя уже закрытое больше года, оставило длительный след в памяти. И один журналист даже отметил его годовщину статьей, в которой требовал ответа на вопрос, что сделало за это время правительство — хотя он прекрасно знал ответ и спрашивал лишь в надежде смутить это правительство, которое невозможно было смутить ничем.

Но их кампания дала им, по крайней мере, одного друга из числа официальных лиц: Гарта Маршалла, директора научно-исследовательского отдела «А.О. Лефебр и Ко», гигантского промышленного комплекса, занимающегося производством ракетных ступеней, твердого топлива и многих других совершенно секретных объектов для НАСА и Министерства Обороны. Фактически, этот филиал «Лефебра» создавал примерно половину аппаратуры для «Проекта Арес», а доктор Маршалл был когда-то поклонником миссис Хэртель, что и оказало влияние на его поддержку. Но вне зависимости от того, насколько искренней была эта поддержка, Хэртели и Форды были не в том положении, чтобы сомневаться в его мотивах.

Но сам доктор Маршалл к настоящему моменту был неспособен сдвинуть НАСА с места ни на сантиметр.

— Всегда одна и та же старая история, — сказал он на семейном совещании, последним из нескольких десятков, все таких же бесплодных и делавшихся все более мрачными. — К настоящему моменту мы не в состоянии сделать что-либо в рамках «Ареса» (разумеется, я вам ничего подобного не говорил), но мы работаем над улучшениями. В конечном счете, они добавят надежность всей миссии, но не поспособствуют ее началу.

— Выходит, все упирается в вопрос времени, — сказал мистер Форд.

Хэртели встречались с ним лишь один раз, когда грянула беда, но с тех пор он стал одновременно более мрачным и более реалистичным.

— Боюсь, что так, — сурово ответил Гарт Маршалл. — Пока будет длиться неразбериха с расписанием программы «Аполлон», у НАСА будет достаточно хлопот по отысканию средства для полета на Луну. Сейчас считаются преждевременными даже простые разговоры об экспедиции на Марс. Советы тоже не продвинутся дальше без со-

трудничества с нами – естественно, когда их попросят помочь в орбитальной сборке корабля – той фазе, где мы испытываем самые большие трудности. Но они не захотят тратить средства, пока у нас будет только одна кабина и несколько пустых носовых отсеков.

– Преждевременно! – воскликнул мистер Хэртель, в его устах это слово прозвучало, как ругательство.

– Но с этим можно что-нибудь поделаться? – спросила Миссис Форд. – Мне не нужна Луна, доктор Маршалл. И я не понимаю, кому она вообще нужна. Мы хотим вернуть Наннет и Дольфа. Почему нам не могут помочь?

Миссис Хэртель, которая прекрасно понимала объяснения доктора Маршалла, похлопала ее по руке, и та слепо вцепилась в нее.

– Плевать им на детей, – сказал мистер Хэртель. – Это не их беда. И не их дети.

– Да, – согласился доктор Маршалл. – А кроме того... Ну, если НАСА и верит, что дети действительно на Марсе – в чем я весьма сомневаюсь, – то они не испытывают нужды спасти их. Ведь они считают, что Дольф и Наннет давно мертвы. Я пытался предложить «Арес» в качестве спасательной миссии, но потерпел неудачу. Просто для этого уже слишком поздно.

– Но они не мертвы! – закричала миссис Хэртель. – И они добрались до Марса раньше кого-либо! Неужели это ничего не значит? А не глупо ли думать, что у них хватило ума улететь на Марс, и они окажутся неспособными позаботиться там о себе?

– Может, это была просто счастливая случайность? – тихо сказал доктор Маршалл. – Разумеется, Дольф мог совершить это открытие лишь совершенно случайно. Один из сотрудников моих лабораторий считает, что нашел громадную ошибку в теории Относительности, опираясь лишь на голое знание, что Дольф сумел получить антигравитацию, хотя он понятия не имеет, как именно это было сделано. Это может дать нам толчок для создания ионного двигателя, который сократит перелет на Марс почти на три месяца. Но я убежден, что это никак не связано с работой Дольфа. Никто в мире не может дать даже самого примитивного объяснения ей. И... мы знаем, что Дольф улетел на Марс слишком поспешно, даже не потрудившись подумать, какая это ужасная, пустынная планета. Наннет улетела еще более поспешно. Она вообще могла не добраться до Марса. В одно чудо еще можно поверить. Но два – это уже перебор. Мы должны мужественно смириться с этим.

– Вы думаете?... – сказал мистер Форд.

– Я... – доктор Маршалл замолчал и прижал два пальца ко лбу, словно что-то заболело у него немного выше глаз. Наконец, он продолжил: – Я много лет изучал Марс. Моя компания потратила миллионы долларов, пытаясь решить задачу жизни людей там – трени-

рованных, взрослых специалистов, имеющих кучу специального оборудования. Я не знаю, как два подростка смогли бы выжить на этой планете. Просто не знаю.

— Но вы будете продолжать помогать нам, Гарт, не так ли? — спокойно спросила миссис Хэртель.

— Да. Дорис, конечно, буду. Я просто хочу не слишком вас обнадеживать, только и всего.

Миссис Форд разрыдалась, но это были слезы облегчения. Отчим Дольфа поднялся на ноги. Он оказался неожиданно высоким.

— Должен быть какой-то способ, — сказал он. — Меня не заботят никакие другие проблемы. Просто должен быть способ вытащить их оттуда. Но в одном я абсолютно уверен: они не мертвы!

Доктор Маршалл тоже поднялся на ноги.

— Мне нужно идти, — сказал он. — Я буду продолжать попытки. Если я кому-нибудь смогу продать наш ионный двигатель... Ну, это еще неизвестно. Сдвинуть с места «Лефебр» так же трудно, как НАСА. Но пока что... Нет, черт побери, я совершенно согласен с вами. Они не мертвы. Я знаю это. Они все еще живы, хотя я не знаю — как.

Лицо его побагровело, он даже топнул ногой. На этом встреча закончилась. Она была такой же мрачной, как и предыдущие, но, по крайней мере, не совсем отчаявшейся. Пока. Не совсем.

Вернувшись к себе в офис, доктор Маршалл запер дверь, запретил все входящие звонки и стал тщательно готовить сногшибательное известие. Вероятно, он думал, что это уничтожит его работу, карьеру и безопасность, но решил, что прошло время полумер. Эта бомба, конечно, могла оказаться и ничего не стоящей, но Маршалл был уверен, что сейчас предпочтителен любой взрыв.

Вот как это выглядело:

«ОТДЕЛАМ ОБЪЕДИНЕННОЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ «А. О. ЛЕФЕБР И Ко».

Женева, Берлин, Бразилия, Лондон, Париж, Рим, Тель-Авив.

Из офиса директора космических исследований научному персоналу,

Бетесда, Мэрилинд.

Тема: Программа ракеты-носителя,

Секция главного двигателя.

Обращаем ваше внимание на ошибки в теории Относительности, недавно обнаруженные доктором Ллойдом Маккэном, нашим штатным сотрудником («Природа», № 5463; Разработки «Лефебр», публ. 1094; неопубликованная записка, «Арес Д-968»).

Коротко и без математической поддержки: суть этой ошибки (которую мы называли Эффектом Маккэна, хотя доктор Маккэн и возражает против этого) в том, что тяготение является функцией еще более слабой и до сих пор безымянной «четвертой силы» и, как тако-

вая, может меняться независимо от изменения массы Лоренца-Фиджеральда. Уравнения поля так же предполагают, что тяготение обладает полярностью при определенных условиях, ни одно из которых еще не проверено экспериментально.

Хотя Эффект имеет большое значение в космологии и теоретической физике, интересны его возможности в качестве двигателя для транспортных средств.

Приглашаем всех участвовать в разработке методом применения Эффекта к реактивным двигателям, как химическим, так и ионным. Хотя в настоящий момент НАСА не вызывает никакого интереса к «Проекту Арес» и подобных транслунных экспедиций, Женевскому офису, возможно, будет интересно исследовать новые технические возможности совместно с британскими, французскими, израильскими и советскими сторонами. Само собой разумеется, что такие исследования должны проводиться на строго научной основе.

К немедленному отправлению,
Гарт Маршалл».

Возможно, это было началом чуда – или концом двух жизней, а то даже и трех. Как обычно, время покажет.

«Вечная мерзлота» была и в сознании Дольфа, хотя совершенно в ином направлении. Когда рухнули его надежды уйти из кратера вверх, его мысли повернулись в противоположном направлении – вниз.

Фактически, он решил вырыть для себя и Наннет водяную шахту.

С самого начала он был почти уверен, что такой проект выполним, была лишь одна серьезная оговорка: как глубоко придется копать, пока будет возможно удерживать песок? В конце концов, на Марсе было больше воды, чем считалось по самым оптимистическим научным оценкам. Вода не только покрывала тысячи квадратных миль на каждом марсианском полюсе инеем (а может, даже и снегом), но и в достаточном количестве находилась в пузырьках лишайника. Он попытался вычислить ее количество, и у него вышло невероятное число в миллионы галлонов.

Было ясно, что такое количество воды не могло находиться на поверхности планеты. С одной стороны, от нее время от времени отражались бы солнечные лучи, и это не могли не заметить астрономы во всех столетиях, начиная со Скиапарелли, но никто подобного не наблюдал. С другой стороны, лед в разреженном воздухе переходил бы из твердого состояния сразу в водяной пар, без промежуточного таяния. Тогда большая часть его скапливалась бы ледяными кристаллами в верхних слоях атмосферы, а остальное выпадало зимой в виде инея на полюсах.

Вывод был неизбежен: под землей должен быть лед в значительном количестве не только в виде слоя «вечной мерзлоты», но и це-

лыми геологическими пластами, образующими своего рода «аквасферу» толщиной в сотни футов.

Они нашли воду после того, как копали целую неделю. Она оказалась чуть глубже пятнадцати футов под поверхностью кратера – который теперь уж точно можно было называть оазисом, поскольку «аквасфера» была бы совершенно недоступна из пустыни наверху без сложных буровых установок.

Они оградили шахту, укрепили и накрыли сверху несколькими листами картона, оставшегося после строительства навеса, а щели заполнили самодельной бумагой из лишайника. В результате, все оказалось достаточно прочным, чтобы не дать шахте заполниться песком, хотя его приходилось регулярно убирать со дна. Они занимались ею поочередно, вырезая и поднимая наверх ледяные бруски. Новый источник воды уменьшил нагрузку на пресс, который теперь использовался лишь для получения «эликсира жизни» из лишайника.

Также оказалось, что стало значительно проще охотиться на скорпионоподобных существ (которые не имели ничего общего с омарами, но были приятны на вкус и безусловно питательны). Этих животных, оказывается, привлекал лед в качестве источника воды, и каждое утро они находили возле брусков два-три «скорпиона», ползавшихся в песок.

Но вскоре оказалось, что колодец привлек и других обитателей, что приветствовалось гораздо меньше. Первым это увидела Наннет и вернулась без льда, с широко раскрытыми над маской глазами. Ни слова не говоря, она жестами позвала Дольфа, и выражение ее лица говорило само за себя. С замирающим сердцем, Дольф поспешил за ней.

Ловушка из ледяных брусков, которую они построили для уродливых членистоногих, была сломана и пуста. А вокруг нее на песке остались с полдюжины широких следов размером с коробку из-под торта. Большинство этих следов было полужанесено песком, но один остался ясный и отчетливый.

След тяжелой пятипалой лапы.

13. Кошачий след

Этот неподвижный, пугающий, непонятный иероглиф в марсианской пыли направил мысли Дольфа на тему, которую он более-менее успешно пытался игнорировать в течение последних месяцев – для чего на хвосте местных членистоногих находится жало? Если от какого-то органа не зависит выживаемость особи, то эволюция начинает работать против него, и в итоге остается – если остается вообще, – от этого органа лишь рудиментарный остаток. Изменение строения вместе с потерей ненужной функции – один из самых по-

стоянных результатов развития.

— Таким образом, из этого следует, — мрачно сказал Дольф, — что на Марсе есть, по меньшей мере, одно животное крупнее этих «скорпионов» и охотится на них. Ну, а как мы теперь знаем, сами «скорпионы» не охотятся ни на кого крупнее клещей из лишайника. И вот теперь мы получили ответ. Давно уже нужно было готовиться к нему.

— Как готовиться? — спросила Наннет, глядя из иллюминатора в обманчиво мирный полдень. — У нас нет деревьев, чтобы сделать изгородь, или воды для рва.

— Не знаю, как, — буркнул Дольф. — Можно было бы сделать электрическую изгородь, но большую часть провода я израсходовал на антенну для глушителя.

— Я бы не положила ни на что, через что можно перепрыгнуть, — сказала Наннет. — как думаешь, он большой?

— Ну, уж точно крупнее «скорпионов». Если бы это было на Земле, я бы мог судить о его размерах по следам, но здесь земные пропорции могут быть неприменимы. Кроме того, это обитатель пустыни. Само оно может быть маленьким, но с широкими ступнями, чтобы не увязать в песке. Если судить о кролике по следам, то можно было бы решить, что он величиной с собаку.

— Лучше уж я стану думать, что он размером с маленького слона, — заявила Наннет. — Тогда для меня не станет неожиданностью, если он окажется размером, ну, скажем, с носорога. Ну, и что мы станем делать теперь?

— Заманим его в ловушку, — ответил Дольф.

— Дольф Хэртель, я так и знала, черт побери, что рано или поздно ты зайдешь слишком далеко. А когда ты его поймаешь, то держать собираешься, наверное, в навесе!

— Ну, он и так уже пробрался на наш задний двор, — с кривой усмешкой ответил Дольф. — Мы накормили и напоили его, так что, наверное, он будет теперь постоянно возвращаться сюда. Нам только осталось дать ему имя. Что ты скажешь насчет Бертрама или Пивакера?

— Ты невозможен, — в сотый раз повторила Наннет. — Ладно, сдаюсь. Зачем же мы хотим заманить его в ловушку, а, Могучий Охотник?

— Ну, для начала, чтобы поглядеть, как он выглядит. Хотя... мы же все равно собирались наблюдать за шахтой. Я думаю, что вести наблюдения нужно рано утром, потому что он вроде бы приходит на рассвете. Я только хочу увидеть эту тварь. А затем, если получится, поговорить с ним.

— Поговорить с ним?! Но... Дольф, ты что, думаешь, что это марсианин? Я имею в виду, что у меня и мысли не было...

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — отрезал он. — Сначала я тоже думал, что это просто животное. В конце концов, люди, которые мо-

гут собрать радио, не занимаются ограблением ловушек. А мне не нравится, что где-то здесь бродит опасное животное, а у меня нет никакого способа заставить его уйти... И, откровенно говоря, я не хочу, чтобы оно ушло, по крайней мере, до тех пор, пока я не буду убежден, что это просто неразумный зверь. Иначе ради чего я совершал месяц назад восхождение на гребень кратера?

— Ну, ладно... — задумчиво протянула Наннет. — Я все поняла, хотя мне это и не нравится. А что ты хочешь использовать в качестве приманки? Ему ведь не обязательно лезть в ловушку, чтобы ловить омаров.

— Конечно, нет, — согласился Дольф. — Я решил, что попробую что-нибудь более интеллектуальное. Если оно охотится на «скорпионов», то, возможно, ему нужен какой-нибудь инструмент, чтобы вскрывать его панцирь, например, нож. Даже если это разумный марсианин, и у него есть собственные ножи и вилки, нож показал бы ему, что мы тоже разумны.

— Это и так уже видно по нашему дому.

— Гм-м... ты права. Ну, а что предложила бы ты? Я не хочу на самом деле заманить его в ловушку — такая попытка может быть даже опасной. Я просто хочу привлечь его внимание, и раз уж не помог в этом дом, то что это может быть еще?

— Ну, нож в любом случае пригодился бы, — быстро сказала Наннет. — Дом домом, но нож был бы подарком... приятным подарком. Это совершенно иное дело.

Ладно, попытка не пытка, — сказал Дольф. — По крайней мере, я так надеюсь.

Нож Дольф сделал из стальной пластинки — он не хотел отдавать что-нибудь полезное, изготовленное на Земле, к тому же, он предположил, что любая древесина покажется на Марсе странной, а может, и уникальной. Он положил нож в отремонтированную ловушку для омаров, которая, в свою очередь, была снабжена простым засовом.

Были ли его рассуждения верными или нет, но на следующее утро ножа уже не оказалось. И на этот раз засов ловушки был открыт, но сама ловушка не сломана. В качестве следующей приманки, после долгих размышлений, что еще может быть на Марсе уникального и полезного для живущего круглый год в пустыне, Дольф выбрал девятифутовую веревку для белья. Ее тоже забрали. Это было хорошо, но им хотелось увидеть своего гостя. В конце концов, решив, что это будет последняя попытка, Дольф положил в ловушку фляжку со стучащим в ней куском льда, чтобы было ясно, для чего нужна эта штука. Она тоже исчезла, и на четвертый день Дольф оставил ловушку пустой. Затем они с Наннет стали вести посменные вахты перед иллюминатором в пристройке.

На рассвете большая песчаная кошка подошла к их дому и посту-

чала в дверь пристройки. При ней был нож и фляжка, закрепленные на талии несколькими витками веревки. Пришелец мог бы внушить страх где угодно, но здесь, после стольких месяцев изоляции, он казался особенно грозным. Но не было никакого сомнения, что он разумный — об этом говорило то, что он пользуется инструментами. Не было никакого иного выбора, кроме как научиться общаться с ним.

Дольф подготовился к этому. Он был напуган, но, в конце концов, он сам затеял эту встречу. Так что теперь не было смысла уклоняться от нее. Поэтому он вышел навстречу гостю.

Прежде всего, размеры существа были внушительными. Даже в полусидячем положении он был высотой в шесть футов. Его грубый ворсистый мех — желтовато-коричневый, покрытый сине-зелеными пятнами, точно лишайник — создавал первое впечатление, что это дикий зверь, но, не считая напоминающей рысь морды и львиной гривы, он не очень-то напоминал кошку. Сидел он в позе кенгуру, и его руки (или передние лапы?) были короткими, пропорционально туловища, но мускулистыми. Завершались они самыми настоящими кистями: пять длинных, широких пальцев «лопатками» и противостоящий им большой палец. Дольф решил, что он опирается порой на сжатые кулаки. Но, в отличие от кенгуру, — хотя позже Дольф увидел у него набрюшный мешок, — у него не было хвоста, хотя задние ноги были явно приспособлены для прыжков.

Но именно его глаза производили самое сильное впечатление. Полностью открытые — а они могли закрываться почти прозрачными крышками, точно мигающие мембраны у ящериц или птиц, — они были большими и невероятно глубокого аквамаринового цвета, точно марсианское небо во время рассвета. Встретив их пристальный взгляд, Дольф испытал шок. И глядя в них, Дольф не мог сомневаться, — несмотря на то, что песчаная кошка была голой, если не считать вещей, полученных ею от Дольфа, — что наконец-то он встретил настоящего, разумного марсианина.

Затем кошка шевельнулась, очень спокойно и плавно. Она протянула лапу к голове Дольфа и разжала длинные пальцы. Тыльная сторона руки была покрыта мехом, но суставы были голыми и мозолистыми. Из узловатого кончика центрального пальца выдвинулся кривой и острый, как сабля, коготь в дюйм длиной.

Дольф остановился, вспотев, слыша тонкий свист ветра и шелест песка. Ему было холодно, как никогда в жизни.

Острый коготь — зачем этому существу вообще нужен нож? — дотронулся сначала до одного окуляра маски Дольфа, затем до второго: стук... стук... Дольф стоял неподвижно, стараясь не вздрагивать.

Кошка убрала лапу, но тут же протянула другую, с ножом. Кончиком ножа она осторожно постучала по окулярам маски.

Дольф боялся, что не выдержит и бросится бежать, но не посмел

шевелинуться. Большая рысья голова приблизилась к нему, словно решая, что он такое. Затем кошка снова постукала ножом по стеклам маски: стук... стук...

Дольф почувствовал, что из глаз у него потекли слезы, но он старался держать себя в руках и глядел на кошку, сделав серьезное лицо. И, очевидно, у него это получалось.

Кошка убрала руку. Нож воткнулся в песок между ними, кошка сделала шаг назад и голосом, напоминающим тридцатифутовую трубу органа, произнесла:

– Ммррееоррттдмманнн.

Дольф попытался ответить, но во рту у него совершенно пересохло. Он лишь беспомощно поднял руки и показал существу раскрытые ладони.

Удивительно, но существо кивнуло в ответ.

– Дммм, – раздалось в его широкой груди. – Дммнннн...

– М-мм... – нерешительно проворчал Дольф, пытаясь, чтобы голос был максимально глубоким.

Вышел какой-то тоненький писк, но кошка подняла голову, и его прижатые, как у рыси, уши стали торчком, подрагивая на утреннем ветерке. Для пробы Дольф попробовал еще раз, и теперь у него получилось громче.

Кошка снова кивнула – хотя Дольф сообразил, что понятия не имеет, что значит этот привычный жест: «Да», «Нет» или «Слушаю!». Однако, чтобы успокоиться, Дольф обернулся к иллюминатору, за которым стояла и глядела на него Наннет.

Начались долгие переговоры.

Общаться с песчаной кошкой, оказалось действительно трудно. Дольф не раз с завистью вспоминал истории, прочитанные в журналах, в которых придуманные инопланетяне прилетали, снабженные автоматическими переводчиками, или сами владели телепатией. Переводчика у Дольфа не имелось, так что пришлось трудиться самому.

Но, по крайней мере, не было проблем с сотрудничеством. Кошка уходила из лагеря ежедневно перед полуднем, но возвращалась каждое утро, как только слабела рассветная песчаная буря. Вначале она выказала готовность помочь физическим трудом – в данном случае, поддержать подпорки шахты, пока Дольф заменял их. При этом она продемонстрировала силу мускулов, которые, как подозревал Дольф, скрывались под ее мехом. Казалось также, она понимает простые диаграммы, которые Дольф рисовал на песке, хотя трудно было судить, насколько правильным было это понимание.

Настоящей проблемой, конечно, оказался язык. Рот песчаной кошки и органы, производящие звуки, просто не могли произносить некоторые звуки английской речи, а то небольшое количество доступных слов было явно недостаточным. Дольф, со своей стороны, не

мог рычать и тянуть горловые низкие звуки так, как было естественным для кошки, хотя кое-что у него получалось. В результате таких бесед начал складываться своего рода гибридный язык, в котором смешались отдельные английские слова и порывкивания кошки, а так же он был дополнен жестами.

Таким языком можно было передавать весьма ограниченную информацию, и то лишь примитивную. Но определенные мысли они все же доносили друг до друга. Песчаная кошка научилась произносить «Дольф» вполне сносно, только звук «ф» получался у нее неясным, и она применяла это имя к обоим людям (не считая роста, в масках они с Наннет выглядели весьма похожими).

«Дммннн», казалось, было именем собственным, и Дольф переделал его в «Дохмн», и когда он произносил это имя, кошка тут же отзывалась.

Что же касается вопроса, откуда они появились, эксперименты Дольфа с чертежами и рисунками вскоре показали, к его разочарованию, что у кошки были лишь самые элементарные знания астрономии. Его попытки рассказать, что они с Наннет прилетели с синне-зеленой звезды под названием Земля, были встречены с тупым непониманием. Через несколько недель Дохмн, казалось, понял, причем сомнительно, что они прилетели с Деймоса, и Дольф оставил на время эту тему. По крайней мере, был сделан шаг в верном направлении.

Выяснилось, что песчаных кошек не много. Больше двенадцати — основной счета Дохмна, но меньше двенадцать раз по двенадцать. Эти существа были прекрасно приспособлены к марсианским условиям, но все же Дольф заподозрил, что они вымирают. Кошка позволила осмотреть себя с терпеливой снисходительностью, и Дольф с удивлением обнаружил, что зеленые пятна были не мехом, а лишайником, нити которого глубоко впились в кожу. Но лишайник был не паразитом, а полноправным симбионтом. Он питался кровью кошки, но снабжал ее кислородом. Это сотрудничество объясняло, как такое большое животное может жить в атмосфере Марса. Его основной едой были ракообразные, которых Дохмн с хирургической точностью убивал одним ударом когтистой лапы. Вряд ли ему нужен был нож, так как лапы были оснащены когтями, как у земного тигра, но способными втягиваться. Он, однако, быстро научился пользоваться ножом, и даже сделал для Дольфа вскрытие ракообразного не хуже анатома.

Судя по всему, кошки мигрировали за летом по всей планете. Оазис был одной из постоянных стоянок Дохмна, и он даже сумел начертить приблизительную карту других. Дольф тщательно перерисовал ее, хотя это принесло ему разочарование в другом аспекте: оказалось, что Дохмн считает Марс плоским. На карте была также

начертана огромная область в форме колеса, в которой Дольф узнал Lacus Solis – Озеро Солнца, но почему оно было важно для Дохмна, Дольф так и не сумел выяснить.

Одновременно Дольф установил, что кошка появилась в оазисе не в ответ на глушитель Дольфа, и даже, наверное, не знала о нем. Но это все равно не доказывало, что собратья Дохмна не могли производить сигналы маяка, хотя Дольф уже сомневался в этом. Дохмну было совершенно неизвестно обычное электричество, не говоря уж о радио.

Однако, он попытался выяснить это как можно подробнее. Наннет оказывала большую помощь в их беседах. Правда, на языке кошки она говорила еще хуже, чем Дольф, поскольку голос у нее был выше, и она не могла произносить низкие звуки. Зато она частенько понимала Дохмна быстрее, чем Дольф, и предлагала заносить отдельные слова в словарик, который Дольф отчаянно пытался составить.

Наконец, настал день, когда они сумели с частичным успехом, донести свой вопрос до Дохмна. Они нарисовали кратер, на вершине которого Наннет изобразила нечто напоминающее солнце с лучами. От него она протянула две линии в противоположных направлениях, в которых мог находиться радиомаяк, изобразив их точками на песке. Затем, показав на точки, Наннет прижала ладони к оттопыренным ушам, словно прислушивалась, и постаралась издать звуки, напоминающие вой маяка.

Уши Дохмна, обычно прижатые к голове, встали торчком, и он выпрямился, глядя на рисунок, будто встревожившись. Затем нагнулся, небрежно начертил ножом огромный круг вокруг рисунка – обычный знак, что он не хочет, чтобы рисунок какое-то время стирали. Потом он развернулся и убежал, хотя до его обычного ухода оставался еще час.

Дольф и Наннет остались ждать – больше им нечего было делать, – и примерно через полчаса Дохмн вернулся. К громадному раздражению. Дольфа, он принес глушитель. Дольфу оставалось лишь надеяться, что он сумеет убедить кошку вернуть его обратно, потому что его не манила мысль о повторном подъеме на гребень.

Но Дохмн не слушал Дольфа. Положив глушитель на песок возле рисунка, он начертил рядом с ним три черты. На каждой черте нарисовал солнце, а на последней – снова Lacus Solis. Затем он взял глушитель и положил его прямо в центр новой карты.

Настала очередь взволнованного Дольфа. Он провел линию от своего рисунка до рисунка Дохмна, указал на них, затем на кратер, а потом изобразил пантомиму ходьбы. Песчаная кошка что-то прорычала, затем повторила пантомиму Дольфа, идя такой жеманной походкой, которая была бы просто смешной, если бы не вся важность ее значения. Дольф кивнул. Кошка кивнула в ответ.

— Это означает то, что я думаю, что означает? — прошептала Наннет.

— Очень надеюсь, что так, — ответил Дольф. — Я все еще не уверен, что он знает, для чего этот глушитель, но он явно видел нечто подобное раньше и сказал нам, сколько идти до той штуки: три дня.

— И еще, — добавила Наннет, — он готов отвести нас туда. Но осмелимся ли мы на такой поход?

— У нас нет другого выбора, — сказал Дольф. — С его помощью, мы можем этот поход совершить.

14. Когда умирает мечтатель

Как только в них укрепилось решение отправиться в такой поход, Дольф и Наннет начали готовиться к нему. В перспективе чего-то нового, каких-то неизвестных, возможно, радикальных изменений в их существовании, заставило их ветхий домик казаться еще более запущенным, а оазис — ловушкой.

Но прежде, чем они посмели бы рискнуть отправиться в пустыню, нужно было проделать громадный объем работ. Стало ясно, что они должны взять с собой всю еду, всю воду и все запасы эликсира, всю одежду и постельные принадлежности — а также батареи, бинокль, глушитель Дольфа, палатку и прочие мелочи типа ножа или карты. Причем лагерь нужно было разбирать осторожно, чтобы они могли вернуться и наладить тут прежнее хозяйство, поскольку была возможность, что их поход окажется бесплодным. И с равной степенью стало очевидно, что они не могут унести все вещи на себе, даже с помощью Дохмна.

Единственным решением были сани, если удастся убедить Дохмна помочь их построить. Наннет сделала несколько рисунков и чертежей, и песчаная кошка согласилась. Осталось лишь построить сани, но на это нужно было решиться, поскольку пришлось разбирать пристройку ради древесины.

Наконец, когда все было закончено, сани оказались платформой в семь футов в длину и два в ширину, со скошенным носом и поручнями по бокам. Поручни должны помогать затащить их на стенку кратера, а так же чтобы пассажирам было за что держаться потом. Груз они пока закрепили по всей длине саней, но впоследствии его предстояло переместить на корму.

Затем нужно было из чего-то создать ремни безопасности и хомут для Дохмна, чтобы давило ему на плечи, а не перекрывало трахею. Песчаная кошка вытерпела примерки вроде бы с любопытством, и Дольф с гордостью любовался результатами своей работы.

— Аккуратненько и даже со вкусом, — заметила Наннет.

— Интересно, почему римляне не додумались до такого? — спросил

Дольф. — Тогда бы их волам было нужно трудиться вдвое меньше. Почему-то хомут не был изобретен вплоть до Средневековья.

— Может, именно потому римляне нуждались в таком количестве рабов?

— Это мысль, — кивнул Дольф. — Я не помню, чтобы Гиббон упоминал об этом. А теперь мне интересно, из чего мы сделаем пряжки?

— Я умею вязать скользящие узлы, — сказала Наннет. — Кстати, ты мне напомнил. Если мы часть вещей переложим на плечи Дохмна, то тащить сани на гребень будет гораздо легче.

— Легче для нас, но не для него, — возразил Дольф, — потому что он будет помогать поднимать сани. Но если он не откажется, мы можем соорудить ему вещевой мешок. Он пригодится ему в дальнейшем.

Несмотря на постоянное эмоциональное напряжение, они работали над подготовкой к походу упорнее, чем над чем-либо другим, начиная с первых дней пребывания на Марсе. Они становились все мрачнее из-за перспективы отъезда их от того, что привыкли называть домом, несмотря на все его неудобства. К тому же, оба были убеждены, что нельзя оставлять ничего важного, что может обнаружиться, лишь когда будет слишком поздно. Из-за этого, несмотря на усталость, они оба долго не могли заснуть, прикидывая в голове, что еще может понадобиться, так как весь дом они не могли взять с собой.

В последний день перед отбытием Наннет настояла, чтобы они не делали ничего, только отдыхали. Она придумала нелепую историю о том, почему мышь Эльфрида завалила экзамен на звание доктора философии в Гарбагинге, лишь для того, чтобы провести время. Дольф заснул прежде, чем история закончилась, и, похоже, Наннет последовала его примеру. На рассвете, после песчаной бури, они отправились в путь. В глубине души обоих терзал вопрос, вернуться ли они когда-либо сюда, но никто не спросил об этом вслух. Бледные солнечные лучи позади них ползли вниз по террасам к пустому, полуразобранному дому.

С помощью песчаной кошки, подъем на гребень кратера занял лишь день, и на следующее утро маленькая экспедиция смогла уже начать свой путь по пустыне. Дохмн тянул сани, один человек ехал на них, другой шел рядом пешком, а когда он устал, они менялись местами, по типу арктических экспедиций, которые они видели в кино давно и в другом мире. Сани скользили по мелкому песку и пыли так же легко, как по снегу, а песчаная кошка, казалось, была неумолимой.

Дольф предполагал, что их маршрут пойдет по дну мощного канала Тот-Непентес, который проходит между их оазисом и Аравией, и, следовательно, северо-восточнее Lacus Solis. На карте расстояние выглядело достаточно коротким, чтобы на второй день они достигли канала. Фактически, они пройдут полпути по обширной долине, на

которой Большой Каньон выглядел бы простой царапиной на оконном стекле, прежде чем их застигнет ночь.

Несмотря на более высокое атмосферное давление на этом пути ниже «уровня моря», ночь была ужасна вне всякого воображения. Они не пережили бы ее, если бы не добавочное тело от песчаной кошки, — Дохмн растянулся на песчаной насыпи, в которой они закопались, и фактически заполнил большую часть палатки. Сначала это раздражало Дольфа. Хотя он и был уверен в доброжелательности Дохмна, но соседство с превосходной машиной смерти, о которой они почти ничего не знали, не могло не нервировать. Однако, Наннет приняла его с готовностью и даже с некоторым удовольствием, будто инопланетное чудовище было каким-то гигантским плюшевым медвежонком. Но все обошлось, они выжили ночью и утром проснулись не замерзшие насмерть и не съеденные.

Дно канала оказалось теплым по марсианским стандартам, но по плотному ковру лишайника сани двигались тяжелее. Но это неудобство до некоторой степени компенсировало то, что здесь они еще раз смогли накопать льда, в котором нуждались. Дохмн выполнил эту задачу за пять минут, подняв целый фонтан песка.

Как ни парадоксально, но в канале звук маяка было гораздо тише. Подумав, Дольф решил, что, наверное, в стенках канала проходят какие-нибудь залежи руды, которые блокируют сигналы. Но на третий день он уже стал волноваться настолько, что спросил, как умел, Дохмна, правильно ли они идут, хотя компас подсказывал, что они не уклонились с маршрута. Песчаная кошка решительно подтвердила это. Дольф решил, что ей стоит верить, и действительно, когда на четвертый день канал сделал поворот, сигнал стало громким и ясным.

На пятый день пришел конец их запасам. Дохмн стал тянуть их быстрее, да и сани стали значительно легче, и чуть не летели над дном канала. С головами, крушащимися и легкими от голода, точно воздушные шары, Дольф и Наннет оба сидели в санях и, цепляясь за ремни, надеялись, что несущаяся впереди песчаная кошка знает, что делает. Сани качались и взбрыкивали, Дохмн постепенно набирал скорость. Луны стремглав неслись по темно-синему, точно чернила, небу. Сигнал становился все громче, песок фонтаном взвивался в воздух позади них, пыль и холод жалили через маски и одежду.

К полудню они уже умирали от жажды, а Дохмн и не думал останавливаться. Казалось, он убегал вместе с ними от чего-то, его мощные бедра двигались с целеустремленностью и почти механической монотонностью. Дольф и Наннет цеплялись за поручни и друг за друга. Взметывая из-под днища песок, сани стремглав покатились вниз по узкой седловине. Над ними нависли утесы, закрыв почти все небо.

Затем, в сумерки, седловина расширилась и вышла на открытое

пространство Озера Солнца.

Дохмн резко остановил сани и сел на песок. Его широкая грудь равномерно вздымалась и опадала. Дольф никогда прежде не видел, как он дышит. От его ног склон спускался в широкую, почти круглую долину в виде террасы с кольцевыми стенами и плоским дном. Озеро монотонно тянулось к горизонту, чуть присыпанное песком, который курился на ровном ветру, а из-под него местами проглядывал тускло-зеленый, ребристый лед.

Кратер был такой же ровный и круглый, как кратер Платона на Луне, и больше в диаметре, чем лунное Море Имбриум. Должно быть, громадный астероид совсем недавно врезался в этом месте в Марс, проломив его кору и оставив настоящее озеро открытой воды, поднявшейся из аквасферы, которое вскоре застыло от холода.

Наконец-то песчаная кошка позволила людям раскинуть лагерь и даже помогла им по мере возможностей. Скинув с себя хомут, но оставив вещмешок, Дохмн отправился на охоту и вскоре вернулся с двумя «омаро-скорпионами», причем такими большими, каких Дольф с Наннет еще не встречали. Со второй вылазки, продлившейся немного дольше первой, Дохмн принес кусок льда, который на Земле весил бы добрых сорок пять футов. Так как седловина, на которой они встали лагерем, была гораздо выше уровня озера, и рыть тут было бы бесполезно, Дольф понял, что Дохмн притащил лед с озера. Затем Дохмн тут же принялся помогать им с лагерем, вырыв место для палатки и ветряка.

Такое стремление помочь и даже забота не могли не приветствоваться, но Дольфу стало немного не по себе. Это напомнило ему рассказ, который он когда-то прочитал, под названием «Цена головы», в котором потерпевшие кораблекрушение слишком поздно поняли, что доброта туземцев происходит из-за того, что их назначили в жертву местным богам. Дольф не стал говорить об этом Наннет, и вообще, он так устал, что даже мысли о Дохмне не помешали ему крепко уснуть.

Утром Дохмн снова отправился в путь, но на этот раз без саней. Дольф и Наннет сами были рады пройти пешком. Здесь это было не трудно, террасы были широкие и невысокие, очень напоминающие колоссальную лестницу. Однако, песчаная кошка отказалась спускаться напрямик, а повела их по кругу на северо-восток, по плавно спускающейся спирали.

К полудню они спустились к Озеру и явной цели Дохмна — паре столбов футов в двадцать высотой, со сложным, искусственно вырезанным орнаментом, отделенных от каменной кольцевой стены. Они обрамляли открытый вход в утес, слишком правильный, чтобы являться естественной пещерой. Дохмн быстро прошел в него и, увидев, что Дольф и Наннет остановились на пороге, сел на гладкий

пол и пророкотал в обязательном уже ритуале:

– Дохвмнн... Дохвмнн...

– Не торопи нас, – ответил Дольф, с сомнением глядя в проход.

– Ладно, значит, это то, куда мы шли... но сейчас меня не тянет спешить.

– Меня тоже, – подтвердила Наннет. – Там черно, как в безлунную ночь, особенно после яркого солнечного света... и кажется, проход спускается вниз.

– Там поворот, чуть дальше того места, где сидит Дохмн, – добавил Дольф. – Что ты скажешь о резьбе на столбах, Наннет?

Девушка осмотрела столбы.

– Не очень-то много. Резьба сильно повреждена песком. Кажется, они выстроены колонками, как китайские иероглифы... или числа.

– Которые, боюсь, ничего нам не скажут. Мы даже не можем предположить, являются ли эти значки буквами алфавита или пиктограммами. Но я не это имел в виду. Как ты думаешь, могли ли их сделать собратья Дохмна?

– Н-нет, – медленно протянула Наннет. – Значки слишком маленькие. Не думаю, что такие большие лапы, как у Дохмна, могли проделать такую тонкую работу.

– И мне так кажется, – кивнул Дольф. – Значит, сейчас мы должны встретиться с неизвестным существом или даже существами. Рискнем?

Наннет мрачно поглядела в загадочный туннель.

– Ладно... – сказала она, наконец. – Нравится нам это или нет, но мы ведь за этим сюда и пришли?

Дольф надел наушники. Маяк выл куда громче прежнего.

– Да, это здесь, – сказал он. – Хорошо, Дохмн, мы идем.

После первого же поворота в туннеле стало абсолютно темно. Дальше люди могли идти, лишь держась за ремни вещмешка песчаной кошки. Дохмн, казалось, точно знал, куда направляется, потому что шел вперед так быстро, как могли двигаться его спутники.

Туннель постепенно поворачивал, описывая длинную ровную кривую. Через какое-то время Дольф был почти уверен, что они идут в обратном направлении – но на более низком уровне, потому что, как заметила Наннет, они постоянно шли под уклон.

Вскоре спуск сделался круче. К счастью, пол туннеля был все таким же ровным, иначе кто-нибудь мог бы оступиться. И это задержало бы всех. Они ничего не видели и понятия не имели, куда идут и что ждет их впереди, а ровный, нечеловеческий вой в наушниках стал слишком ужасным.

Не видя солнца, они не могли сказать, сколько времени идут. Казалось, они спускались под землю уже много часов. Странно, что окружающий воздух не становился холодным, Дольфу даже каза-

лось, будто он немного потеплел.

А через неопределенно долгий период времени он уже был уверен в этом. Для эксперимента он снял перчатку и коснулся ближайшей стены. Мгновенно он отдернул руку, но жгучей боли от обморожения не последовало. Стена была не совсем теплой, но, насколько Дольф мог судить, ее температура была немного ниже точки замерзания.

Дольф также понял, что на ощупь стена оказалась неестественно гладкой, почти шелковистой. Коснувшись ее кончиками пальцев, он с удивлением обнаружил, что они стали влажными. Торопливо надев перчатку, Дольф топнул ногой и прислушался. В звуках тоже произошли явные изменения.

– Ты что? – прошептала Наннет, державшаяся за его пояс.

– Стены стали другими. Мы идем уже не в скале.

– А где тогда?

– Я не уверен, но думаю, что вокруг лед. И здесь гораздо теплее.

– Ты думаешь, мы находимся под Озером?

– Это лишь мое предположение, – уклончиво произнес Дольф. – Под ногами, конечно же, лед. Жаль, у нас нет света – мы могли бы увидеть, какой он толщины.

– Если мы будем продолжать спускаться, – сказала Наннет, – то зароемся в дно озера.

– Да, если только давление не обрушит туннель. Здесь становится теплее... Интересно, что поддерживает этот лед?

Дохмн рыкнул и потянул их дальше.

– Хорошо, хорошо, – сказал Дольф.

Почти немедленно стены туннеля начали раздвигаться, и шаги их уже отдавались эхом. Пока Дольф ломал голову, что ждет впереди, с каждым шагом становилось светлее, пока Дольф не понял, что свет идет сверху. Первым их впечатлением было, что они вышли под открытое небо, но это, конечно же, было невозможно. Просто высоко над их головами светился сам потолок.

– О, Дольф! Смотри! – воскликнула Наннет.

Но Дольф уже и сам увидел. После очередного поворота пол под ними начал спускаться вниз еще круче, а там у их ног, возникли сказные руины безмолвного, погребенного города.

Или он просто ждал звуков их шагов? Воздух стал теплый, сырой и густой, как земной туман – и в нем было достаточно кислорода, чтобы они могли дышать, правда, еще под воздействием эликсира, замедляющего метаболизм. Город купался в зеленовато-серых сумерках, которые лились сверху, из огромного озера, концентрирующего солнечные лучи, точно линза.

Дольф сбросил маску и наушники и сделал глубокий, торжественный вдох. Наннет вцепилась в его руку. Стояла глубокая тишина, нарушаемая далеким звуком – журчанием проточной воды. Этот звук

был столь удивителен на сухой планете, что почти предполагал чье-то сверхъестественное присутствие.

Здания города были высокими, стройными, стоящими далеко друг от друга. Вырезанные в незапамятные времена из какого-то хрустала, они не несли на себе ни малейших признаков времени или обветшания. Их полупрозрачные очертания казались толпой худых призраков — или это светились топазовые капли, завершающие их невозможно острые вершины и ярко светящиеся даже в сумерках.

Дохмн остановился, замер, тихий и неподвижный, как статуя. В городе ничего не двигалось, но все же он не казался мертвым. Здесь, под песком и льдом Марса, он словно был заключен в незримую биосферу, и строители, защитившие его от любых невзгод, по-прежнему управляли им...

Песчаная кошка испустила тихий вздох, опустилась на все четыре лапы и поскакала по широкой авеню — или это была площадь? Не было времени стоять и размышлять, и они ринулись вслед за Дохмном. Было странно видеть, сколько здесь оказалось зданий — словно город протянулся под всей пустыней. Прозаический земной вещмешок на широких плечах Дохмна казался уродливым, он не принадлежал этому миру безмолвного неба, сверкающих драгоценностей и прозрачных башен.

Дольф поднес к уху один наушник. Маяк продолжал выть, настойчивый, неизменный, но больше этот вой не казался зловещим. Теперь он напоминал какую-то длинную арию, словно песню Сирен Гомера. Смысл ее был все так же бесчеловечным, как и прежде, но теперь в нем проглядывала чистая мелодия, искаженная уже самими наушниками.

Авеню продолжало расширяться, словно хрустальные башни отстранялись от трех маленьких фигурок, следующих в их лабиринте за нитью песни. Потом тротуар внезапно опустился гораздо ниже уровня дороги к большому бассейну света, в центр которого была сфокусирована линза Lacus Solis. Там был мраморно-белый амфитеатр с превосходным параболическим полом, отражавший свет обратно в ледяное небо, казавшийся почти что твердой колонной.

— Дохмннн, — сказал Дохмн.

Они медленно спускались по террасам, слишком высоким, чтобы быть ступенями, и слишком низким для скамеек. В самом центре амфитеатра была еще одна хрустальная сфера, похожая на беседку на каменном возвышении, футов пятнадцати в высоту.

В ней стоял трон. А на троне сидел кто-то... или что-то.

Фигуру его было трудно рассмотреть, так как хрустальные стенки беседки были, казалось, наполнены тускло светящейся жидкостью. Фигура была высокой, но не человеческой, а, скорее, напоминала змею или червя с шестью-восемью щупальцами возле головного

конца. В целом, Дольф был даже рад, что не мог рассмотреть его подробнее.

Затем существо заговорило. Фигура ничем не шевельнула, но по амфитеатру медленно раскатился низкий голос. Дольф предположил, что он звучит через усилитель, поскольку у него не было видимого источника.

— Вы земляне, — сказала существо на прекрасном английском языке. — Наш скиталец по пустыне отлично выполнил свою задачу. Рр-рлр ахмн, о, оркк, Дохмн... Пожалуйста, подойдите поближе, чтобы моя аппаратура могла лучше чувствовать вас.

Дольф и Наннет нерешительно шагнули вперед.

— Кто вы? — спросил Дольф.

— У меня больше нет имени, — ответило существо. — Вы могли бы назвать меня тем, кто спит... Спящим. Я последний хозяин города.

— Откуда вам известно, кто мы? — спросил Дольф. — И почему вы говорите на нашем языке?

— О, что касается языка... — протянул Спящий. — Я знаю все земные языки, за исключением нескольких незначительных диалектов. Ваши радиопередачи прекрасно принимаются на Марсе. Что касается меня, то я услышал ваши радиопомехи и обнаружил ваше присутствие, чего вы, полагаю, и добивались.

— Да, — кивнул Дольф. — Мы надеялись, что кто-то ответит.

— Вероятность на это мала. Мой сигнал — всего лишь маяк, автоматический, который предназначался для того, чтобы привести оставшихся членов моей расы в этот город. Как видите, мы были скрытым народом. Но теперь он служит лишь сигналом, объявляющим, что я еще жив. Другого подобного сигнала я не слышал много лет, так что, вероятно, я последний.

— Значит, это вы послали к нам Дохмна? — спросила Наннет.

— Нет, сэр, — ответил Спящий, и одно это слово показало, что между ним и его гостями все же лежит громадная информационная пропасть. — Скитальцы по пустыне — независимый народ, хотя для нас они были примерно тем же, чем для вас являются собаки. Теперь они остаются единственной расой здесь — при условии, что вы можете им, как одно разумное существо должно помогать другому. Я поручаю это вам.

— Да нам самим нужна помощь! — возразил Дольф.

— Ну, не вечно же, — был ответ. — В конце концов, вы здесь лишь первые из людей. Разыщите в наших городах все, что вам нужно. Они теперь ваши... Я ждал тысячу своих лет, чтобы завещать их вам.

— Выходит, вы не можете нам помочь? — сказала Наннет.

— Нет. Мои соплеменники уже мертвы или заснули так глубоко, что уже никогда не проснутся. Но ваш народ станет... на самом

деле, вы уже почти превзошли нас.

— Что?! Но как...

— Они идут своим путем, мы — шли иным. Мы дарим вам наш мир. Хорошо используйте его, полюбите и помогите нашим *дохмнинам*, которые верно служили нам.

— Надеюсь, что так и будет, — со вздохом ответил Дольф. — Но мы хищная раса и...

— Да, вы молоды, иначе вы не прилетели бы сюда. Но *дохмнины* мудры собственным, полудиким образом. Если вы обидите их, они станут вас избегать. Если вы подружитесь с ними, они много дадут вам в ответ. Выбор за вами. Но без их доброй воли вы никогда не овладеете полностью тайнами древнего Марса. Они уже дали вам часть того, в чем вы нуждались. Неужели вы забудете это?

— Нет, — сказал Дольф. — Мы не забудем. Обещаю.

— Значит, мои мечты здесь завершаются. Теперь идите. Ваш народ уже близко. Слава Тому, Чьи Мечты Никогда Не Иссякают, а я могу уснуть. До свидания, *дохмн* и люди.

Голос смолк, и Дольф внезапно осознал, что в наушниках перестал звучать сигнал маяка. Наступила долгая, ужасная тишина. Затем раздался низкий, хриплый звук, который Дольф запомнил на всю жизнь. Это песчаная кошка оплакивала старый Марс.

А наверху ждал Марс новый.

15. Проект «Арес»

Что-то исчезло из города, когда они шли по нему назад. Топазовые верхушки башен начали тускнеть, и никаких других огней больше не было. Даже воздух, казалось, сделался более холодным.

На поверхности была иссиня-черная ночь. Неужели они пробыли под землей почти до самого рассвета? Очевидно, да. Пройдя за каменные столбы, песчаная кошка остановилась и поглядела на звезды. Затем Дохмн внезапно показал рукой куда-то в небо.

Сначала Дольф подумал, что он указывает на мчащуюся искорку Фобоса, но, поискав ее взглядом, он вспомнил, что в этот час здесь не может быть Фобоса. И тут же искорка вспыхнула, на миг, но ярко, как крошечная свечка. А за ней появились еще две вспышки, появились и тут же исчезли. Наннет судорожно вздохнула.

— Корабли! — закричал Дольф. — Быстрые! Быстрые! Маяк уже не работает... Нужно добраться до саней и запустить наш генератор!..

Они дико помчались вверх по террасам. Когда они добрались до лагеря, искорки уже исчезли за горизонтом. Дольф включил генератор помех — на этот раз, чтобы привлечь внимание не марсиан, а землян.

Затем они успокоились и принялись ждать, задаваясь вопросом, не видят ли все это во сне. Оставленный далекий оазис казался им

даже удобным теперь, когда исчезла надежда на помощь от мертвого или погрузившегося в сон Спящего. И даже утро, казалось, никогда не наступит.

Но прошла ледяная вечность, и над Озером поднялось солнце, внезапно, как всегда, потому что на Марсе не было никаких рассветов, лишь внезапный взрыв солнечного света, разлившегося по черному небу. Над льдом озера ветер закружил спиралями песок. Все еще не веря, Дольф и Наннет глядели в небо до тех пор, пока глаза у них не заболели и не стали слезиться под защитными очками.

Наннет первой увидела шлюпку. Сначала это была лишь черная точка на небе, потом, очень быстро, она превратилась в летучую мышь, а после в нелепое подобие бумажного змея – хитрое устройство с огромными крыльями, которые, казалось, еле-еле держали на воздухе тоненький, как игла, фюзеляж. Оно скользнуло вниз к Озеру так резко, словно падало, но тут же исчезло в грохочущем огненном столбе, который вырыл целую траншею во льду неподалеку от кольцевой стены кратера.

Когда огонь потух, крылья шлюпки опустились, сворачиваясь, словно смятая газета. Кабина была цела-целехонька, лишь наполовину погрузилась в лед Озера.

– О, Дольф! Неужели там кто-то мог выжить?

– Люди выносливы, – с улыбкой ответил Дольф. – Пойдем, познакомимся с ними. Вот уж, я думаю, они удивятся!

Они опять спустились по террасам с идущим позади Дохмном. Пока они спускались, пронзительно стонал металл фюзеляжа, охлаждаемый льдом. Затем крышка люка на вершине фюзеляжа трижды медленно повернулась и с лязгом откинулась.

Из люка появился человек в настоящем космическом скафандре и, неуклюже скользнув по лесенке на боку фюзеляжа к Озеру, принялся устанавливать высокий металлический шест с бьющимся наверху флагом ООН. Утренний ветер трепал флаг, и человеку пришлось изо всех сил бороться с ним. Наконец, он закрепил шест и выпрямился с сердитым, но одновременно торжественным видом.

И тут увидел две оборванные жертвы кораблекрушения и пятнистую, выглядящую опасной песчаную кошку, которые стояли лишь в пяти-шести ярдах от него и усмехались. Космонавт застыл в своем скафандре. За стеклом шлема было видно его лицо, недоверчивое и одновременно огорченное.

Дольф вышел вперед, таща Наннет за собой. Космонавт неуклюже шагнул назад, но тут же остановился.

Затем он включил внешний динамик и громко откашлялся.

– Вы мисс Форд и мистер Хэртель? – наконец, спросил он.

Наннет рассмеялась, что, казалось, еще больше расстроило его, а Дольф серьезно ответил:

– Да, это мы. А это – Дохмн, настоящий, живой джеддак Барсума¹.
Добро пожаловать на Марс, землянин!

В ответ землянин произнес историческую фразу.

– Гульп!.. – икнул он.

В ответ на краткое сообщение шлюпки, один из больших кораблей флота «Арес» спустился на следующий день в яростном дыму, струях песка и пара. Дольфа и Наннет взяли на борт. Дальше последовал подробный опрос, напоминавший допрос. Дольфу никогда не задавали столько вопросов, даже когда он сдавал экзамены в колледж. Однако, постепенно у них с Наннет обрисовалась картина того, что произошло на Земле с тех пор, как они покинули ее – события, которые привели к появлению здесь кораблей проекта «Арес».

Та часть истории, которая относилась к политике и дипломатии, вероятно, еще долго будет держаться в тайне. Хотя холодная война давно закончилась, привычка правительственных чиновников в «секретности» до сих пор не была искоренена. Затем последовал рассказ, как изобретение Дольфа подтолкнуло директора корпорации по научно-исследовательской работе оказать давление на НАСА, чтобы заставить его намного опередить график подготовки экспедиции на Марс. В результате появился некий вариант открытия Дольфа, который привел к значительным улучшениям ионного двигателя для космических кораблей, и были построены флагман «Фон Браун» и еще два корабля поменьше. Эта часть истории была особенно неясной, но по намекам Дольф понял, что его изобретение поняли и даже где-то там применили.

Удивление пилота шлюпки было легко понять. Ему сказали, что нет шансов найти детей живыми. Правда, сигналы глушителя Дольфа и маяка Спящего услышали на борту «Фон Брауна», еще когда корабль был в шести месяцах пути от планеты. И хотя было ясно, что такие сигналы никак не могут быть помехами, навигатор и командир эскадры очень сомневались, что Дольф и Наннет могут еще быть живы, источник сигналов определили, как идущий из зоны Залива Шеба, которая была отмечена на оставшейся на Земле карте Дольфа. Внезапно сигнал изменился и стал более простым, идущим точно от Озера Солнца, вдали от того места, где предполагалось быть Дольфу и Наннет. В этот момент все три корабля «Ареса» выходили на посадочную орбиту вокруг Марса, и такое изменение сигнала сбilo всех с толку. Произошел спор, можно ли рискнуть одной шлюпкой (разработанной для полетов на более низкой высоте, чем могут летать корабли, для составления карт Марса) в надежде решить возникшие тайны.

Но решение было, наконец, принято, причем офицеры «Фон Бра-

1 Джеддаки Барсума – туземцы Барсума из произведений Э. Р. Берроуза (прим. перев.)

уна» вообще ничего не объяснили, по каким причинам, а лишь тайком хихикали, точно детишки, которые знают, где спрятаны рождественские подарки, и пытаются сохранить невинный вид. Всякий раз, когда Дольф начинал расспрашивать об этом, беседу тут же сворачивали на тему Марса – и Дохмна, при виде которого пилот шлюпки испытал самое тяжелое потрясение.

Наконец, Дольф прекратил спрашивать сам и стал отвечать на вопросы.

– С Дохмном все в порядке. Он оказал нам громадную помощь, и я сожалею, что не рассказал о нем с самого начала. Он представитель новой местной разумной расы, и он наш друг. Но послушайте, капитан... Мы счастливы вас встретить, конечно, но вы что... собираетесь держать нас взаперти?

– Ничего подобного, не надо тревожиться, – поспешно ответил капитан, не в силах сдержать улыбку. – Просто еще один вопрос. Мы хотим, чтобы вы пообщались с бактериологом экспедиции.

– Вы считаете, что мы несем какую-то марсианскую инфекцию? – спросила Наннет. – Но ведь мы совершенно здоровы... Я имею в виду, не чихаем и не кашляем, хотя весьма изголодались и отощали.

– Нет, ничего подобного, – уже в открытую рассмеялся командующий. – Но я не стану ничего объяснять. Лейтенант Гулливер, проводите наших гостей в ксенолабораторию.

Когда открылась дверь лаборатории и Дольф с Наннет зашли внутрь, последние тайны тут же раскрылись. Бактериологом экспедиции оказалась мать Дольфа, миссис Хэртель.

Долгое время никто не говорил ничего осмысленного. Все лишь изливали эмоции – радость и удивление. Дольф обнаружил, что чувствует себя немного смущенным. Мать выглядела старше, чем он ожидал, и более худой. Это напомнило ему, что прошедшие годы дались ей нелегко.

Наннет первой облекла чувства в слова.

– Простите нас, миссис Хэртель, – сказала она. – С нашей стороны было глупо и беспечно улететь вот так, внезапно, и вызвать столько проблем и тревог.

– Теперь это неважно, – ответила миссис Хэртель. – Я все это время знала, что вы живы. Вы немного поспешили, но вы совсем не глупы, иначе бы не выжили здесь. Думаю, что все это – плохое и хорошее, – не случилось бы, будь вы постарше. Вы не предвидели последствия своих поступков, но ведь это свойственно всем подросткам. С другой стороны, оказавшись здесь, вы решали возникшие проблемы самыми простыми и неординарными способами, что не смогли бы сделать даже квалифицированные инженеры, потому что их мышление уже направлено в определенные русла. – Внезапно она улыбнулась. – Фактически, вашим поспешным полетом и

открытием Дольфа вы поспособствовали созданию Марсианского флота. Никто еще в вашем возрасте не сделал так много для истории, начиная с Крестового Похода Детей – и никто не сделал более полезного для науки! Но это еще не все. Производство эликсира из лишайника может стать единственным, что сделает возможной колонизацию Марса. А это ваше знакомство с Древним Марсианином и отношения с представителем туземцев... Ну, вы же теперь настоящие эксперты по этой планете!

– Но мы провели мало исследований, – с сожалением сказал Дольф. – Для этого у нас не было возможности.

– Неважно. Вероятно, остальную часть жизни вы проведете в экспедициях, и у вас будет много всякого оборудования. Конечно, если вы не позволите оторвать вас от науки, чтобы сделать колониальными губернаторами или какими-нибудь административными чиновниками... – Миссис Хэртель замолчала и критически взглянула на обоих. – Но мы кое о чем забыли, и этим нужно заняться немедленно, пока о нас не пронюхали газетчики. Нужно заставить капитана Фридмана сочетать вас браком, прежде чем он будет слишком занят, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Дольф беспомощно взглянул на Наннет, но она лишь нахально усмехнулась и не торопилась прийти к нему на помощь.

– Жениться? – пробормотал Дольф. – Не то, чтобы я не думал... мне кажется, это прекрасная идея, если Наннет... то есть, если ты не думаешь, что я... я хочу сказать, что мы еще не...

– Я думаю, что он еще слишком молод, – с явным ядом в голосе сказала Наннет. – Кроме того, он еще не попросил моей руки. И он знает, что я могла бы увлечься Дохмном...

– Дохмном? – переспросила миссис Хэртель.

– Песчаной кошкой, – ответил Дольф, чувствуя, что разговор совершенно выходит у него из-под контроля.

– Это все ерунда, – отмахнулась миссис Хэртель. – Я думаю, что жениться тебе в самый раз. Если не веришь мне – взгляни сюда.

До этого Дольф не видел, что в каюте есть кто-то еще – высокий человек, стоящий позади его матери. И теперь он впервые пристально оглядел его.

Он увидел бородача, одетого, как и они с Наннет, в новый зеленый китель Космических Сил. Густая борода и бакенбарды скрывали выражение его лица, но он пристально глядел на Дольфа в ответ. Судя по цвету кожи, он много лет провел на природе, был стройным и худощавым.

– Ты его знаешь? – тихонько спросила Дольфа миссис Хэртель.

– Я не... – Дольф осекся, потому что губы незнакомца тоже шевельнулись, он явно произнес те же слова.

И тут Дольф все понял. Это было отражение в полированном ме-

талле корпуса «Фон Брауна». Высоким человеком был сам Дольф. Просто он много лет не видел себя в зеркале.

Дольф взял Наннет под руку и торжественно поклонился отражениям.

— Как дела, мистер и миссис Хэртель? — спросил он. — И... Добро пожаловать на Марс!

ПОСЛЕСЛОВИЕ. (30 июля 1965)

Рукопись первого издания этой книги ушла в издательство до того, как «Маринер IV» опустился на Марс. Теперь, когда были опубликованы фотоснимки, переданные этим чудесным аппаратом, мне интересно было посмотреть, насколько они похожи на тот марсианский ландшафт, что я обрисовал в романе.

В конечном итоге, я рад был увидеть, что сходство достаточно высоко. Гипотеза, что Марс, вероятно, выдержал бомбежку метеоритами (впервые выдвинутую несколько лет назад покойным теперь астрономом из обсерватории Энн-Эрборо, Дином Маклоулином), подтвердилась фотографиями.

Никаких каналов на снимках не видно, так что могло и не быть раскола коры Марса, какой (вслед за Маклоулином) я описал в романе. С другой стороны, очевидно, что склоны впадин более круты, чем гласят предыдущие теории. Одна из последних фотографий показывает горный хребет в южном полушарии, который, по оценкам специалистов, оказался в 13 000 футов высотой. До сих пор подобными вершинами считались так называемые Горы Митчелла — хребет возле Северного полюса, который, если вообще существует, может быть лишь вдвое ниже.

Теперь совершенно очевидно, что на Марсе больше воды, чем считалось ранее. На это указывает распределение инея на фотоснимках. До «Маринера» единственный иней был виден лишь на полюсах. Также на снимках видно, что когда-то на Марсе были моря, а существование подземного ледяного слоя кажется теперь более вероятным.

И, наконец, то, что на фотографиях не видно каналов, вовсе не означает, что их не существует. На первых четырех снимках (из 19 хороших) можно заподозрить каналы, так как эти фотографии были сделаны утром, когда тени особенно резкие и длинные. (До фотографии № 7 не было запечатлено даже кратеров). Снимок № 8 сделан возле одного из самых заметных подозреваемых каналов, сделан он был тогда, когда в том полушарии стояла зима, во время которой исчезают даже самые темные каналы. Так что вполне возможно, что аппарат делал снимки просто «не в тех местах и не в те сезоны».

Вообще, на снимках более суровый пейзаж, чем я описал, но все же сходство между ними и описаниями в романе гораздо большее, чем я смел надеяться.

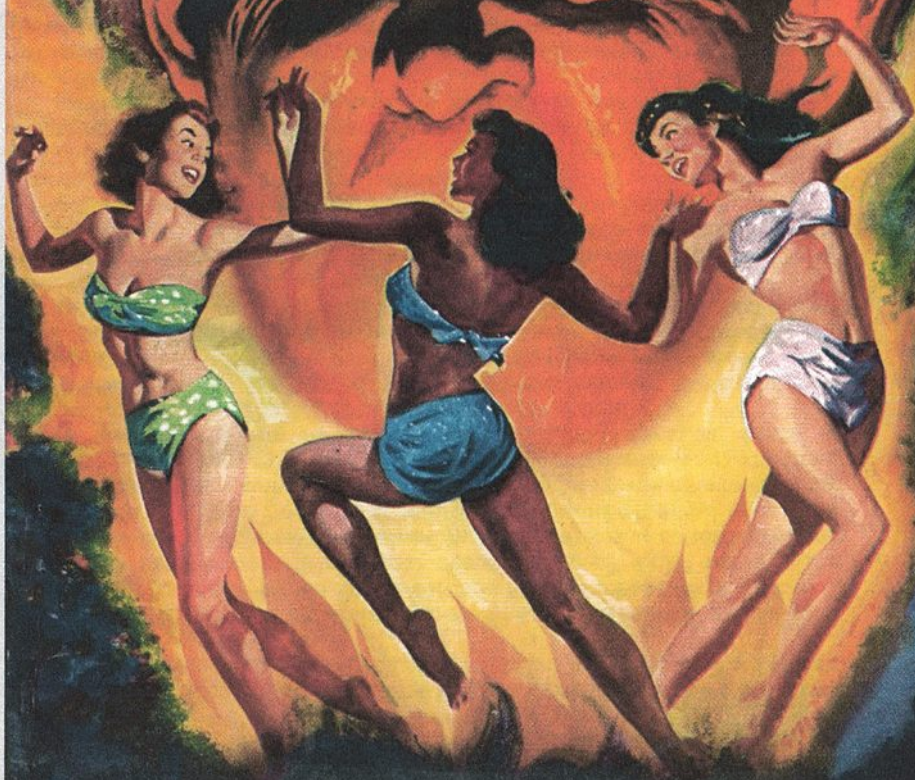
ДЖ. БЛИШ

CITY OF THE DEAD by C. M. Martin

AMAZING ANC

STORIES

JANUARY 25¢

WE DANCE FOR THE DOM! By Richard S. Shaver

ДЖ. М. МАРТИН

ГОРОД МЕРТВЫХ

Научно-исследовательский отчет, подготовленный профессором Джоном Грейнджером из Уэстонского Научного-Исследовательского Фонда Нью-Йорка, штат Нью-Йорк:

«11 августа 2024 года.

Недавно вернувшись из безжизненного района Марса, названного равниной Парна, хочу сообщить, что город Лонн действительно существует. Ученые фонда давно полагали, что равнина Парна, являющаяся теперь бесплодной пустошью, когда-то была обитаема и орошалась, так что могла снабжать город провизией и давать ему развиваться во всех культурных направлениях, как и любому земному поселению.

На Марсе было найдено мало сведений о Лонне. Поскольку планета снова вернулась к дикости и стала похожей на Дикий Запад времен шахтеров и первопроходцев, то люди посмеивались при одной только мысли о том, что Лонн существует или что Марс когда-то был чем угодно, только не диким, неудобным местом для проживания.

Не обескураженный неприязненным отношением, с которым сталкивался в марсианских поселениях, седьмого июля 2023 года я покинул последний аванпост Фицрой на краю равнины Парна. Я был один и попытался пролететь над равниной в космическом кораблике, который мне дали в Фонде, но вскоре понял, что восходящие воздушные потоки над пустыней делают такие полеты невозможными. Я был вынужден вернуться в Фицрой и сумел заручиться помощью хозяина бартеллов, странных марсианских животных, напоминающих буйволов, только с шестью ногами, и через несколько недель пути мы увидели Лонн. По дороге я узнал, что многие марсиане видели Лонн, но отказывались помочь мне, потому что боялись этого странного города мертвых.

Владелец бартеллов заявил, что будет ждать неделю на краю города, так что я пошел один. Я доказал, что этот город населен расой мертвецов, мужчинами и женщинами, которые, по какой-то странной причине, внезапно окаменели в самом разгаре своей деятельности. Я видел людей, которые подстригали кусты, и застыли вместе с секаторами.

Я видел владельцев магазинов, женщин у городского фонтана, и все они улыбались и выглядели совершенно здоровыми, но тела их

были как камень, а поскольку они все же стояли и не падали, значит, какая-то странная сила приковала их там, где настигла.

Я понял, что Лонн не только на столетия опередил остальную марсианскую цивилизацию, но имел машины и иную культуру.

Главной моей мечтой стало вернуться в Лонн с надлежащим оборудованием и попытаться вернуть к жизни его обитателей. А также мне хотелось бы изучить достижения их культуры с тем, чтобы сделать лучше нашу собственную.

Я подготовил...

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: Отчет составил, в общей сложности, пятьсот страниц и подробно описал местоположение каждого живого (или мертвого) обитателя Лонна. 22 августа он был прочитан членам Научного Фонда Уэстона».

Чарльз Уэстон, человек в строгом костюме, с почти совершенно лысой головой, сияющей в свете ламп над длинным столом, откашлялся.

— Джентльмены, — обратился он к людям, сидящим по обе стороны стола, — вы все прослушали отчет Джона Грейнджера. Можно мне, как основателю Фонда, сказать несколько слов?

Судя по выражению его лица, он был уверен, что никто не станет возражать. Никто и не пытался.

— В настоящее время Грейнджер болен. Он не смог присутствовать на совещании, и отчет был зачитан секретарем Фонда. Это очень интересный отчет, хотя и весьма сумбурный...

Несколько человек тихонько хихикнули.

— Как я уже сказал, Грейнджер болен. Его ум уже не столь ясен, как был, когда несколько лет назад он присоединился к нашему Фонду.

Значение его слов было ясным. Некоторые члены фонда обменялись усмешками. Другие, друзья Грейнджера, выглядели невеселыми.

— Грейнджер пишет, что мы сможем воспользоваться культурным наследием Лонна, если каким-то неясным и явно дорогостоящим способом сумеем вернуть к жизни расу мертвых людей, хотя мы даже не уверены, что они существуют. Фонд Уэстона тратит деньги только на здравомыслящие исследования, которые могут в результате улучшить жизнь американцам. Поэтому я буду голосовать против всего, что выглядит таким же неопределенным, как предложение Грейнджера. Я не хочу тратить миллионы на ловлю синиц в небе, особенно если они существуют лишь в воображении Грейнджера.

Он тяжело опустился в кресло, зажег сигарету и стал ждать ответных реплик. На дальнем конце стола встал высокий, весьма изможденный человек. Уэстон кивнул ему.

— У вас есть что сказать, Джордон?

Филип Джордон улыбнулся. При этом он стал похож на высохшую голову, кости уродливого лица которой покрывает лишь натянутая кожа.

— Я согласен с вами, Уэстон, — сказал он. — Но я хочу пойти дальше. Грейнджер выбит из седла. Он стал слишком старым и мечтательным. Он недостаточно агрессивен для нашего Фонда. Я хочу, чтобы собравшиеся здесь попросили его выйти из Фонда навсегда.

В комнате возникло движение, когда все начали перешептываться между собой. Потом кто-то сказал, не вставая:

— Потому что Грейнджер положил конец вашему промыслу в Фицрое, а, Филип?

Филип Джордан побагровел.

Уэстон поднялся на ноги и стукнул кулаком по столу.

— Минутку, — прогремел он. — Филип занимает в Фонде хорошее положение. Было уже доказано, что он никак не связан с «Сульфаной Инкорпорейтед». Почему же некоторые до сих пор упорно...

Вскочил человек, бросивший вызов Джордону. Его звали Уикс, и он был одним из немногих сторонников Грейнджера в этой комнате.

— Потому что, — заявил он, — Джордон замечен в многолетних связях с «Сульфаной». «Сульфана» получает от него поставки где-то неподалеку от Фицроя. Из этого вытекает все остальное. И я докажу это, либо завтра же положу на стол мое заявление об отставке. Доброго вам дня, джентльмены.

Он со скрипом отодвинул кресло и вышел из комнаты.

В комнате наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Уэстона. Мало кто смел так его оскорблять. Он владел и управлял самым обширным научным Фондом в Америке.

— Уэстон владеет мозгами Америки, — таков был не выходящий из моды слоган.

— Может, еще кто желает выйти из этих дверей? — наконец, спросил он.

Никто не шевельнулся. Желающих больше не нашлось.

— Я принимаю ваше предложение, Джордон, — сказал Уэстон. — Грейнджера попросят немедленно уволиться.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЧАЛЬЗА УЭСТОНА, ПРЕЗИДЕНТА ФОНДА, ДАННОГО «NEW YORK CITY-ZEN»:

— Отчет Грейнджера не имеет никакого отношения к Фонду. Мы не собираемся доказывать правоту его слов или отрицать их. Нужны дальнейшие исследования. Лично я могу сказать, что где-то в глубине души сомневаюсь, что в отчете содержится вся правда.

30 августа, «NEW YORK CITY-ZEN»: Джон Грейнджер, человек, посетивший город мертвых, уничтожил прекрасные возможности

сделать дальнейшую карьеру в Исследовательском Фонде Уэстона, внезапно уйдя в отставку без объяснения причин. Считается, что именно заявление главы Фонда Чарльза Уэстона и вызвало неприязненные отношения между этими двумя людьми.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. Несколько лет прошло с тех пор, как Грейнджер оставил общественную деятельность. Тогда, в 2033 году, прошло почти незамеченным его заявление о намерении исследовать Равнину Парна собственными силами. Для этого был создан Научный Фонд Грейнджера и Брендона. Прелюдией к возникновению этой организации может служить письмо от Лестера Р. Брендона из Йельского колледжа:

«Джону Грейнджеру, 14 Ридж-Роуд, Брайтон, Нью-Йорк.
Уважаемый мистер Грейнджер,

Наша прошлая переписка была интересна, но не привела ни к каким результатам. Я с большим интересом изучил нападки Уэстона на вас и согласен, что Филип Джордон принимает активное участие в том, чтобы не дать нам посетить Лонн. Джордон в недавнем прошлом открыто занимался бизнесом с «Сульфаной Инкорпорейтед». Я готов присягнуть, что продукты «Сульфаны» невозможно производить искусственно. В них были найдены неизвестные нам химические компоненты. Но их препараты работают даже в тех случаях, когда медики считают невозможным произвести лечение, «Сульфана» вылечивает и затягивает любые раны за пару дней. Практически, она вытаскивает человека из могилы, когда традиционная медицина терпит поражение.

Я верю в то, что наша экспедиция в Лонн будет преследовать двойную цель. Я попытаюсь помочь вам оживить эту странную расу, о которой вы пишете. Я также попробую проследить источники «Сульфаны». Организация, владеющая ею, хранит монополию и грабит общество своими людоедскими ценами. Мне бы хотелось сделать так, чтобы «Сульфана» стала доступной всем людям, и одновременно помочь вам спасти жителей Лонна.

Я понимаю, что у вас незавидное общественное положение. Уэстон буквально уничтожил вас. Но для меня это не имеет никакого значения. Я молод и не имею никакой репутации. Эта экспедиция может сделать меня известным. Но, в любом случае, она мне не повредит, потому что вредить нечему.

Сердечно ваш,
Лес Брендон».

И было еще одно письмо от 4 сентября того же года:

«Джону Грейнджеру, 14 Ридж-Роуд, Брайтон, Нью-Йорк.

Дорогой Джон,

Все готово. Я нашел повариху, миссис Дженни Хадсон, которая тверда духом и к тому же прекрасно готовит. Ее муж, которого все зовут Малютка Хадсон, несколько лет работал швейцаром в нашем колледже, будет очень полезен в экспедиции. Он больше шести футов роста и обладает соответствующей силой. Рад был услышать, что ваша жена хочет сопровождать нас. Из вашего описания я понял, что она очень приятный человек, что весьма поможет нам в экспедиции.

Буду ждать вас на Марсе, в Фитрое, в октябре. К тому времени на равнине Парна уже пройдет период жары. В этом месяце я планирую переправить на Марс из Нью-Йорка пустынный вездеход, и проследить, чтобы его благополучно доставили в Фицрой.

Ваш друг, Лес Брендон».

Маленькие искорки вспыхивали в густом шлейфе пыли, поднятой автомобилем, движущимся по равнине Парна. В машине сидели и исходили потом пять человек. Хуже всего приходилось Дженни, жене коротышки Хадсона. Дженни, жирная и потливая, ворчала не переставая с тех пор, как вездеход выехал из Фицроя, последнего марсианского поселка на краю равнины Парна.

Малютка Хадсон к настоящему времени перестал обращать внимание на жену, хотя широкое лицо его побагровело от оскорблений, которыми та осыпала его. Но если Дженни доставала всех своим нытьем, то остальные пассажиры были на удивление спокойны.

Джон Грейнджер улыбаясь, вел машину, крепко держа руль.

— Потерпите еще полчаса, — сказал он. — К тому времени мы будем уже близко от Лонна. А возле гор гораздо прохладнее.

Дженни фыркнула.

— Я уже говорила и повторю снова, Джон Грейнджер. Я не одобряю посещения мертвецов. Это вам не...

Рот Малютки Хадсона медленно распахнулся.

— Эй, Дженни, почему бы тебе не заткнуться. Ты только всех раздражаешь.

Дженни громко щелкнула челюстями.

— Не приказывай мне заткнуться, Малютка Хадсон, — окрысилась она. — Я говорила и буду...

— Потерпите, Дженни, — сказал молодой человек, сидящий сзади за откидным столиком с картами. — Здесь слишком тесно. Потерпите, пока мы не приедем в Лонн. Там мы натянем ринг, и можете проводить там с мужем сколько угодно раундов.

Дженни Хадсон ударила Леса Брендона одним из своих фирменных гневных взглядов, но ничего не сказала. Брендон еще немного

поизучал карты, затем поднял голову.

— Еще минут десять езды, Джон, если мои расчеты верны. Может, дадите мне снова показания приборов?

Джон Грейнджер тут же повернул голову к своей молодой жене Ив с льяными волосами, сидящей возле него.

— Ив, дай нашему великолепному помощнику все необходимые данные.

Ив Грейнджер рассмеялась.

— А вы будете продолжать молчать, выдающийся ученый Брендон? — обратилась она к молодому человеку за столиком с картами. — Расслабьтесь, не будьте таким чертовски формальным хотя бы здесь, в пустыне.

Брендон робко улыбнулся и снова уткнулся в карты. Ив Грейнджер, так и не дождавшись ответа, стала зачитывать показания приборов на пульте управления.

— Скорость — 450 миль в час, дорога из Фицроя — 5 часов и примерно двадцать минут...

— Все ясно, — сказал Брендон. — Спасибо, миссис Грейнджер.

Она повернулась на своем месте и сказала с улыбкой:

— Для друзей просто Ив.

Брендон попытался улыбнуться, но покраснел и вернулся к своему занятию.

ЖАРА УСИЛИВАЛАСЬ. Обтекаемый, приземистый вездеход мчался вперед, покачиваясь на резиновых шинах, а иногда совершая прыжки по пятнадцать-двадцать ярдов.

В кабине не чувствовалось вибрации и толчков из-за тройных амортизаторов. Машина являлась передвижной крепостью, нагруженной научными приборами, запасами продовольствия и легким оружием. И там еще оставалось место для пяти пассажиров, официально занесенных в регистрационный журнал Фицроя, как Исследовательский Отряд Грейнджера.

И вдруг впереди из фиолетовых теней горы Спаун внезапно возник город. Казалось, он соткался из туманной дымки послеполуденной жары. Люди в вездеходе притихли. Лес Брендон оторвал глаза от карт и уставился вперед, мимо золотистой головы Ир Грейнджер, на город. Дженни прекратила ссориться с мужем, а Джон Грейнджер просто плотнее ухватился за руль и вдавил в пол педаль акселератора, выжимая все из реактивных двигателей.

Это был Лонн, Город Мертвых.

Это был центр развитой цивилизации в пустыне, где, как считалось, никогда не селились люди. Пустыня кончилась сразу, словно обрубленная, и в небо вознеслись прекрасные башни Лонна. Они были тонкими, цилиндрическими, словно вырезанными из самого

изящного хрустала, но одновременно казалось, что они никогда не упадут. Лон был выстроен по окружности у края горы Спаун, на краю равнины Парна, словно громадный, но все же изящный драгоценный камень, прекрасный, как алмаз, лежащий в пыли и мрачных тенях.

Джон Грейнджер первым заговорил.

— Я все же вернулся в Лонн, — тихо сказал он. — Десять лет назад я сказал, что вернусь сюда. Я обещал это принцу. А интересно, сколько здесь прошло времени, и идет ли оно здесь вообще?

Он женился на Ив, которая была моложе его на десять лет, когда вернулся из первой экспедиции в Лонн. Брендон тогда еще учился в средней школе, а с Малюткой Хадсоном и его женой Грейнджер был вообще не знаком. Малютка Хадсон был взят в экспедицию из-за своей силы, а Дженни — потому что хорошо готовила, а без поварахи никакая экспедиция не тронется в путь.

— Джон, — в голосе Ив Грейнджер проскальзывали нотки страха, — все эти башни и более низкие, но такие же прекрасные здания... Они все полны мертвецов?

Грейнджер кивнул.

— Мертвецов? По нашим представлениям, да. Они тверды, точно мрамор. Но интересно, мертвы ли они на самом деле?

— Будем надеяться, что нет, профессор, — внезапно сказал Брендон, и голос его, холодный и деловитый, нарушил таинственную атмосферу вокруг. — Будем также надеяться, что им помогут инъекции *мельформа*.

Глаза его ярко горели, но голос, которого явно не впечатлило прекрасное зрелище города, звучал механически, как у студента, рассказывающего заученный урок. В Брендоне нет ни капли романтизма, подумала Ив Грейнджер, и почему-то это ее возмутило. Брендон играл неподходящую роль в этом мире грез. Брендон... н-ну... он был слишком приземлен. Ив вздрогнула, почувствовав, как странные тени и фиолетовая дымка трогают ее до глубины души. Город был потрясающим местом. Страной снов и смерти.

— Думаю, не стоит идти в город на ночь глядя, — сказал Брендон, и его слова, точные и профессиональные, вновь показались Ив неуместными.

Джон Грейнджер согласно кивнул.

— Воспоминания торопят меня, побуждают пойти немедленно и вновь посетить дворец, — сказал он, — но я понимаю, что вы правы. Если здесь что-нибудь изменилось, то это может быть не безопасно. Мы раскинем лагерь рядом со стенами и пойдем, когда рассветет.

ИВ ГРЕЙНДЖЕР быстро повернулась, разочарование омрачило ее личико.

– Лес, – сказала она Брендону, – вы в своем репертуаре. Весь практичный, весь скованный правилами. Как вы можете сопротивляться желанию осмотреть эти прекрасные башни? Я не могу поверить, что вам не хотелось бы своими глазами увидеть то, о чем все эти годы рассказывал Джон. Почему бы вам не оторвать нос от карт и хоть на немного стать человеком?

Малютка Хадсон что-то невнятно проворчал, и это было его единственным выражением протеста. Он не осмеливался говорить вслух из-за Дженни, но был согласен с Брендonom. Ив Грейнджер все время подтрунивала над Брендonom, но Брендон был всегда прав. Он ворвался в науку, как метеор, и был вечно невозмутим. Достаточно невозмутим, подумал Малютка Хадсон. Так почему бы дамочке Грейнджер не держать рот на замке?

– Простите миссис Грейнджер, – сказал Брендон, – но ваш муж упоминал, что здесь живут люди-насекомые, которые причинили ему достаточно много неприятностей во время предыдущей экспедиции. И на вашем месте, я бы не позволял чарам города позволить захватить вас врасплох, пока мы будем здесь. Мне кажется, нужно соблюдать осторожность.

Девушка отвернулась, лицо ее слегка зарумянилось, пока она смотрела на город.

Брендон с минуту изучал ее затылок, затем повернулся к своим бумагам. Вездеход остановился. Джон Грейнджер устало поднялся с водительского кресла.

– Начинайте с Малюткой разбивать лагерь, – сказал он Брендону. – А мы с Ив прогуляемся к Лонну и оглядимся. А то Ив немного разволновалась.

– Я бы вам не советовал... – начал было Брендон.

– А мы не просили вашего совета, – отрезала Ив Грейнджер и спустилась вслед за мужем по лесенке из вездехода на песок. – Ставьте палатки, Лес. Это в вашем стиле. Только убедитесь, что хорошо натянули противомоскитную сетку, чтобы в палатку не вполз маленький зеленый человечек и не укусил вас за ногу.

Все подождали, пока Джон Хадсон с женой не отойдут подальше. Затем Малютка Хадсон, громыхая сапогами, спустился по лесенке и открыл багажное отделение вездехода. Он уже доставал силиконовые палатки, когда из вездехода вылез Брендон и поглядел вслед Джону и Ив Грейнджерам, казавшимся уже лишь пятнышками на горизонте.

– Не принимайте близко к сердцу, – в голосе Малютки Хадсона звучало отвлечение. – Она может запудрить мозги кому угодно. А вы хорошо держитесь, мистер Брендон. И все, что вы сказали, верно.

Брендон рассеянно обернулся и протянул ему колышки для палаток.

— А я вот в этом не уверен, — тихо сказал он. — Знаете ли, у миссис Грейнджер тонкая душа, и я восхищаюсь ею.

— Черт побери, — воскликнул Хадсон. — Черт побери! Вы можете совершить ужасную ошибку, которую уже не исправить.

— А ты, как всегда, не очень-то учтиво отзываешься о женщинах! — Дженни неслышно подошла к ним, и Хадсон пригнулся при звуках ее голоса. — Хватит чесать языком, лучше найди мне походную кухню. А то трепатней-то никого не накормишь.

Малютка Хадсон подмигнул Брендону.

— Понимаете, что я имел в виду, — сказал он, понизив голос. — Женщины — ужасные создания.

— Что-что? — тут же насторожила уши Дженни Хадсон.

Малютка достал из багажного отделения походную кухню и повернулся к ней.

— Я сказал, что без женщин нам никак, — заявил он ей. — Послушай, Дженни, а ты приготовишь нам сегодня такой же ужин, как перед отъездом из Фицроя? Я такую вкусятину еще не ел.

Дженни фыркнула.

— Опять ты дурачишься, Малютка, — сказала она, но было видно, что ей приятно. — Лучше сходи и убедись, что с профессором все...

БОММММ!

ЧИСТЫЙ, ГЛОБОКИЙ звук гонга заставил ее замолчать. Все трое резко обернулись к еще видневшемуся в наступающих сумерках Лонну.

— Какого черта это было? — спросил Малютка.

— Какой-то мертвяк пришел в себя, — испуганно воскликнула Дженни. — Я так и знала, что нам не нужно...

БОММММ!

Гонг прозвучал снова, чуть дрожащий в разреженном воздухе звук.

Брендон бросил рулон палатки, который начал было разматывать.

— Доставайте пистолеты, — закричал он. — А я побегу к профессору. Хадсон, со мной. Дженни, останетесь здесь и будьте готовы открыть огонь.

Брендон говорил торопливо и отрывисто, но страха в его голосе не было. Ничего не ответив, Дженни и Малютка Хадсон бросились к багажному отделению. Хадсон достал оттуда два маленьких пистолета. Брендона он догнал, когда тот уже бежал по песку.

— Как вы думаете, что происходит? — отпыхиваясь, спросил Хадсон.

Он бежал, стараясь не отставать от Брендона, который неся стремительно, длинными скользящими шагами.

— Зеленые человечки, о которых рассказывал Грейнджер, — бросил

Брендон на бегу. — Дженни ошиблась. Это не мертвецы. Мертвые нам не повредят. Опасаться нужно живых.

Они добежали до Лонна. Брендон знал, куда идти, поскольку хорошо помнил подробные рассказы Грейнджера. Их окружали невысокие, прекрасные здания. Пустые дверные проемы, пустынные улицы, и тишина, как в могиле.

— Откуда шел звон гонга? — крикнул Хадсон.

Вдали от Дженни он набрался храбрости говорить громко.

— Мне кажется, из дворца, — ответил Брендон. — Джон и миссис Грейнджер наверняка отправились туда, несмотря на мои предостережения. Очевидно, они встретили людей-насекомых. Одному лишь Богу известно...

Он замолчал, чтобы окончательно не сбить дыхание. Город был прекрасен, но теперь у него не было времени рассматривать достопримечательности. Он лишь знал, что гонг прогудел дважды и затем смолк. И теперь они с Малюткой Хадсоном должны спасти своих друзей от смерти...

Он уже слышал об этом гонге.

— Если посетитель войдет в Лонн и не может вернуться, всегда звучит гонг, — рассказывал ему несколько лет назад Джон Грейнджер. — Когда прозвучит гонг, остается лишь пойти искать тело. Лонн — прекрасное место, но всех в нем преследует мрачная тень смерти.

Черт побери Ив Грейнджер, подумал Брендон. Если ее желание поскорее увидеть Лонн приведет к гибели ее мужа, то вся экспедиция окажется бесполезной. Женщины, по мнению Брендона, были красивыми, но совершенно безмозглыми дурами.

ДВОРЕЦ РАСПОЛАГАЛСЯ почти на самом краю города. Брендон представлял его так ясно, словно бывал здесь сотни раз. И увидев его, он вспомнил описание Грейнджера, в котором не нужно было менять ни слова. Он побежал по широкой мраморной лестнице и слышал, как позади топает Хадсон.

— Невозможно описать красоту и единство стиля дворца, — рассказывал Грейнджер. — С его многочисленных террас поднимаются хрустальные шпили. Они тянутся так высоко, что возникает страх, что они могут проткнуть небо. Террасы пустынные, но полны мерцания миллионов драгоценных камней, которыми инкрустированы стены и потолки. Дворец Лонна — самое прекрасное место в мире.

Так рассказывал Грейнджер, но когда Брендон вбежал на первую террасу, она показалась ему не прекрасной, а холодной и полной смерти, точно морг.

Брендон почти не обратил внимания на двух застывших стражников в синем, стоявших по обе стороны двери, а сразу бросился ее

открывать. За дверью был длинный, увешанный гобеленами вестибюль, а за ним виднелся тронный зал.

И тут же Брендон вспомнил о людях-насекомых из рассказов Грейнджера.

Он продолжал бежать, держа пистолет в одной руке, а мощную винтовку-огнемет в другой. Он слышал, как позади него выругался Хадсон.

У входа в тронный зал Брендон резко остановился, широко раскрыв от изумления глаза.

Громадное помещение, хрустальный потолок, бледным светом мерцающий в вышине. Посредине сидел на большом троне мертвый принц Лонна, блондин в богатом темно-красном одеянии, ясными глазами взирающий на толпу у подножия трона. Устремленные в бесконечность глаза были безжизненны.

У подножия же трона были Джон и Ив Грейнджеры, связанные по рукам и ногам собственной одеждой.

А вокруг них, словно рой громадным муравьев, вились люди-насекомые Лонна. Брендон увидел эту сцену лишь мельком, но детали ее были столь ужасны, что навечно врезались в память.

Люди-насекомые были фута в три высотой, а их лица, желтые, с крючковатыми носами, казались странно человеческими. Но на этом сходство с людьми заканчивалось. Их тела были тошнотворно зелеными, а руки были соединены и свисали, как клешни омара. Тела были толстыми, пухлыми, покоящимися на четырех задних ногах, дергающиеся движения которых позволяли им бегать с огромной скоростью. Пол был покрыт зеленой слизью, которая вытекала из них, пока они бегали тут.

Брендон увидел, как двое людей-насекомых рванулись вперед и схватили Грейнджера своими странными руками. И он принялся стрелять по ним из пистолета.

Должно быть, внезапность нападения застала людей-насекомых врасплох и заставила удирать.

Брендон забыл о всяческой осторожности. Он двинулся вперед, не прекращая стрелять. Он увидел, как трое существ попытались утащить Грейнджера и застрелил их, рискуя попасть в друга. В зале воцарилась тишина. Парочка умирающих людей-насекомых попыталась подняться, но они тут же снова упали и перевернулись на спины, дергая в воздухе ужасными конечностями.

Брендон бросился к Грейнджеру и принялся развязывать стянувшие его путы.

– Слава богу, – услышал он слабое бормотание Грейнджера.

Лицо Ив было белым, как мел, и, когда Брендон помог ей встать на ноги, она бросилась и крепко обняла, прямо-таки вцепилась в него.

– Все будет в порядке, – смущенно сказал Брендон.

В ответ Ив разрыдалась в истерике. И тут к ней подошел муж.

— Нужно убираться отсюда, прежде чем они вернутся, — сказал он, и все, шатаясь, пошли к дверям. Малютка Хадсон шел последним, громко ругая мертвых и оставив позади себя умирающих. Тронный зал был теперь похож на бойню. Спеша за своими друзьями, Брендон лишь бросил мимолетный взгляд на мертвого принца.

Принц был такой же, как и когда Брендон впервые увидел его, в безмятежном спокойствии смерти.

На обратном пути в лагерь Брендон шел впереди всех. Ив Грейнджер была еще слишком напугана, чтобы говорить. Брендон знал, что чувствовали она и ее муж. Они пошли в город вопреки здравому смыслу, и то, что остались в живых, было лишь чистой случайностью, нежели чьей-либо заслугой.

— Во всем виноват я, — сказал Грейнджер, когда они уже были под защитой костра и тяжелой пушки, установленной в вездеходе. — Мы с Ив поступили глупо. Мы слишком далеко зашли в город. Они напали на нас на улице и унесли во дворец. Признайся же, наконец, Ив, что Лес вовсе не слабак. Фактически, он спас нам жизнь.

Ив Грейнджер ничего не ответила. Она отвернулась и стала глядеть на город.

Грейнджер заколебался, смущенный ее поведением, затем откашлялся и продолжал:

— Хорошая работа, Брендон. Люди-насекомые знают, зачем я вернулся, и догадываются, зачем. Поэтому они враждебно относятся ко мне, хотя я не причинил вред никому из них. Но с этого времени мы станем сражаться с ними на смерть.

Обед был съеден и костер погас. Дженни Хадсон была довольна собой за то, что приготовила вкусную еду, а Малютка уснул возле вездехода.

Еще долго после того, как остальные улеглись, Брендон стоял и глядел на странный город Лонн. Что-то шевелилось внутри него, но он не мог понять, что. Почему Ив не хочет с ним дружить? Для него никогда не имело особого значения, что говорит или думает любая женщина. Но все же нынче вечером он был обеспокоен ее отношением. Он решил, что она всего лишь обычная представительница своего неблагодарного пола и не следует обращать внимания на ее слова. Однако, он все равно разволновался и долго не мог уснуть, когда растянул сетку вокруг своей раскладушки и лег отдыхать. Он не мог выбросить из головы ее предупреждение: «Только обязательно натяните сетку от насекомых...»

Он выругался шепотом и повернулся на спину, уставившись в странное, безоблачное небо.

Все же Ив Грейнджер достала меня, подумал он.

— Мы должны ехать в город на вездеходе, — спокойно сказал Джон Грейнджер. — Я предлагаю, чтобы один человек постоянно оставался в машине и патрулировал улицы, пока мы будем внутри зданий. Таким образом, люди-насекомые не смогут напасть на нас неожиданно.

Маленький отряд поднялся рано на рассвете, лагерь был разобран и сложен в вездеход. Все были готовы к первому официальному визиту в Лонн.

— Хороший план, — кивнул Брендон. — После прошлой ночи мы станем сталкиваться с опасностью на каждом углу.

Ив Грейнджер, молчавшая до сих пор, произнесла слегка саркастически:

— Вероятно, вы и останетесь в вездеходе, мистер Брендон. Ведь на улице может быть немного опасно.

— Ив, — резко прервал ее Грейнджер, — раз ты не можешь нынче утром быть вежливой, то, наверное, тебя стоит держать подальше от остальных. Так что в машине останешься ты.

Лицо девушки покраснело, но она ничего не ответила, а поспешно полезла в вездеход и устроилась на месте навигатора у столика с картами. Пять минут спустя они уже въехали в Лонн.

При ярком свете дня город казался еще красивее, чем прежде. Целый час они ездили по широким улицам, по мостам через сверкающие лагуны и пандусы башен, расположенных высоко над землей.

Наконец, Грейнджер попросил, чтобы вездеход остановился перед небольшим зданием, построенным из разноцветных кирпичей.

— Вот здесь, — торжественно сказал он, — мы увидим, какой разрушительный эффект оказала Сила на жителей Лонна.

Они давно уже стали называть это Силой, хотя никто не знал, что произошло с обитателями Лонна. Они застыли, хотя жизнь вокруг продолжалась в обычном темпе. Сила внезапно остановила всех, словно часы, которые не смогли больше тикать.

Они, не торопясь, вышли из вездехода. Брендон все думал о прекрасном принце Лонна, которого видел вчера вечером. Юноша неподвижно застыл на троне и невидящими мертвыми глазами смотрел вдаль над головами зеленых людей-насекомых.

Джон Грейнджер взял инициативу в свои руки и открыл дверь в здание. Все вошли внутрь: Дженни Хадсон и ее муж Малютка Хадсон, Джон Грейнджер и Брендон. Долгое время никто не мог ничего произнести. Затем Дженни сказала почти беззвучным голосом:

— Да их здесь десятки. Все хорошо выглядят, но такие же мертвые, как сельди в бочке.

— Мертвые? — вздохнул Грейнджер. — Мы надеемся, что нет. Возможно...

Помещение было похоже на храм, украшенное громадными прекрасными фресками. Свет, льющийся в окна из тонкого хрусталя,

падал на ряды застывших, но все же преисполненных разума лиц. Похоже на зал в музее восковых фигур, подумал Брендон. Чудесное, но застывшее подобие жизни.

Он отвернулся и поискал взглядом Ив Грейнджер, оставшуюся на улице в вездеходе. Она сидела там и недовольно хмурилась. Брендон резко закрыл дверь.

Услышав хлопок двери за спиной, Грейнджер сказал:

– И так по всему городу. Парикмахеры, актеры на сцене, мастера за работой, люди купающиеся, читающие или просто находящиеся в своих домах. Сила поразила их всех, и богатых, и бедняков. И, таким образом, сохранила навек.

ДЕЛО ШЛО опять к ночи, и все это видели. Все, кроме Джона Грейнджера, которому пришлось прождать целых десять лет, прежде чем он сумел вернуться сюда.

Вездеход остановился в огромном парке.

– Здесь будет безопасно, – сказал Грейнджер. – Лагуна даст нам воду. Территория просматривается на сто ярдов вокруг. Люди-насекомые не смогут подкрасться незамеченными.

Через час они закончили ставить лагерь.

После этого Брендон решил прогуляться, осторожно, не выходя из радиуса поражения тяжелой пушки, за которой сидел на посту Малютка Хадсон. Ив Грейнджер была занята с Дженни Хадсон. Они вместе готовили обед. Джон Грейнджер уткнулся в карты города, где каждый человек в Лонне был обозначен на рулоне карты маленьким значком V.

План прост, думал Брендон. Он приготовил семь различных сывороток, и они надеялись, что хоть одна из них сработает, и они сумеют воскресить если не всех жителей города, то хотя бы часть их. Потом Грейнджер не успокоился бы, пока с карты не было стерто последнее V. После чего потребуются месяцы, а может, и годы исследований. Основной план был в том, чтобы перенять у этих людей все достижения их культуры, которые будут неоценимыми на Земле.

Брендон не сомневался, что здесь они встретились с развитой цивилизацией.

Но что вызвало их гибель?

Кроме того, Брендон не мог выкинуть из памяти строгое, захватывающее лицо Филипа Джордона, человека, который до последнего боролся с их планами. Из Фицроя гигантские грузовозы увозили на Землю ценную «Сульфану». И никто не знал, откуда она берется. А может, из Лонна?

У Брендона мелькнула мысль, что последнее время они ничего не слышали о Джордоне. Джордон был упертым человеком, и если они случайно близко подобрались к источнику «Сульфаны», то Джордон

непременно будет защищать свои интересы.

Тайну «Сульфаны» знают мертвые люди Лонна? Возможно. Время покажет. Если так, то Джордон, очевидно, нашел ее случайно. Лонн мертв уже много столетий. Никто не знает точно, сколько. Брендон пожал плечами. С этим можно будет разобраться позже. Джордон пока что оставил их в покое, а им предстоит другая работа. Сначала нужно помочь Грейнджеру. Помочь ему вернуть свое положение в обществе и в Фонде Уэстона. Для Грейнджера это значило больше, чем тайна «Сульфаны». Наверное, даже больше, чем жизнь, потому что Грейнджер был уже не молодым.

Воспоминание о возрасте Грейнджера свернуло мысли Брендона в другое русло. Ив, жена Грейнджера, была молодой эгоисткой. Грейнджер не должен был жениться на ней. Он, Брендон, сразу же понял Ив. Она не подходила ему, и была не парой никому из них.

За парком высокие черные скалы горы Спаун подходили вплотную к городу. Казалось, утесы надвигались на него, словно тени. Брендон застегнул куртку и пошел обратно к лагерю. Дженни Хадсон как раз разливала по тарелкам черепашьей суп, и на какое-то время он забыл о тянущихся к ним тенях горы.

— МОГУ ЧЕМ УГОДНО поклясться, что в шесть утра она еще крепко спала, — утверждала Дженни Хадсон. — Малютка, бедняга, невыносимо храпит. Я не привыкла спать с ним в одной комнате. В шесть он разбудил меня храпом, и я посмотрела сквозь занавеску на миссис Грейнджер. Она крепко спала.

Джон Грейнджер вернулся, поискав у лагуны. На лице его было написано беспокойство, и ему с трудом удавалось сдерживаться, чтобы не повышать голос.

— Боюсь, Брендон, что это я виноват в исчезновении Ив, — сказал он. — Я резко поговорил с ней прошлой ночью. Она не приучена в такому обращению. Всю жизнь она прожила в безопасности в Брайтоне. Она мне слишком нужна, чтобы расстаться с ней на несколько недель. Она, в общем-то, не плохая девочка.

Малютка взял запасной пулемет и повернулся к пустыне.

— Мне кажется, вам лучше остаться с Дженни, — бросил он через плечо. — Я попробую обыскать примыкающие к дворцу улицы.

Было восемь часов утра. Дженни хотела разбудить Ив Грейнджер в семь. Тогда и начались поиски. Лес Брендон потерял свою сумку, в которой хранил шприцы для инъекций.

У него были свои мысли по поводу исчезновения Ив, но в настоящий момент он решил никому о них не рассказывать.

— Не стоит мне сидеть здесь без дела, — сказал Грейнджер. — Но Дженни, наверное, нуждается в нас.

— Дженни Хадсон сама может позаботиться о себе, — упрямо зая-

вила толстуха Дженни. — Я сяду за пушку, и если появятся эти зеленые черти, я отправлю их обратно в ад.

Грейнджер умоляюще посмотрел на Брендона.

Брендон кивнул.

— Думаю, Дженни права, — сказал он.

И они пошли ко дворцу.

Не сразу, но Брендон заметил, что, находясь в Лонне, у человека постепенно начинают бегать по коже мурашки. Странная тишина здешних мест навевала тревогу. Лонн был большим городом в отличном состоянии, но не слышалось в нем ни звука, не было ни движения. За каждой дверью здесь стояли или сидели, занимаясь своими делами, мертвые люди, и это могло вселить ужас в сердце любого. Люди находились здесь, возможно, десятки столетий, но их тела, неподвижные и безжизненные, были в отличном состоянии. В городе словно остановилось само время.

Они дошли до дворца и прошли по длинному вестибюлю к тронному залу.

Обнаружив исчезновение шприцов, Брендон предположил, что Ив Грейнджер, возможно, решила отомстить им в своей манере.

Но когда они вошли в тронный зал, то увидели, что мертвый принц по-прежнему сидит на троне. Никого здесь не было и ничто не было тронuto.

Брендон оказался не прав. Думая об Ив, он решил, что принц будет первым человеком, которого она попытается вернуть к жизни. Этим она доказала бы всем, что она не такая уж беспомощная и вполне может стать полноправным членом экспедиции.

Грейнджер наблюдал, как Брендон медленно обошел трон, и любопытство заставило его задать вопрос.

— Вы думали, что Ив придет сюда? — спросил он.

Брендон кивнул.

— У меня исчезли шприцы, — сказал он. — Я не стал этого говорить.

Грейнджер задумался, затем кивнул.

— Это вполне в духе Ив. Она всегда была упрямой и вполне могла бы решить украсть у нас часть славы.

— Очевидно, это не так, — возразил Брендон.

Внезапно он повернулся к внешним дверям. Во дворце стояла тишина. Наковрепообеим сторонамдверивиднелиськакие-тоследы.

Брендон шагнул было к дверям, но тут же остановился. Что-то здесь было не так, что-то, чего он никак не мог уловить.

Неподвижно стоя посреди зала, он разглядывал ковер и висящие на стенах картины, и тут до него дошло.

— Синие стражники, — сказал он.

Глаза Джона Грейнджера расширились от изумления.

— Какие стражники?

Брендон побежал к двери.

— Синие стражники, — повторил он. — Помните, вчера тут было два стражника, стоявших по обе стороны двери. Высокие люди, одетые в синие...

Теперь они исчезли. Брендон увидел слабые отпечатки в пыли, где они стояли, но стражников не было. Он уставился на Грейнджера.

— Может, это сделала Ив?

Лицо Грейнджера побагровело от гнева.

— Жители Лонна пробыли здесь много столетий, — сказал он.

— Но люди-насекомые не трогали их, — возразил Брендон. — Так что выводы сделайте сами.

БРЕНДОН бежал к вездеходу, где сидела на страже Дженни Хадсон.

— Если у Ив получилось с инъекциями, — кричал он на бегу, — тогда ей потребуются больше выворотки. Я даже не надеялся на такой быстрый успех. Наверное, она скоро вернется сюда.

Грейнджер бежал за ним, тяжело дыша.

— Чтобы посмеяться над нами, — с трудом произнес он. — Да, об этом бы Ив подумала в первую очередь.

В лагере они остановились. Дженни Хадсон, развернув к ним ствол пушки, ждала, пока они приблизятся. Как только они оказались на расстоянии слышимости, Брендон крикнул:

— Ив вернулась?

Дженни покачала головой.

— Минут десять назад вернулся Малютка, — сказала она. — Он встретился с какими-то людьми в синих одеждах и отогнал их выстрелами. Сейчас он отправился ко дворцу вам навстречу. Я сказала ему, что вы пошли именно туда.

Брендон тихонько выругался.

— Если я найду эту женщину... — угрожающе прошептал он.

Джон Грейнджер тяжело опустился на траву и положил рядом пистолет.

— Я сам выбью из нее дурь, — сказал он. — Даже не знаю, что я с ней сделаю... если только мы найдем ее живой.

Что-то взорвалась далеко на улице, в том направлении, откуда они прибежали. Над крышами зданий взметнулась странная многоцветная радуга. Но тут же она исчезла, и Лонн снова затих.

— Малютка что-то нашел! — взволнованно закричала Дженни. — Он взял с собой сигнальную лампу. Сказал, что использует ее, если придется туго.

Брендон одним прыжком оказался в вездеходе. Грейнджер чуть задержался. Не успел Грейнджер захлопнуть дверцу, как Брендон включил реактивные двигатели. Вездеход взмыл над мягкой землей парка и рванул по улицам. Они помчались к тому месту, где ви-

дели вспышку.

– Приготовьте оружие, Дженни, – крикнул Брендон через люк в оружейный отсек. – Вероятно, вам предстоит пострелять, пока мы пробьемся к Хадсону.

Он услышал смешок Дженни в ответ и понял, что она будет готова. Джон Грейнджер стал заряжать винтовки.

ИВ ГРЕЙНДЖЕР тихонько поднялась с раскладушки и на цыпочках прокралась через крошечную комнатку Дженни Хадсон в лабораторию Брендона. Там она почти сразу же увидела сумку со шприцами, открыла ее, чтобы удостовериться, что шприцы на месте, и резко закрыла.

Держа ее в руках, она выскользнула из вездехода. Кругом было тихо. В Лонне этим ранним утром стояла такая тишина, что она даже испугалась.

Задание ее было простым.

– Веди себя как обычно, пока вы не доберетесь до Лонна, – сказал ей Филипп Джордон в последний вечер на Земле. – Потом укради инъекции Брендона – он заправит ими заранее шприцы, и найди меня во дворце. – Затем, наклонившись и обхватив ее одной рукой за талию, он добавил: – Не бойся, любимая. Твой муж ничего не сумеет тебе сделать. Я буду ждать тебя в нижнем зале дворца. Там ты увидишь людей-насекомых, но не бойся их, они мои друзья. Они проводят тебя ко мне.

Она знала, что Филипп следует за ними из Фицроя. Он оставил для нее записку, хитро спрятав ее в косметичку, когда она оставила ее на столе в его комнате.

«Держись, любимая. Еще несколько дней, и мы будем вместе».

Ив Грейнджер любила Филиппа Джордона. Любила его, потому что он был силен, некрасив, но полон расчетливой храбрости и вообще ничего не боялся. Она лишь разок оглянулась на вездеход, когда уходила из парка.

Джон Грейнджер? Да, когда-то он ей нравился. Но он относился к ней, скорее, как к дочери. И только оказавшись в сильных объятиях Джордона, она поняла, что такое настоящая любовь. Джордон не был красив, как Брендон, или добр, как Грейнджер. Он был бесстрашным авантюристом, не верящим ничему, но очень влиятельным. Филипп Джордон был богом самому себе.

Она быстро шла, почти бежала к дворцу. Она проклинала Брендона за то, что он вмешался вчера вечером. Если бы не Брендон, она бы встретилась с Джордоном еще вчера.

Во дворце, не останавливаясь, она прошла в тронный зал. Ее шаги громко стучали по каменному полу и, как и вчера вечером, выманили из укрытий зеленых людей-насекомых.

Ив почувствовала, как внутри что-то сжалось в тугой комок. Она замерла на месте, а люди-насекомые подползли, окружили ее, хотя и не осмеливались прикоснуться к ее телу.

– Филипп, – позвала она, и крик ее эхом прокатился по залу.
– Филипп!

– Иди сюда... не бойся, – раздалось в ответ.

Страх исчез, смытый из ее души теплой волной.

Джордон вышел из-за трона к ней навстречу, обвинил руками ее талию, и они обнялись, как и несколько недель назад, когда тайно встречались у него в квартире.

– Ты принесла сумку?

Ив посмотрела на худощавое, выражавшее нетерпение лицо, сжатые губы. Она обожала его силу. Она протянула ему сумку с готовыми шприцами, и он не-терпеливо схватил ее.

– Прекрасно. Нам нужно уходить, но сперва... Иди-ка со мной.

Он стремительно направился к дверям тронного зала. Зеленые люди-насекомые последовали за ними, перекликаясь между собой странными голосами и оставляя на полу дорожки зеленой слизи. Филипп Джордон остановился возле одного из мертвых стражников и поставил сумку на пол.

– Я должен удостовериться, – заявил он. – Я не уверен, что из за-теи Брендона что-либо выйдет. Хотя он умен и, возможно...

Филипп достал из сумки шприц и зажал его длинными, костлявыми пальцами. Прищурив один глаз, он взглянул на прозрачную синюю жидкость в шприце, потом, удовлетворенно кивнув, он под-дернул повыше рукав куртки стражника, прижал иглу к его руке и с силой воткнул ее, а потом нажал на поршень.

Почти не дыша, Ив Грейнджер с восхищением глядела на него.

– Ты думаешь, укол подействует не сразу? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Джордон. – Меня беспокоит Грейнджер. Он ведь последует за нами.

Он не сводил глаз с неподвижной фигуры стражника, но в том не было никаких признаков жизни. Тогда Филипп достал еще один шприц и подошел ко второму стражнику и повторил этот процесс.

Ни один из них не шевельнулся.

Джордон выругался.

– Наверное, в лагере тебя уже потеряли.

– Я сделала все, что ты хотел, – надулась она. – Филипп, тебя больше интересуют эти мертвяки, чем я.

Он холодно взглянул на нее.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты просто несусветная дура?

ИВ ОТШАТНУЛАСЬ, словно ее ударили. Кровь прилила к ее щекам.

– Филипп...

– Думаешь, – сказал он, – ты первая женщина, которая влюбилась в меня? Вовсе нет. Я достаточно оригинален, чтобы оказаться привлекательным для любой шлюшки, которая хочет избавиться от мужа.

Глаза Ив вспыхнули, кулачки сжались.

– Если ты решил...

– Решил, – перебил он ее и, потянувшись, крепко схватил за руку. – Скоро я улечу отсюда и уж позабочусь, чтобы никакая женщина не стала меня преследовать. Ты влюбилась в меня на Земле и сделала все, что я хотел. Теперь у меня шприцы с сывороткой Брендона, а без нее он не сможет вернуть к жизни обитателей Лонна. Тайна «Сульфаны» в безопасности, и моя работа здесь завершена.

Он медленно повернул ее руку, подтягивая к себе.

– А как тебе понравились люди-насекомые, мои маленькие домашние животные?

Тогда Ив Грейнджер закричала. Закричала и обмякла в его руках. Крепко держа ее одной рукой, другой он сбросил колпачок с иглы пустого шприца и наполнил его из бутылочки, которую достал из кармана. Затем он воткнул иглу ей в руку и сделал укол.

Бросив лишенную сознания девушку на пол, он окинул взглядом стражников у дверей. Щеки их начали медленно розоветь.

Увидев это, Джордон усмехнулся.

– А микстурка-то хороша, Брендон, – проворчал он себе под нос. – Я придержу ее у себя, так, на всякий случай.

И скрылся в тени в дальнем конце зала, а люди-насекомые последовали за ним, точно собаки, следующие за своим хозяином.

Девушка на полу не шевелилась.

МАЛЮТКА ХАДСОН бежал изо всех сил. На плече у него была безвольная Ив Грейнджер, позади Брендон увидел орду людей-насекомых.

Глаза Брендона остановились на неподвижной Ив Грейнджер. Он машинально сбросил скорость и затормозил, поджидая Хансона. Рядом закричал Грейнджер:

– Огонь, миссис Хадсон. Бога ради, стреляйте над головой мужа.

– О Боже, мистер Грейнджер, – послышался в ответ голос Дженни. – Я еще не видела ничего...

Остальные ее слова заглушило зловещее шипение вырвавшейся из пушки струи огня. Брендон распахнул дверцу, глядя, как приближаются люди-насекомые. Они мчались по улице, стремясь уйти от струй пламени, выбрасываемых пушкой. Брендон услышал ругань Малютки, когда тот пинками расшвырял полдюжины людей-насекомых. Затем Малютка забросил девушку в вездеход, прыгнул внутрь

сам и захлопнул дверцу. Грейнджер непрерывно стрелял. Пушка Дженни пела песню смерти. Брендон развернул вездеход за сто восемьдесят градусов, и, врубив реактивные двигатели на полную мощность, повел машину к парку.

Но для Ив Грейнджер было слишком поздно. Тело ее уже было таким же твердым, как и у жителей Лонна. Нечего было и думать вернуть ее к жизни, поскольку шприцы с сывороткой так и не нашлись.

Брендон не чувствовал зла к лежащей на полу вездехода девушке. Он знал, что ей самой нужна теперь сыворотка. Тело ее окончательно затвердело, пока ее муж и Малютка Хадсон стояли возле нее на коленях.

— Она такая же, как и все в Лонне, — услышал Брендон шепот Малютки. — Я чувствовал, как она твердеет, пока нес ее.

Брендон услышал, как Грейнджер тихонько заплакал, склонившись над женой. Впервые Брендон увидел, как плачет этот сильный человек, и это его странным образом тронуло.

Домчавшись до парка и подъехав к разбитому в нем лагерю, Брендон остановил вездеход и заглушил двигатели. Это был грустный конец экспедиции. Исследователи вплотную столкнулись с Силой, но у них не было сыворотки, чтобы спасти Лонн.

В ВЕЗДЕХОДЕ все время была тишина. Лес Брендон работал в своей крошечной лаборатории. Джон Грейнджер сидел с книгами и пытался читать, пот катился у него по лбу. Дженни Хадсон дежурила возле койки, на которой лежала Ив Грейнджер, а Малютка Хадсон проводил все время снаружи. Глядя в сторону дворца и что-то бормоча себе под нос. Внезапно Брендон встал и прошел через маленькую дверцу в спальный отсек. Дженни подняла голову.

— Вы что-то нашли?

Брендон покачал головой, встал на колени у койки и взял в обе руки руку Ив Грейнджер.

Рука была холодной и твердой, точно мраморная. В отсек вошел Джон Грейнджер.

— Может, мы все же можем что-то сделать? — спросил он.

— Не знаю, — покачал головой Брендон. — Я нашел след от укола у нее на шее. Малютка говорит, что люди-насекомые куда-то тащили ее, когда он скосил их выстрелами.

— Это значит, что, возможно, они сделали Ив укол.

— Да, — кивнул Брендон. — Можно подумать и так. Зеленые люди видели, как Ив делала уколы стражникам в синем. А потом Малютка стрелял в стражников, подумав, что они хотят напасть на него. Люди-насекомые воспользовались шприцом и сделали Ив укол точно так же, как она делала уколы стражникам. Но вся проблема вот в чем. Ив в коме. Ее тело затвердело. И я не понимаю, почему. Я же

рассчитал формулы и создал по ним сыворотку, чтобы, напротив, размягчить плоть и восстановить жизнь. Об обратном эффекте я и не думал, поэтому не проводил никаких опытов. У меня есть лишь одно возможное объяснение. По крайней мере, в одном шприце сыворотка почему-то изменилась. И она стала убивать вместо того, чтобы возвращать к жизни. И может быть, я сумею воссоздать ее. Но мне все равно нужна сумка со шприцами. Без них мы беспомощны. Кроме того, Ив доказала, что сыворотка работает. Я экономя много времени, если мы найдем пустые шприцы. В них должны были остаться капельки сыворотки.

Какое-то время Джон Грейнджер молчал, затем повернулся и поглядел в неподвижное, белое лицо жены.

— Сердце остановилось, словно она умерла. Не знаю, Брендон. Она украла сыворотку, но все равно, я не могу винить ее.

Брендон покивал.

— Вам стало бы лучше, если бы я сказал, что чувствую то же самое? Грейнджер поднял на него глаза.

— Наверное.

— Послушайте, Джон, — внезапно сказал Брендон, — Ив была упрямая и весьма испорченная девушка. Именно поэтому мне было так чертовски больно, когда она вымещала на мне свое плохое настроение. Я провел много лет за книгами и пробирками. А Ив любила развлечения и приключения. Я не был героем ее романа, поэтому она вымещала на мне свою злость.

— Знаю, — вздохнул Грейнджер.

— Поймите меня, — продолжал Брендон, — мы с Ив никогда не смогли бы ужиться. Но я сделаю все, что могу, чтобы спасти ее. Потом я покину Лонн и оставлю его вам с Ив. Нам с вами не придется ссориться из-за Ив. Что же касается меня, — он пожал плечами, — я... Ну, в общем, я это переживу.

Он резко повернулся и ушел в лабораторию. Дверь закрылась за ним. Долгое время Дженни Хадсон не отрывала смущенного взгляда от неподвижного лица лежащей на койке девушки. Она слышала, как Грейнджер вышел из спального отсека. Дженни всегда утверждала, что она ничуть не сентиментальна. Но все же иногда она украдкой смахивала с глаз слезу. И всегда злилась на себя за подобные чувства.

ВСЕ ТРОЕ мужчин стояли в полутемном тронном зале дворца Лонна.

— Я так и не осмелился исследовать весь дворец, — сказал Грейнджер, — нигде не бывал, кроме этого зала. Именно здесь постоянно прячутся люди-насекомые. Я думаю, у них туннели под всем городом, а дворец они используют в качестве штаб-квартиры.

– Ладно, – сказал Брендон. – Ну... мне кажется, при нынешних обстоятельствах здесь они появятся скорее, чем где-либо еще. Малютка, вы сможете их сдержать?

Хадсон усмехнулся и похлопал по огнеметной винтовке.

– Зовите сюда этих зеленых гоблинов, – сказал он. – Я позабочусь о них.

– Тогда встаньте в дверях, – сказал ему Брендон. – Дайте нам с Грейнджером время во всем разобраться.

Хадсон занял позицию за тяжелой дверью.

Брендон и Грейнджер прошли помещение позади тронного зала и спустились по короткому коридору в нижний зал. Внезапно Брендон остановился и закричал:

– Малютка?

– Я на посту, – ответил Хадсон.

Именно это и было нужно Брендону. Их голоса эхом прокатились по дворцу. Брендон не шевелился. Внезапно из-под пола послышались звуки, словно там бежали гигантские крысы. Затем из тени в дальнем конце зала появилось уродливое желтое лицо. Затем другое. Люди-насекомые, казалось, возникали прямо из пустоты, точно гигантские, отвратительные тараканы, их странные голоса криками наполнили зал.

Брендон побежал в тронный зал. Грейнджер не отставал от него. Выскочив в зал, они метнулись в сторону, уходя из-под угла стрельбы Хадсона. Огнеметная винтовка Хадсона запела свою обычную песнь смерти.

Грейнджер стиснул руку Брендона.

– Быстрее туда, – сказал он.

Насекомые падали вокруг них. Винтовка Хадсона продолжала изрыгать струю огня. И постепенно в зале вновь стало тихо.

Брендон прошел вдоль стены зала в направлении, противоположном тому, откуда появлялись люди-насекомые, и нашел в углу маленькую незапертую дверцу, ведущую вниз. Они с Грейнджером быстро вошли в нее. Хадсон все еще время от времени постреливал. Первая волна людей-насекомых была уничтожена, но за ней могли хлынуть другие.

За дверцей оказалась лестница, ведущая вниз. Они спустились по ней и оказались в неосвещенном помещении под тронным залом. Брендон старался идти как можно тише. Грейнджер не отставал от него.

Пока что они не встретили помех на пути.

Затем они вышли в небольшое помещение, и внезапно их ослепил яркий свет. Свет, идущий сверху по длинной шахте. Брендон остановился, протер руками глаза и постепенно обрел способность видеть.

– О, Господи!

Именно Грейнджер выразил их общее изумление.

Помещение, хотя и небольшое, было украшено богатыми гобеленами и мягкими диванами. Стены и пол покрывали разноцветные плитки.

В самом центре был на постаменте двойной трон. А на троне сидела самая прекрасная девушка, какую когда-либо видел Брендон. Длинные, темно-синие волосы, словно тонкий шелк, обвивали горло и покрывали бледные плечи. На ней было платье из чудесной темно-красной ткани, а губы, покрашенные под цвет одежды, походили на лепестки какого-то экзотического цветка. Она сидела на золотом троне, и любой бы мог понять, кто она такая.

— Принцесса Лонна, — воскликнул Грейнджер. — Я и не думал, что она существует. Я считал, что видел всех в этом странном городе. А она сидит здесь, в этом потайной комнате, и чего-то ждет, как и принц наверху.

Брендон не слушал его. Внезапно он опустился перед ней на колени и поднял пустой шприц со сломанной иглой, полускрытый длинным подолом платья Принцессы.

Мгновение он глядел на него, затем осторожно закатал Принцессе рукав. В правой руке у нее торчала сломанная игла.

Брендон тихонько выругался.

— Неужели эти дьяволы пытались привести ее в сознание?..

Внезапно что-то привлекло его внимание. Брендон снова опустился на пол и пошарил под тронном. Грейнджер услышал его возглас, затем он потянулся и что-то вытащил из-под трона.

Это была потерянная сумка. Дрожащими пальцами Брендон открыл ее и принялся считать. Двух шприцов не хватало. Один использовала Ив, подумал он, игла другого сломалась в руке принцессы. Откуда же взялся третий, тот, которым сделали укол самой Ив? Он взглянул на Грейнджера.

— По крайней мере, теперь у нас есть шанс, — сказал он. — Возможно, мы сумеем спасти Ив.

— Не так быстро, джентльмены, — раздался холодный голос.

СТОЯЩИЙ НА коленях Брендон мгновенно вскочил на ноги и повернулся. Он услышал тяжелое дыхание Грейнджера, а затем увидел высокого, напоминающего труп человека, стоящего у двери и держащего в каждой руке по пистолету зловещего вида.

— Филип Джордон? — изумленно сказал Грейнджер. — Но как?..

— Как такой изнеженный человек, как я, сумел оказаться так далеко от дома? Вы только об этом хотели спросить?

Джордон медленно вошел в помещение, пристально глядя на них каким-то почти сатанинским взглядом.

Грейнджер промолчал.

— Я вам расскажу, — продолжал Джордон, — но, конечно же, вы не хотите стоять здесь все это время. Мой рассказ будет долгим, и, если вы не станете делать глупостей, мы найдем местечко поудобнее, где сможем обсудить наши дела. — Он резко махнул рукой в сторону двери и приподнял в оскале верхнюю губу. — Марш!

Брендон хотел было взять свою сумку.

— Сумку оставьте здесь, — рявкнул Джордон. — Я как раз занимался одним интересным делом, когда вы вошли, и от неожиданности сломал иглу. Но потом я позабочусь об этой красотке. Мне нравятся такие... только живые.

Брендон медленно положил сумку на пол.

— Вы трус, Джордон, — медленно проговорил он. — Сейчас у вас два пистолета, так что сила на вашей стороне. Но если мы когда-нибудь встретимся в другой обстановке...

— Заткнитесь, — рявкнул Джордон. — Вперед!

Он вышел за ними из комнаты в темный коридор.

— Держитесь за стену кончиками пальцев, — сказал он. — Нам предстоит долго идти.

Все трое медленно пошли вдоль стены. Брендон подумал было, что можно попытаться убежать в темноте, но, когда он остановился, Джордон тут же сказал:

— Лучше не останавливаться. У меня прекрасный слух. И я отлично стреляю на звук.

— Подождите, — шепнул Брендону Грейнджер. — Давайте сперва послушаем Джордона. Может быть, позже появится шанс...

Джордон хмыкнул.

— Можете говорить громко, Грейнджер. Я же сказал, что у меня превосходный слух.

Коридор резко кончился.

— Пошарьте по стене и найдите кольцо, — сказал Джордон. — Это дверь. Потяните за кольцо...

Брендон нащупал железное кольцо и потянул его. Открылась большая дверь, за ней оказалось хорошо освещенное помещение примерно в пятьдесят квадратных футов, стены которого были из грубо обработанного камня.

— В дальней стене есть другая дверь, — сказал Джордон. — Там закончится наш путь.

Не спуская с них глаз, он достал ключи, отпер вторую дверь и жестом велел им войти.

ГРЕЙНДЖЕР вошел первым. Глаза его широко распахнулись от изумления, но он промолчал. За ним последовал Брендон. Замыкал шествие Джордон, закрывший за ними дверь.

— Миленький домик среди мертвецов, — сказал Джордон. — Он

мне нравится, поскольку мне приходится ежегодно проводить по несколько недель в этой ужасной дыре.

Помещение было просторным и могло бы служить гостиной любого американского дома. Выкрашенные в сине-голубые тона стены были без окон. В одном углу стоял большой стол. Рядом с ним секретер, стул и маленький столик. Здесь также была стеклянная посуда, кровать, аккуратно застеленная разноцветным одеялом, словом, все, чего мог пожелать человек.

— Как видите, — сказал Джордон, — эта комната рассчитана только на одного. Втроем мы бы здесь не ужились, но какое-то время я смогу потерпеть ваше присутствие. А после я кое-что покажу вам.

Он подошел к столу и сел.

— Вы чувствуете себя очень умным и уверенным в себе, — заметил Брендон. — У вас есть власть, тайна, и вам это нравится.

Джордон усмехнулся.

— Присаживайтесь, — велел он и положил на стол рядом с собой пистолеты. — Поскольку, как вы сказали, мне нравится чувство власти, я собираюсь открыть вам свою тайну.

— Это имеет отношение к «Сульфане», не так ли? — сказал Брендон. — Джордон, некоронованный король «Сульфаны».

Джордон опять усмехнулся.

— Черт побери, — сказал он, довольный собой. — «Сульфана» — это я. Я нашел ее, я ее разрабатываю, а Уэстон лишь мой пассивный компаньон. «Сульфана Инкорпорейтед» — только ширма.

Брендон услышал, как Грейнджер задохнулся от изумления. Уэстон корчит из себя честного ученого, возглавляющего громадную некоммерческую организацию. Не удивительно, что вышвырнул Грейнджера из Фонда.

— Чарльз Уэстон не хотел бы услышать эти слова, Джордон, — тихо сказал он. — Уэстон бы рассердился.

Джордон нахмурился.

— Да к черту Уэстона! — резко сказал он. — Он всего лишь марионетка. Я мог бы уничтожить его всего за одну ночь. Но вернемся к «Сульфане». Сейчас вы сидите над единственной в Солнечной системе фабрикой по производству «Сульфаны».

Грейнджер хмыкнул. К нему, казалось, вернулся боевой дух, утраченный за последние годы. Наверное, это из-за тех слов, подумал Брендон, что Джордон сказал об Уэстоне.

— В Лонне нет никаких действующих фабрик, — сказал он. — Не мелите ерунды, Джордон.

Джордон поднялся из-за стола.

— Я не мелю ерунду, — сказал он. — Смотрите сами.

Он прошел в середину комнаты, опустился на колени, отдернул ковер, нащупал вделанное в каменную плитку пола кольцо и дернул

его, открывая круглую дыру.

— Смотрите сами, — повторил он и отошел.

Первым подошел Брендон, стараясь осторожности ради не приближаться к двери, и заглянул в смутную полутьму. Внизу была пещера, пол которой, насколько хватало глаз, был покрыт ползающими людьми-насекомыми. Брендон содрогнулся при мысли, что его могут столкнуть вниз, прямо в их рой. Пещера была заполнена ими, они буквально ползали друг по другу. Затем его глаз уловил одну интересную деталь.

Прямо внизу, у подножия длинной железной лестницы, лежала целая гора того, что выглядело чистой «Сульфаной».

Брендон отодвинулся, давая место Грейнджеру, затем встал и поглядел на Джордона, ожидая пояснений.

— Вы написали в одной статье, — сказал Джордон, — что «Сульфану» невозможно разложить на известные химические элементы. Вы были правы, Брендон, когда утверждали, что это натуральный продукт каких-то животных или растений. Этот улей людей-насекомых напоминает пчелиный улей. Они выделяют зеленую слизь. Когда слизь высыхает, то становится порошком. Это и есть «Сульфана», самое великое лекарство из всех известных.

Грейнджер, не отрываясь, глядел вниз.

— Но как вы нашли... — начал было Брендон.

— Очень просто, — перебил его Джордон. — «Сульфану» привезли в Фицрой, как раз когда я был там, совершая поездку по планете. Я поэкспериментировал с ней и понял ее ценность. Я разыскал старого владельца бартеллов, который знал, откуда привезли «Сульфану». Он сказал, что обитатели равнины Парна используют ее для лечения больных или раненых. А «Сульфану» достают где-то в Лонне. Когда я приехал сюда в первый раз, еще за несколько лет до вашего первого посещения, то наткнулся на людей-насекомых. Слизь, которую они выделили во время стычки со мной, высохла и оказалась «Сульфаной». Потом я проследил за ними и обнаружил, что большая часть их находится в этой пещере. Когда-то, когда Лонн был обитаем, должно быть, здесь был промышленный центр. Я обнаружил, что в металлическом костюме могу попасть туда, не опасаясь, что они причинят мне вред. У них нет длинных и острых зубов, а их жала не могут пробить металл. Уэстон поддержал меня, и мы стали работать вместе. Вот и вся история, джентльмены, и мне очень жаль, что вам она не поможет.

Брендон стоял, мрачно стиснув зубы.

— Может, все же поможет, — сказал он.

Где-то неподалеку раздался крик человека-насекомого.

— Я так не думаю, — быстро сказал Джордон. — Подождите... Я должен пойти посмотреть, не ранили ли кого-нибудь из моих зверу-

шек. Они весьма полюбили меня — а я их.

— Ах, ты, тупоголовый любитель гоблинов!..

Брендон аж подскочил от боевого клича Малютки Хадсона, и тут же громадный бывший швейцар ворвался в открывшуюся дверь и пнул Джордона по голени, послав его на пол. Один из пистолетов вылетел из руки Джордона и ударился о стену. Ему удалось выстрелить из другого, пробив в стене ямку над самым плечом Брендона.

— Ты что, думал, что я не справлюсь с твоими зелеными дикарями? — продолжал кричать Хадсон. — Бросай оружие!

Он схватил Джордона за воротник куртки и рывком поднял с пола, другой рукой забрал у него пистолет и бросил Грейнджеру.

— Держите оружие, мистер Грейнджер, — сказал он. — Возможно, в следующий раз мне не удастся появиться вовремя.

Вид Джордона, висящего в двух дюймах от пола в громадной лапше Хадсона, показался Брендону очень забавным. Все произошло так быстро, и внезапно Джордон, выглядевший таким опасным и самоуверенным, стал вдруг похож на неопрятного, что-то бормочущего клоуна.

Брендон расхохотался.

— О, Господи, — сказал он, — давайте выбираться отсюда, пока мы все не сошли с ума. На сегодня с нас уже достаточно.

— Интересно, — задумчиво произнес Грейнджер, — а все ли мы узнали? Теперь, когда нам стал известен расклад сил, сражение только начинается.

— В ОБОИХ ШПРИЦАХ была сыворотка Мельформа, — сказал Брендон. — А это значит, что, независимо от того, что убило население, сыворотка вернет их к жизни. Эту сыворотку уже испытали на двух стражниках в синем. А Джордон ввел Ив парализующее снадобье. Это и сбilo меня с толку.

Джон Грейнджер внимательно слушал его. Медицина была не его коньком. На него ляжет исследовательская работа, когда — и если, население Лонна вернется к жизни. Теперь, когда они сидели в лаборатории Брендона в вездеходе, лицо Грейнджера было серым и преисполненным тревоги. Они оба были согласны, что работы нужно продолжать. Ив стала уже восстанавливаться, но с ней пока что нужно было обращаться осторожно, так что ее поручили заботам Дженни.

— Я был бы за то, чтобы мы оборудовали лабораторию в окрестностях дворца, — сказал Грейнджер. — Как только начнут оживать мужчины и женщины Лонна, нам нужно им объяснить, что мы делаем, чтобы заручиться их помощью. В скором времени, если все пойдет хорошо, у нас здесь будет крупная клиника.

— К счастью, — добавил Брендон, — сыворотку Мельформа можно

производить из химических препаратов, которых я привез с собой достаточное количество. Действует она достаточно просто. Главное, ей нужно размягчить тело и стимулировать работу сердца.

Малютка Хадсон залез в вездеход. Лицо его было мрачно, в руках он по-прежнему сжимал винтовку.

– Зеленые гоблины вроде бы не собираются нападать, – сказал он. – Что будем делать теперь?

Брендон рассказал ему о плане оборудовать клинику. Хадсон восхищенно кивнул головой.

– Давайте начнем, – предложил он. – Как только мы поставим на ноги группу людей из Лонна, у нас будет армия, способная сражаться с этими зелеными тварями. Они все еще достаточно опасны.

Дженни приоткрыла дверь в отсек и взволнованно закричала:

– Сыворотка Мельфорна, кажись, действует! Миссис Грейнджер начала дышать!

Все выскочили из отсека, и Брендон целых пять минут осматривал Ив Грейнджер. Удары сердца были сначала очень редкими и временами прекращались совсем. Но затем начали краснеть ее щеки, кожа на руках стала мягкой и розовой. Потом Ив открыла глаза.

Первым она увидела своего мужа Джона Грейнджера, и его взволнованный взгляд.

По ее щекам заструились слезы, она попыталась что-то сказать.

Он приложил пальцы к ее лбу.

– Уже все в порядке, – сказал он. – С тобой все будет хорошо. Ты в безопасности в вездеходе.

Губы ее шевельнулись.

Грейнджер наклонился, пытаясь понять ее слова. Она отчаянно пыталась что-то сказать ему, и, наконец, он услышал слабый шепот:

– Прости... Я... Я... Я была ужасной дурой...

Грейнджер нежно поцеловал ее в щеку. Краска залила ее лицо. Грейнджер глядел на нее, не отрываясь. На губах Брендона появилась слабая улыбка.

ПРИНЦ ЛОННА лежал на носилках под теплыми солнечными лучами. Площадь перед дворцом была большой, и вездеход, и стоящие рядом с ним носилки казались маленькими посреди ее открытого пространства.

Малютка Хадсон сидел в верхнем отсеке вездехода, дежуря у пушки. Ив Грейнджер, все еще слабая, лежала у окна вездехода, глядя через него на улицу.

Брендон, одетый в белый халат, взял шприц, прижал острие иглы к руке принца и осторожно нажал. Сделав укол, он вынул иглу, перевязал место укола стерильным бинтом и выпрямился. Потом взглянул на Джона Грейнджера, стоявшего по другую сторону носилок.

— Теперь осталось лишь ждать.

В этот момент Лонн, казалось, совсем затих. Часы Брендона тикали так громко, что можно было отсчитывать секунды. Грейнджер отошел на несколько шагов, вернулся и попытался нащупать пульс принца. Затем вздохнул.

— Сыворотка может и не сработать.

Брендон отрицательно покачал головой.

— Сработает, — уверенно сказал он. — Что вышло один раз, получится и в другие. Результат будет одним и тем же.

Прошли три минуты, затем четыре. Дженни, стоя рядом с Ив Грейнджер, смотрела в окно вездехода широко раскрытыми глазами. Малютка Хадсон высунулся в люк башенки. И вдруг что-то шевельнулось на носилках. Ветер? Этого не могло быть. На площади было тихо. Ни малейшего дуновения.

— Пальцы, — напряженно сказал Джон Грейнджер. — Глядите на его пальцы.

Брендон улыбнулся.

— Я тоже заметил, — сказал он.

— Он... оживает, — напряженно сказал Грейнджер.

Пошевелились пальцы, затем дрогнула правая рука, согнулась и разогнулась в локте. Принц открыл глаза и глянул вверх. Неописуемое удивление было в его глазах, затем появился страх, и Брендону от всего сердца стало жалко принца.

— С вами всем будет хорошо, — спокойно сказал Брендон и положил ладонь принцу на лоб.

Тот вздрогнул. Напряглись мышцы шеи. Принц повернул голову, пытаясь избавиться от прикосновения Брендона. Затем его тело ожило, и он повернулся на бок.

— Валла, — сказал он.

Брендон поглядел на Грейнджера.

— Хоть что-нибудь известно об их языке? — спросил он.

Грейнджер покачал головой.

— Нет, — признался он. — Даже неизвестно, сколько столетий назад существовал этот город.

Брендон ждал. Принц приподнялся, опершись на локоть. Посмотрел на пустынный город, затем на двух человек. Казалось, его удивляло их присутствие.

— Валла? — повторил он.

Брендон покачал головой.

— Мы не можем понять его, — сказал он. — А жаль.

Он пошел в вездеход и вернулся с тарелкой супа, который приготовила Дженни. Зачерпнув ложку, он поднес ее к губам принца. Принц осторожно попробовал, глоток горячего бульона прокатился у него в гортань. Затем широкая улыбка появилась на его лице.

– Гоот.

– Это уже вполне понятно, – радостно сказал Грейнджер. – Гоот – хорошо... Или что-то похожее.

Принц сел, затем попытался встать на ноги, но не сумел. Казалось, он был поражен собственной слабостью. Брендон помог ему встать. Принц заковылял обратно во дворец. Грейнджер с Брендonom помогали ему, а Малютка Хадсон остался с вездеходом. В тронном зале принц продолжал осматриваться, озадаченный, раздраженный царящей и тут тишиной.

Затем он повернулся к Брендону и разразился длинной тирадой странных, непонятных слов. Брендон помотал головой, и принц, казалось, понял, что надо делать. Он двинулся к длинному коридору, ведущему во внутренние покои дворца. Силы его восстанавливались буквально с каждой минутой, и выглядел он все лучше. Брендон вынужден был признать, что это самый красивый человек, какого он когда-либо видел.

Они подошли к маленькой, обитой металлом двери, принц пошарил в одежде и достал из нее ключик. Вставив его в замочную скважину, он открыл дверь. И Брендон издал изумленный возглас.

– Лаборатория, – сказал он, невольно понизив голос. – И лучше оснащенная, чем наша собственная.

Небольшое помещение хорошо освещалось сверху. Принц пересек ее и остановился перед шкафом. Открыв дверцу, он попытался толкнуть внутрь Грейнджера. Грейнджер что-то начал понимать. Когда он вошел внутрь и сел, принц закрыл дверцу, повернулся и улыбнулся Брендону. Затем начал нажимать какие-то рычажки на боковой стенке шкафа и бормотать в отверстие на дверце, напоминающее микрофон, какие-то слова.

Дверца внезапно стала прозрачной, словно хрустальной, и Брендон увидел улыбающегося Грейнджера. Только тогда он понял, что все это значит. Принц продолжал что-то быстро говорить. Брендон увидел, как губы Грейнджера шевельнулись. Он взглянул принцу в лицо. Сначала на нем было лишь замешательство, но постепенно оно перерастало в ужас. Наконец, принц сделал рукой нечто, очень похожее на жест отчаяния, открыл дверцу шкафа, и Грейнджер вышел.

– Он не знает, что произошло, – сказал Грейнджер. – Он говорит, что заснул вчера на троне, а сегодня проснулся и увидел возле себя двух странных людей. Он требует разъяснений. Я рассказал, что он проспал тысячи лет, и это, кажется, напугало его до полусмерти. Попробуйте сами пообщаться с ним.

Стало ясно, что шкаф был автоматическим переводчиком, гораздо более совершенным, чем те, которые использовались на Земле. Брендон зашел внутрь. Дверца закрылась, стала прозрачной, и он увидел принца. Голос принца, переведенный машиной на английский, был

приятным и мягким.

— Ваш коллега рассказал мне странную историю. Скажите мне правду. Скажите, зачем вы прибыли в Лонн. И где мой народ?

Брендон постарался отвечать простыми фразами. Он понимал, что, во всяком случае, принцу надо сказать правду.

— Послушайте меня, — сказал он. — Сейчас 2024 год. У марсиан есть древняя легенда, что на далекой долине Парна существует город под названием Лонн, населенный мертвыми людьми.

Он посмотрел на принца, тот шепотом повторял его слова, не сводя с него глаз.

— Никому не хватало храбрости войти в этот мертвый город, — продолжал Брендон, — пока мы с коллегой не привезли сюда лекарство, чтобы оживить вас и ваших подданных. Сейчас вы в безопасности, но нам нужно время, чтобы вылечить всех остальных.

Принц нетерпеливо покачал головой.

— Простите, — сказал он, — но я не верю. Лонн был жив. Если было бы правдой то, о чем вы говорите, то я должен проспать около десяти тысяч лет. — Он нахмурился. — Но такое невозможно. Я вынужден вызвать стражников и отправить вас в тюрьму до дальнейших разъяснений.

Брендон ни в чем не мог его винить. Пока человек был мертвым, он не мог ничего помнить об этом. Слишком много времени прошло с того момента, когда принц заснул. Очевидно, он ничего не знал, или не помнил, о том, что произошло.

— Я прошу лишь об одном, — сказал Брендон. — Для начала, вы не сможете позвать стражников, потому что они сейчас такие же, каким были вы еще полчаса назад. Я не прошу, чтобы вы поверили мне на слово. Выпустите меня отсюда, и я докажу.

Лицо принца исказилось от гнева. Он распахнул дверь, Брендон вышел, и повел его из этого помещения туда, где они нашли в нижнем зале дворца мертвую девушку. Он быстро спустился по лестнице, принц следовал за ним по пятам.

Раскрыв дверь, они вошли в зал с мертвой Принцессой. Принц бросился вперед и со сдавленными рыданиями упал перед Принцессой на колени. Он дотронулся до нее, потом осторожно потряс за плечи, но ее тело оставалось холодным и неподвижным.

Принц зарыдал. До него все еще не могло прийти, что совсем недавно он был таким же, как она сейчас, и что ее также можно оживить.

Брендон подошел к нему и тронул за плечо. Затем обнял девушку за талию и попытался снять ее с трона. Принц понял, оттолкнул Брендона и сам поднял девушку на руки. Повернувшись, он вынес ее из зала, поднялся по лестнице и вынес из дворца на площадь. Положив ее на носилки, он выпрямился, и, обратившись к Брен-

дону, жестом показал, что тот может начинать. Затем он отступил на несколько шагов и смотрел, как Брендон готовить шприц. Никогда еще Брендон не видел на человеческом лице такую смесь страха и гордости.

– ВОТ ПРИМЕРНЫЙ ОБЗОР важнейших событий, происшедших на Марсе и на Земле с тех пор, как в городе Лонне остановилась жизнь, мы не знаем лишь точной даты этого происшествия.

Брендон замолчал, глядя через прозрачную дверцу автоматического переводчика на лица принца и принцессы. Шкаф-переводчик был перетащен из лаборатории в тронный зал. Принц и прекрасная девушка сидели перед ним на двойном троне, внимательно слушая.

– И вы утверждаете, что нет никакого объяснения того, что с нами произошло? – спросил принц.

Он, наконец, убедился, что история Лонна – не выдумка.

Брендон покачал головой.

– Ни малейшего, – сказал он, – если вы не предложите свою версию.

Принц покачал головой в ответ.

– Понятия не имею, – сказал он, повернулся и посмотрел на девушку.

Когда она ожила, ее волосы и глаза стали темными. Она, подумал Брендон, самая очаровательная фея на свете.

– Мы с сестрой, – сказал принц, – благодарны вам обоим. Мы постараемся вознаградить вас, как вы того заслуживаете. Но теперь позвольте рассказать мне то, что я знаю. Десять столетий назад мой отец Фэнта основал здесь свое Королевство. Он специально выбрал это безлюдное место, чтобы его народ мог жить без всякого постороннего вмешательства. Фэнта был сам прекрасным строителем и ученым, и собрал мастеров разных ремесел со всего мира. Нам не мешали ни войны, ни мелочная торговля. Все время мы проводили, создавая прекрасную цивилизацию. – Он вздохнул. – Когда Фэнта умер, город Лонн перешел под нашу опеку. Имя моей сестры – Фаун, по названию грациозного животного, обитающего в наших парках. – Фаун при этих словах покраснела и стала еще красивее. – А я Барбик, – представился принц. – Я продолжал политику своего отца. Лонн не вступал в контакты со внешним миром, и наши люди жили спокойно. Если мы процветали и в научном отношении ушли дальше других городов, то лишь потому, что мы ни с кем не были связаны, ни с кем не боролись и занимались лишь улучшением того, что имели.

– Вы сделали замечательную работу, – с энтузиазмом воскликнул Брендон. – Но все же, во время рассказа вы не упомянули ни о чем, что могло бы дать нам ключ к разгадке того, почему в один прекрасный день все жители Лонна застыли и перестали дышать.

Принц Барбик покачал головой. Вид у него стал внезапно усталым.

— У меня нет никаких объяснений, — признался он. — Это произошло лишь вчера, и я хорошо помню все. Я сидел на троне, размышляя о том, что было сделано днем. Фаун была в своем помещении внизу, где частенько отдыхала. Я думал о ней, о моих подданных и о том, что еще нужно сделать в Лонне, чтобы они были счастливы. Наверное, я заснул. Когда я проснулся, то оказался лежащим на площади, глядя на людей, каких никогда прежде не видел.

Фаун кивнула.

— Я испытала то же самое, — тихонько сказала она. — Я проснулась и увидела, — она слегка покраснела и показала пальчиком на Брендона, — вас.

— У нас есть план, — сказал Брендон. — Вы поможете нам оживить жителей вашего города. А когда они придут в себя, вы объясните им, что произошло, и организуете их, чтобы они помогли нам. Мой друг Джон Грейнджер занес на карту местоположение каждого гражданина Лонна. Мы будем по ней оживлять людей, а те станут работать с другими. Клиника будет на площади. Нам предстоит оживить более шести миллионов душ. Работы будет много.

Принц Барбик поднялся, его глаза блестели от навернувшихся слез. Он сошел с трона.

— Хотя вы и не понимаете мой язык, когда выходите из машины, я выражаю вам самую искреннюю благодарность... — Голос его прервался.

Брендон все понял, как и Грейнджер. Он крепко подал руку Барбику, и они вместе пошли на площадь.

НЕСКОЛЬКО дней после того, как Брендон спас ее от паралича, Ив Грейнджер искренне считала, что ненавидит Филипа Джордона. Затем она стала вспоминать, каким он был на Земле, и начала думать о том, не стоит ли помочь Джордону выбраться из камеры, куда он был заперт принцем Барбином. Ив хорошо знала Джордона. Знала его задолго до того, как встретила своего нынешнего мужа. И она знала, что Джордон будет благодарен за спасение, и, может, простит ее.

Пока Лонн медленно превращался в пульсирующий жизнью город, у нее было время побыть одной и подготовить побег Джордона. На мужа она не могла смотреть по иному, кроме как с жалостью. Ей он казался стариком. А она была юной и считала, что ей нужно от жизни больше, чем он может ей дать.

И вот сегодня настал один из редких моментов, когда небо потемнело, и над городом нависли тучи, так что Ив решила, что теперь самое время начать исполнение своего плана. Грейнджер и Брендон были во дворце с принцем Барбином. Губы Ив презрительно сморщились, пока

она сидела в вездеходе с забытой на коленях книгой. Брендон последнее время все время проводил во дворце. Фаун, сестра Барбика, была весьма привлекательной девушкой.

Ив даже почувствовала уколы ревности. Брендон изначально интересовался ей. Она была абсолютно уверена в этом. Но она сама все испортила своими насмешками.

Теперь ее единственным шансом оставался Джордон, единственной возможностью покинуть этот странный мир и вернуться к роскошной жизни на Земле.

Она резко встала, уронив книгу на пол, и прошла в спальный отсек. Джон Грейнджер хотел принять приглашение Барбика и переселиться во дворец. Ив отказалась. Она осталась в вездеходе. Здесь она была полновластной хозяйкой. Здесь она могла не встречаться ежедневно с Фаун и не вспоминать, как ее саму постепенно покидает очарование молодости. Она чувствовала себя такой старой...

Ив быстро переоделась в комбинезон и ботинки. К Филипу Джордону было не трудно попасть. Она часто бывала в тюрьме с Барбиком и Джоном, так что стражники пропустят ее. Она сунула за пазуху маленький пистолет-огнемет и покинула вездеход. Во дворце она не вошла через главный вход, а обогнула его и проникла через металлическую заднюю дверь. Здесь был прямой проход в тюрьму под дворцом.

Стражник улыбнулся, увидев, кто осчастливил его посещением, и провел Ив к камере Джордона, единственной занятой в настоящее время.

Ив подождала, пока он отпирал дверь.

— Большое спасибо, — сладко улыбнулась она ему.

Стражник не понимал ее язык, но широко улыбнулся в ответ и отступил от двери.

Джордон ринулся к ней.

— Добро пожаловать, — сказал он. — Я ждал тебя здесь.

Он взял пистолет, который она тайком протянула ему.

— Я... я хочу тебе помочь, — запинаясь, проговорила она.

В душе у нее медленно нарастал страх.

— Они накажут тебя, если поймут, — сказал Джордон и подошел к ней вплотную.

Щеки Ив загорелись.

— Филип, я прощаю тебе за то, что ты сделал на днях. Я должна была прийти. Я люблю тебя. Неужели ты не понимаешь? — Рыдая, она бросилась обнимать его. — Не оставляй меня здесь. Возьми с собой. Именно за этим я и пришла. Я должна улететь отсюда. Я не могу оставаться...

Он равнодушно отодвинул ее.

— Ты прекрасно знаешь, черт побери, что сейчас я не могу улететь.

– Не можешь... улететь?

Он выругался сквозь зубы.

– Ты никогда меня не поймешь, – сказал он. – Ты мне не нравишься. А образ жизни, какой я веду, не понравится тебе. Я должен защитить здесь свои интересы. Поставки «Сульфаны» приостановлены, пока я сижу в этой проклятой камере! За городом ждет моего сигнала караван бартеллов, пришедший за ней. Так как Лонн снова ожил, им приходится ждать моего сигнала. По крайней мере, я надеюсь, что они все еще ждут. Уэстон и Фонд с ума сходят, ожидая от меня информации. Мы должны возобновить поставки «Сульфаны»!

– Но... как?

Джордон помрачнел.

– Уничтожив в этом городишке всех по последнего жителя, если будет такая необходимость.

Ив Грейнджер нервно оглянулась на длинный пустой коридор.

– Нужно убираться отсюда, пока это возможно, – сказала она. Позже... мы все можем решить позже...

Джордон удивленно взглянул на нее.

– И ты все еще готова пойти со мной?.. Жить, как животное, в отвратительных пещерах, только для того, чтобы быть со мной рядом?

Ив решительно кивнула.

– Куда ты, туда и я, – сказала она.

Джордон схватил ее за плечи и крепко обнял.

Глаза Ив засияли.

– Значит, я могу пойти с тобой?

– Ко всем чертям, если я отправлюсь туда, – сказал Джордон. – Вперед!

БРЕНДОН ВЫШЕЛ из столовой, покинув общество Джона Грейнджера и Барбика, которые разговаривали о культуре раннего Лонна. Грейнджер и Барбик были так счастливы, изучив, наконец, простой универсальный язык, что болтали, точно мальчишки, не в силах остановиться.

Брендон не заметил хитрых улыбок, которыми они обменялись, когда он устремился на террасу.

В дальнем конце террасы он увидел Фаун в серебристом платье и поспешил к ней. Она притворялась, что не замечает его, пока он не подошел, и заем повернулась, и глаза ее радостно просияли, когда Брендон заговорил с ней.

– О! Я и не слышала, как вы подошли, – сказала она.

Удивительно, подумал Брендон, как эта девушка и ее брат так быстро выучили английский. Грейнджер работал с ними, помогая себе переводчиком, и делал упор на чтение по губам. И теперь принцесса говорила не хуже Ив Грейнджер, лишь с небольшим странным

акцентом.

— Извините, что напугал вас, — сказал Брендон. — Завтра я запланировал начать работу над системой обороны и подумал, может, вы захотите помочь мне в лаборатории.

Она счастливо улыбнулась. Оба они были новичками в этой любовной игре, колеблющимися и неуверенными.

— Я была бы счастлива...

Она произнесла слово «счастлива» так, словно говорила о Рае.

— Прекрасно, — ответил он. — Утром я вас позову. Надеюсь, вам не будет скучно.

Она прислонилась к широкому валу террасы и улыбнулась ему.

— Боюсь, что не знаю, как правильно это сказать, мистер Брендон, — нерешительно начала она, — но мне никогда с вами не скучно. Возможно, я слишком много говорю. Брат заявляет, что я не умолкаю. Я выбалтываю все, что у меня на уме.

Лицо Брендона слегка порозовело.

— Так и должно быть, — ответил он.

Он чувствовал себя школьником на первом свидании. Ив Грейнджер была первой женщиной, которая нарушила его душевное спокойствие. Фаун невольно продолжила это. Слабый аромат ее духов в темноте, серебристо мерцающее платье — все влекло его к ней.

— Я... Я сама приду, — прошептала она, вплотную подходя к нему. — Но что же вы молчите?

Он кашлянул и ничего не ответил. Он чувствовал себя, словно выброшенная на берег рыба.

— Я имею в виду, — продолжала Фаун, — что прошло так мало времени с тех пор. Как я проснулась и первым увидела вас.

Брендон не слышал, что она говорит. Он не мог отвести взгляда от ее лица, от пухлых губ, произносящих какие-то ненужные слова, от сверкающих озорных глаз.

— Затем я сказала Барбику, что хочу, чтобы вы стали моим мужем. Барбик сказал, что меня нужно отшлепать за такие слова, но я хотела бы знать, что скажете вы. А, мистер Брендон?

Брендону показалось, будто у него в голове взорвалась петарда. Впервые он собрал в кулак всю свою волю, чтобы осмелиться встретиться с этой девушкой наедине, и он надеялся сказать ей, что она прекрасна. А вместо этого он выслушал предложение брака.

— Я...

Он резко замолчал и сжал ее в объятиях.

Несколько минут спустя она осторожно отстранила его и отбросила с лица волосы.

— Интересно, — сказала она дразнящим тоном, — не вас ли это ищет Малютка Хадсон?

Брендон не ответил и снова обнял ее.

ДЖОН ГРЕЙНДЖЕР быстрым шагом вошел в лабораторию. Его взгляд пробежал по длинному ряду белых застывших фигур и остановился на сидящем за столом Брендоне.

— Лес, у нас снова чертовы неприятности. Ив исчезла. И Джордон сбежал.

Брендон вскочил, опрокинув высокий табурет, на котором сидел.

— Сбежал? Но как?

Взгляд Грейнджера был твердым, челюсти сжаты.

— Я же сказал, что Ив исчезла.

Брендону показалось, что он понял, но не мог заставить себя произнести это вслух.

— Не вижу здесь связи, — неуверенно произнес он.

Взгляд Грейнджера не отрывался от его лица.

— Лес, я же не дурак. Я, может быть, старый, но еще не старый дурак. Ив много лет была знакома с Джордоном. Я знал это. Подозреваю, что она встретилась с Джордоном в первые же дни нашего прибытия в Лонн. По каким-то причинам он нейтрализовал ее. А теперь она помогла ему сбежать, и сама убежала с ним.

Брендон даже не пытался спорить. В глубине души он знал, что Грейнджер прав.

— И куда они, по-вашему, могут отправиться?

Теперь, высказав все самое худшее, Грейнджер вдруг стал усталым на вид и буквально рухнул на стул.

— Я уверен только в одном, — признался он. — Джордон не покинет Лонн. Все его интересы завязаны здесь. Он как-то попытается уничтожить нас. Либо он вернет свой контроль над «Сульфаной», либо умрет, пытаясь сделать это.

— Люди-насекомые под контролем Барбика, — сказал Брендон. — Но Лонн долгое время был необитаем. И здесь может быть не одна колония этих существ. Если Джордон решит выпустить их...

— Они доставят нам много неприятностей, — ответил Грейнджер. — Есть у нас что-нибудь для защиты? Мы можем бороться с ними?

— Не знаю, — покачал головой Брендон. — Барбик сказал, что Лонн никогда прежде не вел войн. Я ожидал, что, рано или поздно, люди-насекомые нападут. Я разработал газ, который не повлияет на людей, но воздействует на этих тварей. Он подействует так, что они будут продолжать жить и размножаться, но полностью утратят агрессивность.

— Меня волнуют не люди-насекомые, — возразил Грейнджер, — а сам Джордон. Он не может вызвать помощь с Земли, так как это открыло бы источник «Сульфаны», а заодно обнаружило бы связь между «Сульфаной» и Джордоном. Нет, он пытается действовать в одиночку, и я могу представить себе только одно направление таких

действий.

– Яд? – спросил Брендон.

– Яд и диверсия самого низкого пошиба. Джордон участвовал в подавлении восставшей Спарты на Венере. Там он доказал, что готов использовать любые средства для достижения своей цели. Он уничтожил там целый город, пустив в систему водоснабжения яд грибов Гангус.

Брендон направился к двери.

– Мне нужно поговорить с Барбиком, – сказал он. – Нам следует принять все меры предосторожности.

Грейнджер пошел следом за ним.

– И что потом? – спросил он Брендону в спину.

Брендон остановился и коротко ответил:

– А потом я разыщу Джордона.

– Я УВЕРЕН, что Джордон прячется где-то в туннелях под дворцом, – сказал Брендон. – Наверняка есть туннели, которые ведут за границы города. Наверное, тут все внизу пронизано ходами.

Он стоял, пока Грейнджер помогал ему застегнуть шлем и закрепить на лице маску.

– Такими костюмами пользовались водолазы, очищающиеся резервуары системы водоснабжения, – сказал принц Барбик. – Они из легкого, но прочного сплава. Такой костюм защитит вас от людей-насекомых.

На минутку все замолчали. Грейнджер проверил регулировку коленных суставов. Барбик подошел к окну и глянул на мирный город.

– Я чувствую себя, как рыцарь, – мрачно сказал Брендон, – идущий на бой за честь своей дамы. Вот только иду я в туннели искать крысу.

Грейнджер выпрямился.

– Послушайте, Брендон, я...

– Не надо, Джон, – совершенно спокойным голосом сказал вдруг Брендон. – Это работа для одного. У нас есть лишь один такой костюм, и мне не нужна помощь в поисках Джордона. Как только я найду его...

– Мне кажется очень странным, – сказал от окна Барбик, – что такому мирному городу могут угрожать. Этот человек Джордон, и другая ужасная угроза, которую мы так и не успели обсудить...

Грейнджер бросил быстрый взгляд на Брендона.

– Сила, – сказал он. – Мы должны узнать, что же случилось с городом.

Брендон мрачно улыбнулся за стеклянной маской.

– Кажется, я нашел ключ к разгадке этой Силы, – сказал он. – Если я прав, то нет никакой непосредственной опасности. Сперва мы най-

дем Джордона, а потом займемся ею.

У Грейнджера был озадаченный вид.

— Так вы узнали, что такое эта Сила?

Брендон кивнул.

— Точно я не уверен, — признался он, — но в юрском периоде на Земле тоже произошла похожая катастрофа. Это все постоянно повторяется. Но я уверен, что ее можно избежать.

Его стали бы расспрашивать и дальше, если бы в комнату не пошла Фаун. Увидев Брендона в странном скафандре, она рванулась к нему. Глаза ее беспокойно забегали по сторонам.

— Мне сообщили, сказала она, — что вы отправляетесь на поиски Джордона?

— Я скоро вернусь, — кивнул Брендон.

Барбик постарался успокоить сестру.

— Он говорит, что похож на рыцаря, собирающегося на битву за честь своей дамы. А гордится ли им дама?

При этих словах Фаун расправила плечи, и на ее бледном лице появилась солнечная улыбка.

— Дама очень гордится, — сказала она и, поднявшись на цыпочки, поцеловала стеклянную маску, закрывавшую лицо Брендона.

— Ну, а теперь, — спокойно сказал Грейндер, — мне кажется, лучше всего мне будет пойти к подвалам с Брендонном. Я провожу его до начала туннеля. Нам нужно идти очень тихо.

ПОМЕЩЕНИЕ над колонией людей-насекомых было пусто, однако, Брендон обнаружил доказательства, что Джордон проходил здесь. Он почувствовал слабый запах духов Ив. Осмотрев комнату, он нашел пустую коробку. Почти пустую, поскольку в ней лежала металлическая маска с резинкой, чтобы ее можно было носить на лице. Маска была металлической и прикрывала верхнюю часть лица и нос. Брендон решил, что в коробке были полные латы, а о маске просто забыли или оставили ее за ненадобностью. В помещении, помимо дверей, в которые они вошли, было лишь отверстие в полу, прикрытое каменной плитой.

Брендон снял плиту и обнаружил, что вниз ведет железная лестнка. Через несколько секунд он спустился и оказался на нижнем уровне пещеры, окруженный отвратительными людьми-насекомыми.

Но Брендон был в стальном костюме, и они ничего не могли ему сделать, он лишь чувствовал, как их зубы бессильно скрежещут по стали.

Вскоре, однако, люди-насекомые обнаружили, что ничего с ним не могут сделать, и, разочарованные, занялись своими делами.

Брендон осмотрел странный «улей». Это была пещера футов в двести длиной, выдолбленная в скале, а в дальнем конце ее видне-

Granger couldn't make up his mind whether
to be alarmed or amused by the appearance and actions of the insect men

лось темное отверстие в стене. Это был ведущий из «улья» туннель.

Брендон стал пробиваться к нему, натываясь на копошащихся существ и с трудом оставаясь на ногах. В туннеле было темно, и он пошел наощупь. Туннель был извилистый, он прошел по нему не меньше мили, прежде чем увидел впереди свет.

Это оказалась пустыня. Он вышел на небольшой хребет на некотором расстоянии от Лонна.

Выход из туннеля был скрыт в зарослях кактусов, а ниже, в небольшой долине, стояли несколько десятков исхудавших бартеллов, то и дело прядая косматыми ушами и терпеливо расставив на горячем песке все шесть ног.

В дальнем конце долины стояла палатка, куда входили и выходили

люди.

Временный офис Джордона, подумал Брендон, сел на песок у входа в туннель и стал наблюдать за палаткой.

Через полчаса из нее вышла девушка, закрыла лицо шарфом, оставив свободными лишь глаза, и направилась в его сторону.

Ив Грейнджер, мрачно подумал Брендон.

Она явно собиралась идти в прохладный туннель, и Брендон смотрел, как она идет вверх по склону.

Затем он спрятался за выступом скального обнажения и стал ждать. Девушка вошла в пещеру. Она была всего лишь в шести футах от Брендона. Он подождал, пока она сядет спиной к стене, глядя на расстилавшуюся внизу картину, затем бесшумно подошел к ней сбоку и, схватив одной рукой за шею, заткнул ей рот ее же шарфом.

Она отбивалась, царапалась, лягалась и пыталась закричать. Но Брендон крепко держал ее, пока она не успокоилась и не затихла у него на руках.

– Послушайте, – сказал Брендон, – игры кончились. Я отпущу вас, но без колебаний убью, если вы станете создавать мне проблемы.

Она кивнула, Брендон видел в ее глазах страх.

– Вы вернетесь со мной, – сказал он. – Вернетесь, и пусть Джон сам решает вашу дальнейшую судьбу. Вам понятно?

Она уставилась в землю, явно не согласная с ним.

– Вы мне не нужны, – сказал Брендон. – Мне нужен Джордон. Он вернется этим туннелем.

Ив не шевельнулась.

– Хотя бы кивните, Ив, – сказал Брендон. – Вы и так уже натворили дел. Если из-за вас будет нанесен вред Лонну, то вас будут судить, как и любого преступника. Почему бы не начать быть разумной? Джордону вы не нужны. Ему нужен Лонн.

Она не шевельнулась, но Брендон видел, что его слова произвели на нее впечатление.

– Может, у вас хватит ума признать, что ваша преданность Джордону не имеет смысла?

Внезапно Ив умоляюще взглянула на него, словно хотела что-то сказать.

– Вы знаете дальнейшие планы Джордона? – спросил Брендон.

Ив кивнула, и Брендон понял, что угадал. Джордону надоела Ив, и она сама понимала это.

– Если обещаете не кричать, я вытащу затычку у вас изо рта.

Она кивнула, и Брендон освободил ее от шарфа. Ив глубоко вздохнула.

– Лес... Я была такой дурой... просто дурой неблагодарной...

Либо она была прекрасной актрисой, либо за последние секунды отношения Ив Грейнджер к Джордону резко изменились.

– Продолжайте, – холодно сказал Брендон. – Я выслушаю вас, потом решу, можно ли вам доверять.

На ее лице появилась бледная улыбка.

– Вы так стискиваете мне руку, что можете ее сломать, – сказала она. – Если я обещаю не пытаться убежать, вы ослабите свою хватку?

Он разжал руки, не задаваясь вопросом, можно ли ей доверять.

Глаза Ив внезапно вспыхнули.

– Джордон – дурак, – сказала она. – Первостатейный дурак! Он уже пытался избавиться от меня, но я, очевидно, сошла с ума, раз снова последовала за ним. Теперь я хочу убежать. Но мне некуда пойти. Лес, если я расскажу вам нечто очень важное, такое, что имеет отношение к безопасности Лонна, вы поможете мне убраться из этого... из этого ада?

Брендон пристально поглядел на нее.

– Если вы снова лжете...

– Я не лгу, – искренне заявила она. – На этот раз я говорю правду. Я была с вами груба, но сейчас я совершенно откровенна. Женщине трудно в этом признаться, Лес, но мне будет лучше без Джона, а ему будет полезнее избавиться от меня. – Она произнесла это спокойным голосом, словно заключала коммерческую сделку. – Джон великий человек, хотя сам не понимает этого. Вначале я работала на Чарльза Уэстона, так я вошла в это дело с «Сульфаной». Джон Грейнджер был опасен, и Уэстон платил мне, чтобы я следила за ним. Идея о браке возникла совершенно неожиданно для меня, но Уэстону это было неважно. Ему было лишь нужно, чтобы я следила за каждым движением Джона и обо всем докладывала Уэстону, чтобы он мог вовремя принять меры, если дело с «Сульфаной» окажется под угрозой.

– А Джордон? – холодно спросил Брендон. – Какое он имеет ко всему этому отношение?

Ив покраснела, но раз уж начала рассказывать, то вынуждена была закончить.

– Мы с Филом Джордоном были знакомы уже много лет, – сказала она. – Он всегда смотрел на меня, как на козьявку, а мне хотелось большего. – Она пождала плечами и содрогнулась. – До сих пор, когда он звал меня, я бежала к нему на цыпочках. Но теперь все кончено.

Брендон подумал о том, сколько из сказанного ею было правдой, и решил, что склонен верить большей части.

– Что же такого сделал Джордон сейчас, что окончательно оттолкнул вас?

Она взяла Брендона за руку и взглянула ему в лицо.

– Не поймите меня неправильно, Лес, – сказала она. – Джордон не отвратителен мне. Он уродливая скотина, но я преследовала его

чуть ли не с детства. И никогда не перестану преследовать его. Это похоже на привычку. Мои попытки терпели неудачу, но я пыталась снова и снова. Но теперь все кончено. Больше я к нему не вернусь.

Брендон понял, что она имеет в виду. Он смущенно отвернулся и взглянул на палатку.

Солнце висело еще высоко, стояла жара, от которой на дне долины защищала лишь ткань палатки Джордона. Бартеллы начали переминаться с ноги на ногу. Им хотелось убраться в тень, но тени тут не было. В остальном пустыня была неподвижна.

— Вы сказали мне правду, — нарушил долгое молчание Брендон. — Я совершенно уверен в этом. Вы странные... я имею в виду женщин вообще. Сперва притворяетесь полной дурой, затем говорите правду, как бы отвратительно они ни звучала, а потом ждете, пока вас похвалят, чтобы при первой же возможности снова предать. Не знаю, чем могу вам помочь. Я бы не смог посмотреть Джону Грейнджеру в глаза, если бы помог вам сбежать. Почему бы вам не вернуться к нему...

— Лес! — умоляющим тоном воскликнула девушка. — Я не могу этого сделать. Джон был добр со мной. Он всегда доверял мне. Я не могу признаться ему...

Брендон понимал ее. У нее не хватило бы храбрости причинить мужу боль.

— Что намерен сделать Джордон? — спросил он.

— Он собирается ждать, — ответила Ив.

Брендон внимательно посмотрел на нее.

— Ждать чего?

— Когда вернется Сила и снова нахлынет на Лонн. Он сказал, что скоро это произойдет, он совершенно точно знает это. И тогда его никто больше не побеспокоит.

Брендон схватил ее руки, крепко сжал. Взгляд его стал внезапно суровым.

— Ив... Вы знаете, что такое эта Сила? Джордон рассказал вам?

Она больше не боялась. У нее в рукаве оказался первоклассный козырь, и она хотела разыграть его как можно лучше.

— Знаю.

— Тогда вы должны мне немедленно рассказать мне о ней. Мы должны подготовиться.

Она мягко оттолкнула его, и он отпустил ее руки. Оба долго молчали. Каждый при этом прикидывал, что должен сказать, чтобы выиграть партию.

— Я... Я должна улететь отсюда, не встречаясь с Джоном.

— Ив, под угрозой гибели целый город, а вы хотите заставить меня заключить с вами сделку, играя их жизнями?

— Я должна улететь, — отчаянно воскликнула она. — Я знаю, что

я трусиха. Я всегда была трусихой, но все это в прошлом, если мы заключим сделку. Моя свобода против жизни города. Лес... Вы обещаете мне помочь?

В Брендоне боролись лояльность к Джону Грейнджеру с уверенностью, что Лонн должен быть спасен независимо от цены, которую придется за это заплатить. Но если Грейнджер узнает...

Внезапно из туннеля послышался грохот, отозвавшийся многократным эхо. Порыв ветра сбил с ног Ив Грейнджер. Она с криком упала, Брендон схватил ее и оттащил под скальный выступ.

Вокруг дико завыл ветер, наполнив воздух песком.

Брендон не мог перекричать его. Он выглянул из туннеля, посмотрел вниз, в долину, и был поражен. В лагере тоже бушевала буря.

Первый порыв ветра, казалось, налетел из туннеля, однако, весь лагерь в долине был теперь в центре урагана. Брендон крепко прижал к себе девушку, потому что ветер был так силен, что мог разбросать их, и тогда они потеряли бы друг друга в струях несущегося песка. Большая палатка Джордона надулась, как парус, и внезапно оторвалась от земли. Мгновенно вознесясь вверх, она полетела в сторону равнины Парна.

Брендон не видел людей, но разобрал туши бартеллов, лежащих, спрятав головы, уже полузанесенные песком.

Он прижал губы к самому уху Ив и прокричал:

— Это не песчаная буря! Это... это что-то похуже! Ветер просто ненормальный!

Ив кивнула и спрятала лицо у него на груди, чтобы легче было дышать. Пустыня быстро темнела. Брендон подумал, что минуты через две станет темно, как ночью. Он посмотрел вверх, сквозь туман несущегося песка. С неба, прямо на пустыню, опускалось огромное черное облако. Но облако ли? Оно, казалось, летело по собственной воле, невзирая на ветер. Оно уже было над самой землей, и его частицы, смешанные с песком, стали падать на них. Брендон увидел, как Ив Грейнджер пытается отрясти куртку от пыли, похожей на угольную, и уже запачкала пальцы черным. Когда же Брендон снова взглянул на нее, лицо Ив было совершенно белым. Она отпрянула от входа пещеры вглубь туннеля. Здесь было спокойно, ветер в туннеле уже прекратился.

— Лес... черная пыль. Нужно срочно возвращаться в Лонн. Джордон говорил мне о пыли. Это значит, что скоро ударит Сила.

ФАУН, СЕСТРА Барбика и принцесса Лонна, не могла найти себе места от волнения. Фаун влюбилась в Брендона любовью ребенка, в котором внезапно проснулась женственность, и она была готова посвятить этому человеку всю свою жизнь.

Прошло несколько долгих часов, как одетый в водолазный ко-

стюм человек скрылся в туннелях людей-насекомых под городом. С тех пор никто не упоминал о нем, и ей казалось, что все забыли о Брендоне, а он как раз мог находиться в опасности.

Фаун быстро оделась, покрыла длинные волосы тюрбаном брата. Ее ножки были в крепких ботинках, платье она сменила на рубашку из прочной материи и охотничьи бриджи. Она была готова отправиться на поиски Брендона.

Фаун почти ничего не знала о подземельях Лонна. Она знала, что люди-насекомые никого не хотят обижать и, как гигантские пчелы, трудятся на Барбика. Пока он их кормит и держит взаперти в их ульях под городом, Лонн весьма зависит от людей-насекомых. Они дают Лонну порошок, излечивающий все болезни. В Лонне никогда не знали, что такое болезни, пока не появилась Сила и не уничтожила все. Фаун нашла туннель под дворцом, проходящий мимо комнаты, где она любила отдыхать и где погрузилась в сон, продлившийся тысячелетия. Они прошла туннель до конца и нашла комнату, где Филлип Джордон тайно жил то время, когда посещал Лонн.

Перед отверстием, ведущим вниз, храбрость ее подвела, и она не пошла дальше. Сунуться в улей без защиты означает смерть. Она знала, что у людей-насекомых нет столько разума, чтобы не нападать на все, что движется. Умишка у них хватало лишь на то, чтобы прекратить попытки нападения, если они оказывались безрезультатны.

Фаун осталась в бывшей комнате Джордона и стала ждать неизвестно чего. Может, в надежде на возвращение Брендона?..

Потом началась буря. Она видела, как ветер пронесся по туннелю, сорвал двери с петель, промчался по комнате, ломая мебель, и улетел через отверстие вниз, в улей. Фаун была поражена и ужасно напугана, никогда еще она не видела в Лонне такого ветра. Она спряталась в углу за пустыми ящиками, потому и уцелела. Когда ветер стих, она подошла к отверстию, и опустилась на колени, пытаясь разглядеть, что происходит внизу. И тут же она услышала в улье голоса. Один был явно голосом Брендона, но он был еще далеко, и она не могла разобрать слов. Другой голос звучал еще слабее, но сердце Фаун упало. Это был голос женщины.

Она хотела уйти, но не могла заставить себя подняться с колен. Затем она увидела идущего по улью Брендона в бронированном костюме с откинутой пластиной шлема. На руках он нес так, чтобы не могли достать люди-насекомые, Ив Грейнджер, прекрасную земную женщину.

У Фаун помутилось в глазах, ей стало плохо. Стоя на коленях, она глядела, как они пробираются по улью. Брендон шел сквозь копошащихся людей-насекомых, безжалостно распиная их в стороны. Они добрались до основания металлической лестницы сразу под Фаун. Лежащая на руках Брендона девушка внезапно поцеловала

его в губы.

Слезы брызнули из глаз Фаун, она отпрыгнула от отверстия, и стремительно пошла по туннелю, нащупывая путь наверх, во дворец. Там она прошла через тронный зал и коридор на площадь. По площади ко дворцу бежал Барбик. Лицо его было искажено от страха.

– Фаун?..

Не останавливаясь, она пробежала мимо него. Барбик попытался ее задержать.

– Фаун, не уходи. Это не безопасно.

Вряд ли она услышала его слова. Она увидела машину с прозрачным откидным верхом, оставленную Барбиком, и бросилась к ней. Она знала, что Барбик бежит следом, чтобы остановить ее. Вскочив в машину, она включила реактивные двигатели. Когда автомобиль рванулся вперед, Фаун оглянулась и увидела, что происходит у дворцовых дверей, и эта картина врезалась ей в память.

Барбик стоял, с удивлением глядя ей вслед. А возле него был Брендон, по-прежнему держа на руках Ив Грейнджер. Барбик что-то кричал Фаун, но она не могла его услышать. Машина с прозрачным верхом пролетела пустынным бульваром, и Фаун направила ее к выезду из города, в направлении горы Спаун.

Фаун знала, что будет ехать вперед, пока не умрет. Только смерть могла излечить глубокую рану в ее сердце.

– ЭТО БЫЛА Фаун, – растерянно сказал Барбик. – Фаун взяла мою машину и уехала. Я попытался остановить ее. – Вы видели бурю? Она не походила ни на что, бывшее здесь прежде. Подул ветер, но там... – и Барбик беспомощно указал на небо.

– Знаю, – кивнул Брендон. – Ив была с Джордоном. Я обещал ей помочь. Джордону известна тайна Силы. Он рассказал о ней Ив. Я думаю, что мы еще можем спасти город. – Он посмотрел вслед удаляющейся машине. – Нужно действовать быстро, – сказал он и поставил Ив на землю. – Помогите Барбику. Он защитит вас до моего возвращения. Я не могу обещать вам, что вы не встретитесь с Джоном, но, независимо от этого, вы должны нам помочь.

Ив уже пришла в себя. Лицо ее было бледным, но решительным.

– Я знаю, – сказала она, – что вела себя там, внизу, как последняя дура. И я ведь догадывалась, что вы слишком порядочный...

Брендон покраснел.

– Забудьте об этом, – сказал он. – Нужно найти Фаун, прежде чем будет слишком поздно. Помогите Барбику.

Он оставил их у дворца, а сам побежал через площадь и краем глаза увидел появившийся марсианский автомобиль с прозрачным верхом. Машина остановилась, из нее выскочил Джон Грейнджер.

– Лес, – закричал он. – Какого черта?..

Но Брендон промчался мимо него и вскочил в машину.

– Найди Барбика. – бросил он. – Еще есть время. Ив все объяснит.

Он увидел, как побледнело лицо Джона Грейнджера, когда тот обернулся к дворцу.

– Ив? – переспросил Грейнджер. – Но откуда?..

Но Брендон уже рванул машину вперед, оставив позади выхлопы реактивного двигателя. Он видел, как Фаун свернула к предгорьям.

Над городом по-прежнему висело черное облако. Оно все росло и медленно опускалось. Брендон вдавил в пол педаль акселератора, выжимая из машины, все, на что она способна. Он внимательно глядел на широкую, гладкую дорогу перед собой и одновременно пытался увидеть крошечной пятнышко машины Фаун вдалеке.

ДЖОН ГРЕЙНДЖЕР быстро пошел к стоящим Барбику и Ив.

– Ив! – закричал он и бросился к ней.

Она не колебалась – и не отступила.

– Джон, – сказала она, – сейчас нет времени на объяснения. Нужно много чего сделать. Мы должны спасти город. Я узнала тайну Силы.

Секунду Грейнджер глядел на нее, прежде чем осознал важность ее слов.

– Ты безопасности, – сказал он, – и я благодарен за это небесам.

Он видел морщинки у нее на лбу и застывшее в глазах страдание.

– Облако сгущается, – странно спокойным голосом произнес Барбик.

На улицах появились люди. Лонн наполнился страхом, превратился в город испуганных детей, не знающих, куда спрятаться. Все чувствовали приближение Силы, но не знали, как с ней бороться. Собственно, жители Лонна и не могли бороться, поскольку не было видно чудовища, готовящегося пожрать их.

– Ты помнишь Мон-Пеле¹? – спокойно спросила Ив.

Лицо ее мужа внезапно исказилось от ужаса.

– Гора Мон-Пеле на Мартинике?

Ив кивнула.

– Как-то ночью ты прочитал мне о ней, прочитал вслух о жителях городка Сен-Пьер, и я еще сказала, что это невозможно. Ты помнишь об этом?

Грейнджер кивнул, начиная понимать.

– Лонн – еще один Сен-Пеле, – продолжала Ив. – Потоки лавы

¹ В 1902 году извержение вулкана Мон-Пеле почти полностью разрушило крупнейший город Мартиники — Сен-Пьер. Погибли все 30 тысяч жителей. Чудом уцелел лишь один человек, сидевший в подземной тюрьме.

шли из горы, расположенной за городом. Вот так же и Сила. Я вспомнила, как ты прочитал мне о Мон-Пеле, когда Джордон сказал мне, что гора Спаун выпускает Силу. Когда приходит вулканическое облако, за ним следует Сила.

Грейнджер услышал достаточно и повернулся к Барбику. Принц Барбик с изумлением слушал их и ничего не понимал.

— Ваши люди должны немедленно уйти в подземелье, — сказал Грейнджер. — Если все скроются в подземных ходах под городом и тщательно закроют за собой входы, то Лонн будет спасен.

Барбик не стал выпрашивать подробности.

— Под городом есть водопроводные туннели и улья людей-насекомых, — сказал он. — Все оборудованы герметичными дверями. Водопроводные туннели длинные и расположены очень глубоко.

Грейнджер согласно кивнул.

— Нельзя понапрасну тратить время. Прочтите призыв по видеозкрану. Остался, может быть, час, а, может, и минуты. Сила уже готова ударить.

ЗА ГОРОДОМ было почти совсем темно. Брендон сбросил скорость, отчаянно пытаясь понять, куда едет девушка — и почему она пытается покинуть город.

Может, увидев облако, она поняла, что грядет новая трагедия? По лбу Брендона катился пот. Руки, держащие руль автомобиля, были влажными и холодными.

Миновав мост через последнюю лагуну, устремился прямо к горе Спаун.

Странно, подумал он, она едет прямо навстречу смерти.

У него было мало шансов убежать от Силы, поскольку он стремился в самое ее логово. Но где-то впереди ехала Фаун, и, независимо от причины ее поездки, он должен вернуть ее или погибнуть, пытаясь это сделать.

Воздух стал горячим, а опустившееся облако накрыло парки красивой черной пемзой. Оно уже висело над самой дорогой, снижая видимость, так что пришлось включить дальний свет.

Внезапно впереди он увидел в кювете перевернутый автомобиль, врезавшийся в высокое дерево.

Брендон резко затормозил, выскочил из машины и побежал к нему. На дверце был виден знак короны. Брендон с трудом распахнул ее. Фаун ехала слишком быстро и попыталась резко повернуть. Она лежала на водительском сидении, на лбу была темная ссадина, губы разбиты. Вытащив потерявшую сознание девушку и, взвалив ее на плечо, Брендон бросился сквозь завесу пемзы. Добравшись до своей машины, он осторожно усадил Фаун на сидение.

Лицо Брендона было мрачным, когда он мчался обратно в Лонн.

Облако уже совершенно накрыло город.

Он уже достиг первого парка, когда позади в небе возник странный свет и отразился от дороги. Затем раздался рев взрыва.

Это началось извержение горы Спаун. Сила надвигалась.

Брендон не видел Силы, но понимал, что она распространяется медленно, как газ, который люди тоже не могут увидеть. Лонн однажды уже умирал, причем тогда даже не было облаков пемзы в качестве предупреждения. В прошлый раз Сила подкралась незаметно, так что Лонн ничего не заподозрил. Брендон был благодарен, что на сей раз она дала предупреждение.

У него оставалась единственная возможность. Внезапно впереди возник первый мост. Молясь, чтобы вода в лагуне была глубокой, Брендон направил машину через парапет набережной прямо в лагуну. Автомобиль врезался в воду с весьма ощутимым толчком, и их окутала полная темнота. Брендон глубоко вздохнул и обернулся к девушке.

ВО ДВОРЦЕ Грейнджер стоял у двери, глядя на огонь, который изрыгала гора Спаун. Он настоял на том, чтобы рискнуть, потому что хотел сам увидеть действие Силы. Лонн должен был научиться сопротивляться, а сделать это можно было лишь поняв, с чем надо бороться.

Барбик был в катакомбах под городом со своими людьми. Большинству из них хватило времени, чтобы спуститься туда. Затем огромные двери были плотно закрыты и заперты. Сам Грейнджер оделся в тяжелый костюм, какие в Лонне носили пожарные. Костюм был тяжелый, с крепким шлемом, и в нем Грейнджер чувствовал себя в безопасности.

Он стоял у открытой двери, глядя на Спаун, и думал о том, успеет ли Брендон вовремя перехватить Фаун. Он не мог помочь им. Брендон сделал свой выбор.

Позади раздался какой-то звук, и Грейнджер медленно повернулся, а потом с удивлением снял шлем.

Позади стоял Филип Джордон, мрачное лицо которого перекосила странная усмешка. В правой руке у него был пистолет-огнемет.

– Привет, Грейнджер, – сказал он. – Вот мы и снова встретились, причем в самый подходящий момент.

Джордон был одет в тонкий металлический костюм, а в левой руке держал стеклянный шлем.

Грейнджер ничего не ответил.

– Ну... говорите, – резко сказал Джордон. – Скажите же что-нибудь, потому что это будут ваши последние слова на этой планете... да и на любой другой тоже.

Грейнджер сделал к нему пару шагов и остановился, когда Джор-

дон поднял пистолет.

– Вы просто трус, Джордон, – холодно сказал Грейнджер. – Вы прячетесь за женской юбкой и плетете за моей спиной интриги. Неужели вы думаете, что я испугаюсь такого, как вы, даже если у него пистолет?

Лицо Джордона передернулось.

– Не пытайтесь надуть меня, Грейнджер, – предупредил он. – Яastreлю вас, если вы сделаете еще хоть пару шагов.

Грейнджер сделал шаг вперед.

– Вы заставили Ив предать нас. Вы ненавидели ее так же, как и меня, но она не сразу поняла это. Вы играли на ее слабостях. Вы и вся ваша трусливая команда.

– Предупреждаю вас, Грейнджер. Еще шаг и... – повысил голос Джордон.

Он был в растерянности. Он должен был либо стрелять, либо убраться с дороги. И ярость его все росла.

– Я знаю все, – сказал Грейнджер. – Я гораздо старше Ив, поэтому не виню ее в том, что она бросила меня. Но выбрать взамен вас... Выходит, она была глупее, чем я думал.

Его рука, в которой был зажат тяжелый металлический шлем, поднялась вверх, готовясь ударить Джордона по голове. Он сделал последний шаг. Пистолет Джордона выбросил струю огня, но одновременно с этим что-то выскочило из-за тяжелых штор и прыгнуло Джордону на спину.

Джордон упал, и Грейнджер ударил его шлемом по лицу. Огонь лизнул тяжелый костюм и, отразившись, бессильно ударил в стену. Грейнджер опустился на колени. Джордон лежал на полу, а поперек его лежало тело Ив Грейнджер. Из щеки у нее текла кровь.

Грейнджер снял ее с Джордона и положил рядом на пол.

– Ив?

В его голосе звучала жалость.

Внезапно снаружи раздался гул, словно там взорвалась бомба. Пол содрогнулся. Грейнджер вскочил, бросился к двери и с ужасом уставился на Спаун. Небо над горой горело, точно жидкий огонь. К городу мчалось черное облако, а за ним была лишь зловещая пустота. Грейнджер бросился к лежащим на полу. Как безумный, он принялся срывать с Джордона защитный костюм. Когда удалось это сделать, он стал облачать в него безвольное тело Ив, прежде чем не стало слишком поздно. Наконец, он закрепил у нее на голове шлем, и только тогда одел собственный. Потом он сел на пол, положил ее голову себе на колени и закрыл ее руками, словно она была ребенком, и он ее защищал.

Внезапно распахнулись все окна. По зданию пронесся странный горячий ветер. Даже сквозь костюм Грейнджер почувствовал его

жар. Ветер пронесся и исчез, все опять стало тихо.

Но миновала ли опасность?

Грейнджер снял шлем и сделал осторожный вдох. Воздух уже стал нормальным, хотя пол, к которому он прикоснулся рукой, все еще был горячий. В воздухе стоял какой-то сладковатый запах, но Грейнджер предположил, что Сила уже исчезла. Однако лишняя проверка не помешает. Грейнджер подошел к телу Джордона, склонился над ним и прикоснулся кончиками пальцев к лицу. Тут же отдернул руку и отступил от трупа, хотя предполагал, чего следует ожидать. Джордон был твердый и неподвижный. На ощупь его лицо напоминало теплый камень.

Грейнджер поспешно стащил с головы Ив шлем. Ему едва хватило смелости дотронуться до ее лица, но щека была живой и теплой. Внезапно Ив открыла глаза и взглянула на него.

Она попыталась что-то сказать, и, когда он склонился над ней, в его глазах блеснули слезы.

— Я была... такой дурой... — услышал он ее тихий голос. — Я так ошиблась... с Джордоном...

Грейнджер осторожно положил палец на ее губы.

— Мне все известно, — спокойно ответил он. — Все уже кончено. Джордон мертв.

Она молчала, но Грейнджер понял, что у них появился шанс наладить семейную жизнь, и ни Филип Джордон, ни даже весь мир не смогут их теперь разлучить.

БРЕНДОН стремительно размышлял. Пока автомобиль погружался в лагуну. Вода должна быть глубокой, подумал он. Вода должна быть глубокой, иначе Сила доберется до них.

Первые секунды внутри машины было сухо, но Брендон видел, как холодная темная вода стремиться проникнуть сюда. Нужно выждать. Нужно ждать до последней секунды и молиться, чтобы Сила поскорее прошла. Он подвинулся, насколько смог, вправо, снял голову Фаун с коленей и положил на сидение. Затем он нашел носовой платок и закрыл им ее нос и губы. Девушка не шевелилась. Ее глаза были закрыты.

Брендон взглянул вверх, на поверхность воды. Внезапно она словно закипела и стала белой, покрылась пузырьками и эти пузырьки стали опускаться вниз. Брендон попытался сдержать дыхание. Становилось все жарче. Доберутся ли пузырьки до машины. Через багажное отделение начала поступать вода. Брендон услышал ее журчание и взмолился, чтобы выдержал прозрачный колпак машины.

Пузырьки не добрались до машины и внезапно устремились вверх. И тут лопнул прозрачный колпак, и тонны воды хлынули

внутрь. Брендон ударом ноги распахнул дверцу. На это понадобилась вся его сила. Крепко держа Фаун правой рукой, он выплыл из машины, чувствуя, как его охватывает ледяная вода.

Сильными взмахами свободной руки Брендон устремился вверх, на поверхность. Он уже совсем задышался, когда они выплыли на воздух. Перехватив Фаун под руки, он поплыл к берегу.

Вокруг стояла странная тишина и спокойствие. Облако исчезло, и Спаун больше не изрыгал огонь. В Лонне стояла тишина. Абсолютная тишина, подумал он, вытягивая безвольное тело Фаун на берег.

Интересно, подумал он, не опоздало ли предупреждение Ив Грейнджер?

В ЛОННЕ БЫЛ большой праздник. Люди, спасенные от ужасной Силы, были преисполнены благодарности за то, что их вовремя предупредили, и они успели скрыться в катакомбах под городом. Но хотя и теперь они мало что знали о Силе, они станут учиться, а друзья с Земли будут им помогать.

Во дворце Барбик организовал самый пышный банкет в истории Лонна. В столовом зале сновали толпы официантов, столы, покрытые прекрасными скатертями, ломились от мяса и фруктов. Гостей было мало. Сегодня вечером был специальный праздник, отмечающий помолвку принцессы Фаун, и множество поклонников потеряли последний шанс покорить ее сердце.

Барбик сидел один во главе стола, как много столетий назад сидел его отец. Фаун, еще слегка бледная, была в повязке, закрывавшей единственную рану, которую она получила из-за Силы. Рядом с ней Брендон сиял, как мальчишка, только что поймавший самую большую рыбу. Джон Грейнджер ухаживал за Ив, которая весьма изменилась. Никогда теперь она не станет искать замену Филипу Джордону. Теперь ей были не нужны все Джордоны в Солнечной системе. Слегка затуманившимися глазами она смотрела, как ее муж встал и включил видеозэкран, стоявший перед ним на столе.

Он был прекрасен, но Ив потребовались годы, чтобы понять это. Какой же душой она была! Теперь, когда он простил ей все и, фактически, рисковал своей жизнью ради ее спасения, она никогда не оставит его.

Еще две пары глаз неотрывно глядели на Грейджера, когда он начал говорить. Малышка Хадсон хорошо потрудился, помогая жителям Лонна эвакуироваться в катакомбы, да и Дженни не сидела без дела. По ее просьбе она была назначена ответственной за подготовку королевского банкета, и многие ароматные блюда были делом ее рук и ее триумфом на этом празднике.

Грейнджер нажал кнопку, экран засветился, и он начал речь.

— Никогда больше Сила не захватит Лонн врасплох, — сказал он. —

Я не оратор. Я – ученый. Но я не могу присвоить себе одному почести за спасения Лонна. – Он повернулся к Ив. – Я хочу представить свою жену Ив, которая проникла во вражеский лагерь, как разведчица, и узнала, что такое Сила. Именно ее работа дала нам время подготовить Лонн и спасти его жителей.

Ив Грейнджер достала платочек и постаралась вытереть слезы, прежде, чем их кто-либо увидел. Но никто, казалось, ничего не заметил.

– Много столетий назад, – продолжал Джон Грейнджер, в старом свете, о котором нам так мало известно, на горе под названием Мон-Пеле началось извержение, которое выбросило тысячи тонн лавы на город Сен-Пьер. Странная штука случилась в том городе. Тридцать тысяч человек извержение застало врасплох, когда они занимались своей повседневной работой. И когда пришли спасательные суда, эти люди были все еще живы, хотя и ранены. Но все они умерли, когда кончилось извержение.

Он сделал паузу, вытирая лицо носовым платком. В помещении царил полная тишина.

– Гора Спаун тоже вулкан, но мы не знали об этом. Потому что никто ее не исследовал. Спаун выбросил лаву в долину в противоположном от города направлении, и ее тоже никто не исследовал. При этом по городу пронеслась волна горячего воздуха. Без сомнения, все это вызвано чем-то, о чем мы ничего не знаем. Но все это надо понять и изучить ради безопасности будущих поколений. Странно, что горячий воздух никого не сжег. Ветер был слишком сильный, и сжечь никого не успело, однако, он заполнил легкие людей и заставил их перестать дышать. Он убил их так быстро, что жертвы замерли без всяких повреждений на теле. Смерть наступила так внезапно, что они остались, где стояли, не успев тронуться с места. Таково наше объяснение Силы, и теперь мы можем не бояться его, поскольку знаем, что надо делать.

Он замолчал и сел на место.

Поднялся Барбик и подошел к видеофону. Голос его был молод, силен и уверен, когда он обратился к своим подданным:

– Я мало что могу добавить к тому, что вам сказал Джон Грейнджер, – начал он. – Однако мы все обязаны землянам жизнью, и я счастлив, что они сегодня вечером здесь, с нами, в доме моего отца. Мы будем готовы к новым появлениям Силы, и нам поможет тот, кто обещал остаться в Лонне и выбрал его своим домом. – Он взглянул через стол на Леса Брендона. – Моя сестра, маленькая шалунья, совершила серьезную ошибку. Ошибку, которая могла стоить ей жизни, если бы не Брендон, спасший ее от Силы. Сестра осознала свою ошибку и, я полагаю, Лонн потеряет принцессу, но, может быть, однажды обретет королеву. И, возможно, в Лонне появится

много членов Королевской семьи, которые не дадут умереть династии Барбиков.

Фаун покраснела и бросила быстрый взгляд на Брендона.

— С Земли пришло сообщение, которое я сейчас прочитаю, — продолжал Барбик и достал из кармана листок бумаги.

У собравшихся за столом сделался очень удивленный вид. Об этом никто не знал.

— Сообщение от Совета Науки Земли, — сказал Барбик. — Читаю:

«Нами был получен полный отчет о действиях Западного Научно-исследовательского Фонда и деятельности Филипа Джордона. Как только сведения подтвердятся, Научно-исследовательский Фонд Уэстона будет закрыт, а сам Чарльз Уэстон и его помощники заключены в тюрьму. Настоящим сообщением Земной Совет просит Джона Грейнджера принять должность главы нового Фонда, названного Научно-исследовательским Фондом Грейнджера, с тем, чтобы он представлял Землю по вопросам науки, как член Совета Земли. Мы ждем срочного ответа».

ВСЕ ЗАГОВОРИЛИ одновременно. Джон Грейнджер взял протянутую руку жены и крепко сжал ее.

Барбик сложил послание и передал его Грейнджеру.

— «Сульфана» — ценный препарат, — сказал он. — Лонн понял это еще в те далекие времена, когда Земля была дикой. Теперь Земля хочет, чтобы «Сульфану» ей поставлял Фонд Грейнджера. Лонну будут щедро платить за нее, и наши друзья станут получать большие комиссионные. Вот и все, что я хотел сказать. Я мог бы одарить своих друзей богатыми подарками, но они отказались от них. Но, думаю, теперь все получат заслуженную награду.

Он выключил видеофон, транслировавший речь по всему Лонну, и сел.

— Теперь будем есть, — с улыбкой сказал он, — если, конечно, Фаун сможет сосредоточиться на еде.

Фаун покраснела и выдернула руку из руки Леса Брендона. Дженни Хадсон улыбнулась им материнской улыбкой.

— Мука здесь не очень хороша, — заявила она, — но я думаю, булочки мне все же удались. Только нужно переделать местную духовку. Она слишком горяча, а...

Малютка Хадсон нахмурился.

— Эй, Дженни, твои булочки самые лучшие, и ты прекрасно знаешь это. Перестань оправдываться. Все равно тебя никто не слушает...

— Закрой свой большой рот, Малютка Хадсон, — мгновенно закипела Дженни. — Может, я и не самая лучшая повариха...

Принц, счастливо улыбаясь, уже попробовал первое блюдо.

— Я считаю, что вся еда превосходна, — важно заявил он, — А по-

сколько я принц, то мое слово – закон. Так что извольте немедленно прекратить спорить.

Почти минуту Дженни Хадсон что-то негодуяще бормотала о выскочке, который подверг сомнению ее право высказывать свое мнение, но затем увидела восхищенные улыбки на лицах сидящих за столом и растаяла.

– Все будет в порядке, – тихо сказал Малютка Хадсон. – Да, сэр, все будет в полном порядке.

(Amazing Stories, 1950 № 1)

HIDDEN UNIVERSE *by* RALPH MILNE FARLEY

See
BACK
COVER

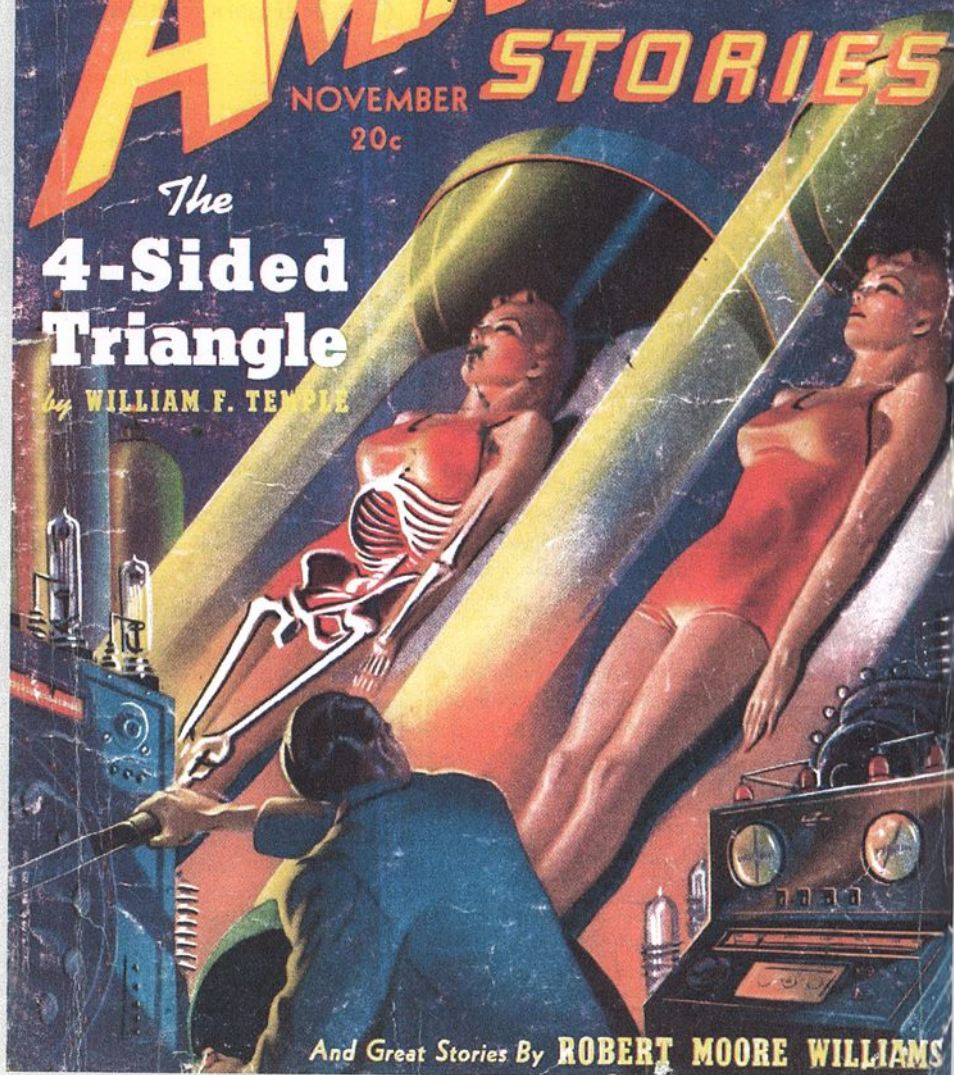
AMAZING

NOVEMBER
20c

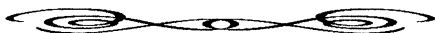
STORIES

The
**4-Sided
Triangle**

by WILLIAM F. TEMPLE

And Great Stories By **ROBERT MOORE WILLIAMS**

АРНОЛЬД ФРЕДЕРИК КАММЕР-МЛ.

ЛЕГИОН СМЕРТИ

ГЛАВА I. Ходячие мертвецы

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО Джон Уиншип, генерал-губернатор Марса, нервно барабанил пальцами по подлокотнику кресла в своем кабинете в здании Администрации, пока наблюдал, как обтекаемый сторожевой катер каналов с командой земных полицейских скользит по свинцовой поверхности Канала Хань. Четыре человека должны патрулировать область, населенную десятью тысячами марсиан! Сто тысяч землян управляют всей планетой с пятьюстами миллионами душ! А ведь он предупреждал Высший Совет Земли, что восстание будет означать конец земного правления, а, может, и вторжение на саму Землю. Он просил дополнительно людей... Людей и космических кораблей, но Высший Совет ответил ему многословным посланием на тему экономики и колониальных властей.

Стук двери прервал бурные мысли генерал-губернатора. Он обернулся с большей поспешностью, чем позволяло ему достоинство, рука сама собой опустилась на цианидный пистолет на поясе, но ему тут же пришлось смущенно усмехнуться при виде Марбурга, его личного секретаря со смиренным лицом.

– Ну? – резко спросил Уиншип. – Что еще?

– Из Псидиса, сэр, – сказал Марбург и протянул ему желтую радиogramму. – Э-э... боюсь, еще одно убийство. Помощник инспектора Аллерс.

– Аллерс? – пробормотал Уиншип. – Но... Боже! Я же только нынче утром говорил с ним по видео. Как...

– Как и все остальные, сэр, – печально покачал головой секретарь. – Убийца прошел прямо под градом пуль, застрелил Аллерса, затем прыгнул в канал. И была еще одна пропагандистская радиопередача с обращением к народу, сэр. В ней сказали, что вы следующий, и убеждали, что пора восстать.

– Восстать! – Уиншип сильно дернул себя за седые усы. – И это благодарность за то, что мы восстанавливаем здесь порядок, строим

дороги, прокладываем каналы, даем им все лучшее от цивилизации Земли! Было бы еще понятно, если бы мы были жестокими тиранами, но мы лезем из кожи вон, чтобы...

— Прошу прощения, сэр, — робко прервал его Марбург, — но здесь ждет человек, который желает вас видеть. Из штаба Межпланетной Разведки на Земле. Говорит, что это срочно.

— Гм... — генерал-губернатор беспокойно поерзал, думая об Аллере. — Вы уверены, что он... что он тот, за кого себя выдает?

— Его документы в порядке, сэр, — пробормотал секретарь. — Вы примете его?

— Ладно.

Уиншип поудобнее уселся за массивным столом и глядел, как секретарь выходит из кабинета.

Секунду спустя Марбург вернулся, сопровождая худощавого, загорелого человека в безупречном костюме.

— Мистер Ренсон, — объявил секретарь и удалился, закрыв за собой дверь.

Генерал-губернатор пристально оглядел посетителя, отметив гладкие рыжеватые волосы, резкие черты лица и ясные голубые глаза. Молодость его была несколько необычной. Его Превосходительство ожидал типичного представителя МР — вежливого, пожилого, возможно, напыщенного типа. Молодой человек больше походил на пилота космического корабля или неловкого космонавта.

— Губернатор Уиншип? — спросил представитель разведки и без приглашения уселся в кресло. — Я Ренсон... Грегори Ренсон из Земного Штаба. Меня послал Высший Совет для расследования этих убийств. Как я понял, какие-то фанатично настроенные марсиане принялись убивать наших высокопоставленных должностных лиц и подстрекать народ к восстанию. Это так?

Уиншип уныло кивнул.

— Семеро за прошлый месяц, — сказал он. — Аллерс из района Псидиса стал восьмым. И, как я понимаю, я следующий.

— Попытаемся этого не допустить. — Ренсон уставился прямо в лицо генерал-губернатора. — Как вы думаете, кто может стоять за этими убийствами?

— Любой может, — пожал плечами Уиншип. — Курлик, полусумасшедший фанатик, который, предположительно, скрывается где-то в городе. Или доктор Элат Тайн, который несколько лет назад ушел из Медицинского центра, клянясь отомстить всем землянам. Еще ходят слухи о красивой марсианке... Да что тут гадать, когда в городе живет больше миллиона? Гиффорд, один из моих лучших агентов, проверял всех этих лидеров последние две недели, и до сих пор ничего не обнаружил!

Представитель Межпланетной разведки кивнул.

– Интересно, как убийцы проходят через охрану? – задумчиво сказал он. – Почему цианидные пули не останавливают их...

ИЗ-ЗА ДВЕРИ КАБИНЕТА послышался голос Марбурга, что-то протестующе выкрикивающий, а затем чей-то более низкий, хриплый голос. Грегори Ренсон одним плавным движением поднялся на ноги, рука у него была уже в кармане куртки. Уиншип, побледнев, принялся грызть усы.

Внезапно дверь широко распахнулась, и в комнату, шатаясь, ворвался растрепанный, человек с дикими глазами. Из раны на его руке бежала кровь.

– Боже мой! – задыхаясь, выкрикнул Уиншип. – Это же Гиффорд!

– Ва...Ваше Превосходительство!.. – Человек, шатаясь, подошел к столу. – Я нашел... узнал, кто стоит за убийствами! Они идут за мной! Каналы... – Он замолчал, задыхаясь.

Худое, загорелое лицо Ренсона стало еще более суровым. Он подскочил к раненому.

– Кто? – рявкнул он. – Кто идет за вами? Быстро!

Голос Гиффорда взорвался испуганным криком.

– Мертвецы! – заорал он. – Ходячие мертвецы! Великий Боже! Он посылает их идти... идти...

Слова Гиффорда превратились в неразборчивое бормотание, колени его подогнулись и он упал на пол.

– Потерял сознание, – бросил Ренсон, опустившись перед ним на колени и торопливо перевязывая рваную рану. – Ослабел от потери крови! Чем скорее мы приведем его в чувства, тем скорее узнаем, что он обнаружил! Можно послать за врачом?

– Да, да, конечно, – пробормотал Уиншип, направляясь к двери. – Я немедленно кого-нибудь пошлю.

Оставшись один в большом кабинете, Ренсон обыскал лежащего без сознания человека. В карманах его мало что оказалось: четыре марсианских монетки в один таэль каждая, удостоверение, где говорилось, что он специальный следователь генерал-губернатора, тонкие маски-фильтры, которые носят с собой все жители Марса на случай внезапных песчаных бурь, и маленький, напоминающий брошку предмет, который сперва озадачил Ренсона. Но тут же он понял, что это одно из небольших украшений-заколов, *хатилов*, на марсианском жаргоне, которые любят носить в волосах худые марсианки.

Ренсон поднес зеленую заколку к свету, когда позади услышал какой-то звук, словно в комнаты втащилось что-то большое и неуклюжее. Легким кошачьим движением, удивительным у такого высокого человека, межпланетный агент прыгнул в сторону и резко повернулся, уже держа в руке цианидный пистолет. Его глаза, холодные, как лунный пейзаж, взглянули на окно и... с губ невольно сорвался

короткий взглас.

НА ПОДОКОННИКЕ стояла темная в фиолетовых сумерках, неподвижная, прямая фигура. Это был марсианин, гротескный, отвратительный, с влажными редкими волосами, прилипшими к выпуклому бледному лбу, в рваной одежде, открывающей его мускулистое тело. На груди у него висел маленький, не больше дюйма в диаметре, блестящий диск, а за поясом была заткнута короткая электрошоковая дубинка.

— Боже! — воскликнул Ренсон, не в силах сдержать дрожь при виде этой жуткой фигуры, затем вскинул оружие. — Стой, или буду стрелять!

Человек на подоконнике и не подумал остановиться. Неловко, неуклюже, он спустился в комнату. Голова и туловище его были неподвижными, казалось, работали лишь руки и ноги. Уставившись остекленевшими глазами в противоположную стену, марсианин походкой испорченного робота пошел через комнату.

— Стоять! — выкрикнул Ренсон. — Иначе...

Он не закончил предложение и нажал на курок.

Пистолет зашипел, точно гигантская змея. Но неуклюжий убийца не остановился. Ренсон выругался и выстрелил снова. Неповоротливый марсианин продолжал идти, направляясь к лежащему на полу Гиффорду.

Ренсона охватил панический страх. В отчаянии он сделал последние четыре выстрела по злоумышленнику... и с трудом подавил вопль ужаса! На восковом лбу неловко двигающейся фигуры были отчетливо видны шесть круглых отверстий. Шесть смертельных цианидных пуль пробили череп и вонзились в мозг, пролив туда свою ужасную кислоту! Шесть смертельных попаданий, ни единого промаха... но марсианин с неподвижным лицом продолжал идти вперед!

Пройдя шесть футов, марсианин остановился над неподвижной фигурой Гиффорда, вытащил из-за пояса электрошоковую дубинку. Неловкими движениями, словно лунатик, он включил контакт, и на конце дубинки заискрилась синяя электродуга. Медленно, какими-то рывками он стал нагибаться, направляя дубинку в лицо Гиффорда.

— Нет! Стой! — закричал Ренсон и швырнул разряженный пистолет в противника.

Пистолет с отвратительным хрустом проломил ему висок, но дубинка продолжала опускаться.

В этот момент распахнулась дверь кабинета, и внутрь ворвался Уиншип в сопровождении дюжины гвардейцев-землян.

— Ренсон! — закричал Уиншип. — Марбург сказал, что услышал стрельбу... Господи! — И он уставился на ужасного, с трудом двига-

A ghastly, dripping figure stood on the window sill

ющего марсианина.

Зашипели цианидные пистолеты охраны.

— Не стреляйте! — закричал Ренсон. — Это бесполезно! Хватайте его!

ГВАРДЕЙЦЫ не растерялись и бросились к ужасному противнику. Миг тот стоял неподвижно, подняв электрошокер, затем одним мощным движением вскочил на подоконник и прыгнул вниз. Ренсон подбежал к окну и успел увидеть, как он, подняв облако брызг, ударился о поверхность канала и тут же исчез в мутной, красновато-коричневой воде. Толпа охранников и прохожих побежала к парапету набережной. Почти пять минут, не отрываясь, Ренсон смотрел на

воду, но голова злоумышленника так и не появилась на поверхности канала.

— Что... Что тут произошло? Кто это был? — Густые брови губернатора Уиншипа сомкнулись в прямую седую линию.

— Прошу прощения, но он не представился, — сухо ответил Ренсон. — Он оставался здесь ровно столько, чтобы завершить убийство бедного Гиффорда!

— Гиффорд?! Убит?! — лицо Его Превосходительства стало пепельно-серым. — Значит, мы не узнаем, кто... И вы еще называете себя разведчиком! Вы что, не могли убить этого... это чудовище, прежде чем он добрался до Гиффорда?

— Убить? — воскликнул Ренсон. — Как я мог убить его? Губернатор Уиншип, человек, убивший Гиффорда, был *уже* мертв!

ГЛАВА II. Похищение

ПОЛОСКА НАБЕРЕЖНОЙ, лежащей между зданием Администрации и Каналом Хань, была во мраке. Вверху две луны смотрели с небес, как два мрачных глаза, придавая всей сцене налет таинственности. Вода канала была темной, с глубоким оттенком хереса, поскольку в нынешнем месяце Зак ежегодное наводнение от таяния полярных шапок несло с собой в виде осадка пыль из пустыни.

Ренсон мрачно глядел вперед. Что случилось с убийцей после его прыжка в канал? По свидетельствам многочисленных зрителей, наполнявших набережную, он так и не vyplыл на поверхность, а тральщики с полицейских лодок не обнаружили его тело.

Ренсона волновал этот вопрос. Предположим, что слова Гиффорда о «ходячих мертвецах» были просто бредом... Предположим, что шесть пуль, которые он выпустил, пролетели мимо цели, а темные пятна на лбу убийцы были просто кусочками грязи... Возможно, все это было игрой его воображения. Никакой нормальный человек не поверил бы в Немертвых. Но все же...

Внезапно Ренсон услышал шаги за своей спиной... тихие, легкие шаги! Он повернулся, всматриваясь в темноту. Стройная фигурка, одетая в белое, остановилась в нескольких шагах от него... фигурка женщины!

С космодрома стартовал очередной корабль, и вспышка его дюз на мгновение осветил набережную. При этой вспышке Ренсон увидел стройное, изящное тело, яркое лицо с алыми губами, бездонными черными глазами и модной медно-красной диадемой в волосах. Скорее всего, это земная девушка, подумал Ренсон, но коралловый оттенок кожи, а так же маленькие руки и ноги говорили о примеси марсианской крови. Не она ли владелица зеленого *хатила*, который он нашел в кармане Гиффорда? Могла ли она затеять заговор с це-

люю свержения земного правления?

Девушка подошла, и вблизи ее странная экзотическая красота заставила сердце Ренсона забиться сильнее.

— Пожалуйста. Простите меня, — заговорила она с едва уловимым акцентом. — Я... Я должна была встретить кое-кого на набережной... Друга. — При этом щеки ее слегка порозовели. — А когда я проходила мимо зарослей кустарника, то увидела в них что-то... что-то ужасное. Человек. Мертвец. С шестью дырками во лбу... — Голос девушки прервался. — Скажите, что мне делать? Вызвать земную полицию или... что?

— Мертвец!

Ренсон проследил за пристальным взглядом девушки, уставившейся на заросли кустарника у края воды. Мертвец с шестью пулевыми отверстиями в голове! Возможно, это убийца, который как-то ускользнул от поисковиков и уполз в кусты, чтобы там окончательно умереть?

— Пойдемте, — сказал он. — Давайте посмотрим.

Девушка кивнула, и с напряженным, будто от страха, лицом проводила его по набережной. Дойдя до зарослей, Ренсон увидел, что под кустами действительно лежит какое-то неподвижное тело.

— Видите? — сдавленным голосом сказала девушка.

Ренсон опустился на колени и перевернул тело. Оно было холодным, негнувшимся и без сомнения мертвым. И так же без сомнений было ясно, что это именно тот человек, который убил Гиффорда. А осмотр тела мог бы показать...

— Ах! — резко воскликнула позади него девушка.

И в ту же секунду мертвое тело ожило какой-то конвульсивной жизнью. Две ледяные руки стиснули Ренсону горло, схватив его со сверхчеловеческой силой. Пока Ренсон изо всех сил пытался разжать эту хватку, девушка с лицом, превратившимся в безжизненную маску, шагнула вперед с чем-то блестящим в руке. Она быстро нагнулась, и Ренсон почувствовал боль от иглы, вонзившейся в руку.

Трудно сказать, подействовал ли препарат или пережатое горло, но через мгновение Ренсон почувствовал, что он лишился всех сил.

В глазах начало темнеть.

Сквозь серый туман он увидел, как девушка нырнула в заросли, достала оттуда два странных прозрачных шлема и надела один себе на голову. Потом осторожно посмотрела из кустов вверх и вниз по каналу. В этот поздний час канал был пуст. Где-то далеко вверх по течению мурлыкал патрульный катер, но сюда он не доберется раньше, чем через пять минут. Ренсон почувствовал, как девушка и ее ужасный спутник одевают ему на голову второй шлем и тащат оцепенелое тело к воде. Затем он стал падать... падать во влажной тьме, пока его ноги не коснулись илистой слизи на дне канала.

Ошеломленный, Ренсон стал вглядываться сквозь темную воду. С одного бока его поддерживала девушка, ее свободная одежда прилипла к телу, а голова, как и его собственная, была в прозрачном шлеме. С другой стороны его держал крупный марсианин с неподвижным лицом. Шлема на его голове не было, но он, казалось, вообще не обращал внимания на воду. Ренсон уставился на него, изумленный, не веря своим глазам, и в это время патрульный катер с ревом промчался у них над головами, взбаламучивая воду канала. Еще мгновение Ренсон видел глубокие глаза девушки, глядящие на него с какой-то надеждой, а затем подействовал наркотик, который она ввела ему в руку. Еще у него осталось мимолетное воспоминание о том, как похожий на робота марсианин тащит его вглубь канала, а затем темнота в воде слилась с темнотой в его мозгу...

ГЛАВА III. Немертвые

И БЫЛ СВЕТ, яркий, слепящий свет, прорвавшийся сквозь темноту и вернувший в сознание Грегори Ренсона. Медленно, с трудом, Ренсон принял сидячее положение, начиная понимать, что руки и ноги у него связаны. Внезапно он осознал, что кто-то говорит рядом на ясном, шипящем марсианском языке:

— Завтра наступит новый рассвет Марса! Будьте готовы!

Ренсон встряхнулся и огляделся. Он был в большом, ярко освещенном помещении. Стены без окон были усеяны бисеринками влаги, словно они находились под землей. В одном конце помещения стояла спутанная масса катушек, ламп и конденсаторов, очевидно, это был какой-то передатчик. В центре аппарата светились шесть видеоз экранов, под ними Ренсон разглядел сложную панель с рычагами и кнопками, напоминающую клавиатуру какой-то громадной пишущей машинки.

В другом конце комнаты было с полдюжины высоких дверей, мало чем отличавшихся от дверей шкафов. Возле них сидела темноглазая девушка, задумчиво глядя на землянина. Выражение ее глаз было загадочным. Затем ясный голос снова заговорил:

— Повторяем наше сообщение для жителей Марса! Завтра в девять часов вечера будет дан сигнал к началу революции! Уиншип, губернатор-землянин, будет произносить речь на открытии нового канала Джерала! Сразу после своей речи он будет убит! Это доказательство нашей силы и будет сигналом к восстанию! Пусть не останется в живых ни единого землянина! А затем, при помощи земных кораблей и их самих, мы нападём на Землю! Помните, никакой пощады землянам!..

— Нет! — Ренсон с криком повернулся и увидел позади себя человека, говорящего в микрофон. — Это ложь! Земля реконструирует

старый Марс! Мы...

Человек с микрофоном мгновенно выключил передатчик.

— Было невежливо прерывать меня, — мягко сказал он. — Не говоря уж о том, что это бесполезно. Я передавал это сообщение с перерывами последние двенадцать часов!

Рэнсон окинул его взглядом. Это был марсианин с красной кожей, впалой грудью и круглой лысой головой. Одет он был в запятнанную белую блузу, которая, наряду с сутулыми плечами, выдавала в нем ученого... Правда, этому впечатлению несколько противоречили сильные, развитые мышцы его рук.

Однако, внимание Рэнсона привлекло его лицо. Оно было мягкое и учтивое, но что-то неуловимо злое мелькало в его переливающихся глазах, тонких губах и выдающихся скулах. К тому же, игра теней и света на его лице превращала его в дьявольский, сатанинский лик.

— Разрешите представиться. Я доктор Элат Тайн. А это, — он подошел к девушке, — моя дочь Зейла.

Рэнсон невесело улыбнулся.

— Мы уже встречались с вашей дочерью, — сказал он. — Возможно, вы объясните, зачем вы притащили меня сюда.

— Это польстит вам, мистер Рэнсон, — серьезно кивнул марсианин. — Я просто боялся вас! Вы первый поняли, что мои слуги, н-ну, не совсем живые. Безусловно, глупец Уиншип посмеялся над вами, но я все равно волновался, что другие могут поверить вам и нарушить мои планы. А также, глазами моего слуги мы видели, что вы нашли зеленое украшение, которое столь небрежно потеряла Зейла, и могли через него выйти на нее. И, следовательно, я должен был вас... как это на земном языке?... Ах, да, похитить!

— Значит, я был прав, — прищурился Рэнсон. — Человек, убивший Гиффорда, был уже мертв, когда забрался в кабинет через окно! Но как же...

— Как и все другое на Марсе, — сардонически хихикнул доктор Тайн. — Но если серьезно, мистер Рэнсон, вы когда-нибудь изучали, какая квалификация необходима для политического убийцы? Я подробно рассматривал этот вопрос, когда решил устранить лидеров земного правительства и освободить Марс! — В его глазах вспыхнули огоньки фанатика. — Главное, необходима невероятная храбрость, поскольку такие попытки, как правило, самоубийственны. Так же нужна сверхчеловеческая сила и выносливость, чтобы убийца смог пройти к цели сквозь огонь охраны. И, наконец, он не должен начать говорить, если будет схвачен.

— Значит, вам был нужен робот, — сухо заметил Рэнсон.

— Верно, — кивнул доктор. — За исключением того, что настоящий робот был бы битком набит аппаратурой, которую трудно создать и легко вывести из строя. Значит, он был бы бесполезен для моей

цели. Но посмотрите на совершенство человеческого трупа. Мертвец никогда ничего не расскажет и не ведает страха.

Ренсон непонимающе глянул на насмешливое лицо марсианина.

— Но даже органы мертвеца должны растворять пули с цианистой кислотой, — сказал он.

— Это только если у него есть органы, мистер Ренсон! — Доктор энергично потер руки. — Только если у него есть органы! Зейла, покажи землянину Номер Четыре!

Ренсон смотрел, как девушка двинулась к ряду шкафов, и невольно напряг мускулы. Какой ужас, подумал он, таится за их дверями?

Дверь шкафа с лязгом распахнулась. Ренсон подался вперед. В падающем из комнаты свете была хорошо видна неглубокая ниша. И в ней стояло вертикально человеческое тело, с бледной, чуть красноватой кожей и глазами, невидяще уставившимися вперед.

— Номер Четыре, — промурлыкал доктор Тайн. — Превосходный экземпляр! Смотрите!

Он повернулся и подошел к сложному аппарату в другом конце комнаты. Раздался высокий гул, затем что-то зашумело. Между медными проводниками затанцевали искры, засветились радиолампы, пахло озоном. И Ренсон с трудом сумел подавить крик. Потому что труп шевельнулся!

Неуклюжими, отрывистыми движениями, подобно роботу, мрачная фигура вышла из шкафа, сделала четыре шага вперед и остановилась.

— Вот так! — воскликнул марсианский ученый, поворачиваясь от клавиатуры. — Сейчас вы видите один из моих инструментов смерти! Я делаю мертвых снова живыми! Созданная мною жидкость заменяет кровь в их венах, сохраняя ткани, но предотвращая окостенение смерти. Все лишние органы удалены. Мне нужны только мышцы, кости и нервы. Пусть пули проходят через тело и голову! Пока они не перережут нервы ног, рук и позвоночника, мои марионетки будут продолжать действовать. Вот смотрите! — Он подскочил и разорвал рубашку на спине Номера Четыре.

В синевато-багровую плоть была вмонтирована плоская квадратная коробка.

— Вот это и есть моя тайна! Крошечная батарейка, испускающая электрические импульсы, подобно тем, какие посылает мозг. Импульсы идут в командный центр в позвоночнике и приказывают мышцам работать! Вот здесь, — он коснулся блестящего диска, висевшего на шее мертвеца, — фотоэлемент, миниатюрная телекамера! Через нее я могу наблюдать за движением своих слуг. — Марсианин ткнул рукой в сторону шести видеоэкранов на стене. — Я смотрю, куда они направляются. И управляю ими при помощи коротковолнового передатчика, точно также, как корабли и самолеты могут управ-

ляться по радио! Я выбрал специальную частоту – 6, 1284 метра, – на которой не работает никакое коммерческое вещание. Смотрите на Номера Четыре!

Доктор Тайн нажал что-то на большой клавиатуре. Мертвец отозвался, подняв руку приветственным жестом. Другая кнопка – и Номер Четыре сделал шаг вправо.

– Видите? – рассмеялся ученый. – Я хозяин марионеток! Пришлось много попрактиковаться, чтобы научиться управлять сразу шестью своими слугами. Завтра я пошлю своих био-роботов, чтобы убить генерал-губернатора Уиншипа! Они не знают страха, будут молчать, если их схватят, и почти неуязвимы, поскольку охранники приучены стрелять в голову и туловище. Устранение Уиншипа даст сигнал к восстанию, и марсиане освободят свою планету! Бледные отродья Земли будут уничтожены, а сама Земля захвачена и покорена! Каждый человек, которого мы потеряем, будет возвращен к жизни, как находящиеся здесь, и снова послан в битву. Мы не сможем проиграть!

Элат Тайн сделал паузу, на его лице было написано ужасающее ликование.

РЕНСОН ОБВЕЛ взглядом помещение.

Он был уверен, что доктор просто безумен. Земное правление было самым большим благом, которое когда-либо получал Марс. Но воинственные марсиане были по натуре своей беспокойной публикой и вечно стремились к анархии. С убийством Уиншипа, несомненно, началось бы восстание. Если он, Ренсон, не сумеет как-то остановить зомби безумного доктора.

Одним прыжком Ренсон соскочил со стола и, едва устояв на связанных ногах, запрыгал к спутанной массе аппаратуры. Только бы он успел прыгнуть в гущу хрупких ламп и проводов, разнести их к чертям собачьим! Тайн и Зейла, стоящие в другом конце помещения, не успели бы его перехватить. Еще пара скачков со связанными ногами, и...

Уголкем глаза Ренсон заметил, как доктор принялся нажимать кнопки на клавиатуре. Тут же Номер Четыре неуклюже прыгнул вперед и оказался между Ренсоном и его целью. А секунду спустя холодные, липкие пальцы схватили его за руки. В этих объятиях он был беспомощен.

– Ха! – воскликнул Елат Тайн, искривив лицо в сардонической усмешке. – Вы оценили эффективность моих марионеток? Скоро вы присоединитесь к их компании. Поскольку вы землянин, то из вас получится хороший шпион, которого мы пошлем вперед, до нашего вторжения на Землю. – Он открыл дверь, за которой оказался темный проход. – В конце этого туннеля есть маленькая клетка, в кото-

рой мы храним наши инструменты до их... преобразования. Номер Четыре ответит вас туда!

Ренсон увидел, как доктор нажал кнопку, и почувствовал, как его легко поднял био-робот. Мелькнула еще одна усмешка Тайна и загадочное, как у сфинкса, выражение лица Зейлы, а затем его уволокли в темноту туннеля.

ГЛАВА IV. Бегство

КЛЕТКА БЫЛА темная, скрытая в бархатной тени. Ренсон без устали шагал взад-вперед по ней, лицо его осунулось. События последних двадцати четырех часов вспыхивали у него в голове, как картинки в калейдоскопе. Ходячие мертвецы! Молчаливые, страшные, неуязвимые... они идут по дну канала к своей цели, проходя через град пуль и убивают...

Вспыхнувший свет и звон ключей прервали спутанные мысли Ренсона. Перед клеткой стояла Зейла.

— Я вижу, вы уже освободили руки, — пробормотала она.

— Верно! — кивнул Ренсон, мельком взглянув на свои ободранные запястья. — Бездарные узлы! Жаль только, что дверь клетки оказалось не так легко открыть!

Темные глаза девушки внимательно осмотрели его.

— Это бесполезно, — сказала она. — Даже если сбежать из клетки, то главный вход в пещеру всегда заперт. Мы обязаны победить. Через полчаса наши слуги выйдут, чтобы убить Уиншипа. К рассвету вы будете единственным живым землянином на Марсе! И все же у вас может быть... шанс...

Ренсон прижался к прутьям дверей клетки. Свет от лампы девушки замерцал на его больших золотых часах.

— Шанс? — повторил он.

Зейла придвинулась поближе, экзотичная, обольстительная.

— Завтра мы уже будем праздновать победу, — воскликнула она. — У вас нет никаких шансов на спасение. Но все же... Присоединяйтесь к нам, дайте нам всю информацию о Межпланетной Разведке, обороноспособности Земли, и вас не преобразуют в очередную марионетку! Посмотрите на меня, Грегори Ренсон! В моих венах течет и земная кровь... Я не уродливая марсианка! Скоро мой отец станет самым влиятельным человеком в Солнечной системе, а его приближенные разделят с ним всю полноту власти! Либо вы погибнете, оставаясь на уже проигравшей стороне, либо получите жизнь, положение и... любовь!

— Любовь? — голос Ренсона пресекался. — Зейла! Я... Я...

— Вы согласны? — девушка подошла еще ближе к дверце клетки, ее яркие губы разошлись в нетерпеливой улыбке. — Я научу вас не-

навидеть... ненавидеть всех остальных землян! Они станут нашими рабами, рабами Марса!

Ренсон глядел в глаза девушке, пока она говорила, а в это время медленно, незаметно его пальцы ползли к часам на его правом запястье. Внезапно они крутанули их заводную головку. Желтоватое облако газа, находящееся в часах под давлением, ударило стружкой, окутав голову девушки.

СДЕЛАВ ШАГ назад, Ренсон смотрел, как Зейла открыла рот, пытаясь закричать, но еще больше глотнула смертельный газ. Красота девушки исчезла словно по волшебству, глаза наполнились ненавистью, лицо исказилось от гнева. Она впиалась взглядом в Ренсона, но тут газ подействовал, и она мягко упала на пол.

— Как видите, — тихонько хмыкнул Ренсон, — у МР есть еще несколько уловок, неизвестных на Марсе!

Опустившись на колени, он просунул руку сквозь прутья и сорвал связку ключей с пояса девушки. Мгновение спустя дверь клетки была отперта.

Ренсон поспешно связал Зейлу своими веревками, сунул ей в рот носовой платок и затащил в клетку. Чуть подождав, пока газ рассеется, он отправился по коридору. Дверь в конце коридора была приоткрытой, Ренсон осторожно заглянул в щелку. Лаборатория Элата Тайна была пустой и выглядела мрачной при свете единственной горевшей лампы. Ренсон бесшумно вошел.

Попробовав внешнюю дверь, он обнаружил, что она заперта. И к ней не подошел ни один из ключей, которые он забрал у Зейлы. Девушка оказалась права, сказав, что побег из клетки будет бесполезен. Он никак не мог выбраться на волю и предупредить землян. Даже электропитание радиопередатчика было отключено каким-то потайным выключателем.

Натянуто улыбнувшись, Ренсон взял с верстака тяжелый молоток и подошел к коротковолновому устройству, управлявшему роботами. Он понимал, что если разобьет его, то это лишь отсрочит убийство Уиншипа. Тайн мог собрать новое устройство. У него даже могло оказаться запасное. И все же, при данных обстоятельствах, это было лучшее, что он мог сделать. Ренсон мрачно поднял молоток, но в последнюю секунду передумал.

В голове у него появился план, дикий, отчаянный план, но если он удастся, то Ренсон сумеет сбежать из этой дьявольской подземной мастерской, и не только предупредить Уиншипа, но и привести сюда отряд землян, чтобы захватить марсианского ученого. Он поспешно положил молоток, подошел к ряду шкафов и открыл один наугад.

Обитатель шкафа номер один был высокий и стройный. Длинный свободный пылевик *шала* висел на его жесткой, стоящей прямо фи-

гуре, капюшон скрывал ужасное бледное лицо. Ренсон быстро вытащил мертвеца из ниши, снял с него одежду и висевшую на шее камеру. Затем, связав ему конечности, чтобы он не мог выполнить приказания доктора, он отнес мертвеца в коридор и положил в клетку рядом со спящей Зейлой. Потом запер клетку и вернулся в лабораторию.

ДОЛГО ЖДАТЬ Ренсону не пришлось. Едва он успел одеть одежду мертвеца, залезть в шкаф и закрыть дверцу, как в лабораторию вошел Элат Тайн, сопровождаемый приземистым марсианином с выпученными глазами. На обоих были прозрачные шлемы, с которых еще стекала вода.

— Теперь все, Ханно, — доктор снял шлем и сменил свой промокший *шала* на сухой, который висел на стене. — Все готово. Через пять минут я pošлю своих слуг для выполнения этой задачи.

— Прекрасно! — пробормотал приземистый марсианин. — Наши люди уже ждут! Они нуждаются лишь в демонстрации вашей силы! Если вы выполните обещанный план, то они начнут восстание! Но если вы потерпите неудачу...

— Я не потерплю неудачу, — мрачно сказал Тайн. — Откройте шкафы!

Ренсон замер, сердце его забилося сильнее. Через мгновение он услышал скрип дверцы и увидел, как она открывается. Лаборатория была в тени, лишь в дальнем ее конце, где горела лампа, Элат Тайн, сумасшедший с дикими глазами, нажимал кнопки своего устройства. Доктор обернулся, быстрым взглядом окинул мрачные фигуры в нишах и рассмеялся.

— Подумайте, Ханно! — пробормотал он. — Мертвецы должны убить Уиншипа! Его смерть послужит сигналом к восстанию! И я, хозяин марионеток, стану управлять Марсом!

Пока он говорил, его плоские пальцы бегали по рядам кнопок на панели управления. Медленно, неуклюже, шесть фигур вышли из шкафов. Ренсон, расставив руки в стороны и выпрямив спину, повторял движения гротескных фигур рядом с ним. Внезапно заговорил спутник Тайна:

— Вы забыли дать им оружие! Как же они убьют...

— Вы просто дурак! — высокомерно бросил доктор. — Вода повредила бы его! Мой человек даст им оружие, когда они выйдут на сушу! — он снова занялся клавиатурой устройства.

Сердце Ренсона упало. Вода! Она не имеет значения для этих человекоподобных роботов, но если ему придется идти по подводному туннелю... Однако, теперь было слишком поздно останавливаться. Тайн и его компаньон, несомненно, вооружены. Фигура, стоящая впереди, внезапно двинулась вперед тяжелыми, неуклюжими ша-

гами, и Ренсон автоматически последовал ее примеру.

Они прошли через дверь и направились по коридору. Голос Тайна и огни лаборатории остались позади. Внезапно Ренсон напрягся. Его ноги коснулись воды!

Наклонный проход шел вниз. По мере того, как они шли, вода поднималась, достигая колен, бедер, подмышек... Мрачные человекоподобные роботы бездумно шагали вперед. Вода дошла уже до шеи, до подбородка... Ренсон сделал глубокий вдох. Возвращение означало верную смерть, и он поплыл следом за шагающей неуклюжей фигурой.

ТЕПЕРЬ ВСЕ зависело от того, хватит ли в легких воздуха. Вода достигла потолка туннеля. Ренсон отчаянно плыл вперед, хотя тяжелая одежда тянула его вниз, к тому же, сказывалось напряжение последних двух дней. Легкие разрывались, огненные круги плыли перед глазами. Время от времени он вскидывал вверх руку, но она все еще упиралась в свод туннеля.

Наконец, когда, казалось, туннелю не будет конца, Ренсон почувствовал, что устремляется вверх. Мгновение спустя голова его выскочила из воды, и он стал с жадностью глотать прохладный, разреженный воздух. Потом доплыл до берегового откоса и лег, задыхаясь. Оглядевшись, он определил, что находится на небольшом боковом канале, по обеим сторонам которого тянулись темные склады и элеваторы с зерном. Запахи специй, ароматического венерианского табака и юпитерианской *кавы* смешивались со зловонием канала.

Ренсон поднялся, преисполненный ликования. В настоящее время пять био-роботов шли по дну канала к новому Джералу, на открытии которого Уиншип должен произнести речь. Нужно было только идти вдоль канала, пока он не встретит патрульный катер или станцию монорельсовой дороги, чтобы уведомить власти...

Внезапно взгляд Ренсона упал на блестящий диск камеры, висевший у него на шее, дополняя его маскировку под зомби. Через него Элат Тайн мог наблюдать за действиями своих марионеток на шести экранах, висевших над пультом управления. Должно быть, он уже знает, что одна из них не подчиняется его приказам, а ведет себя самостоятельно.

А теперь, пока он смотрит на диск, Тайн увидит его лицо и узнает его...

Ренсон поспешно сорвал с шеи диск и швырнул в канал. Было упущено много времени, пока он лежал на берегу, восстанавливая дыхание, и это оказалось фатальным. Элат Тайн уже действовал. Как только Ренсон бросил диск в канал, из воды высунулась мертвенно-бледная костлявая рука и схватила его за лодыжку. Ренсон отчаянно рванулся назад, но преуспел только в том, чтобы вытянуть

противника на берег. Если он ничего не перепутал, это был Номер Два, мертвец, место которого он занял. Значит, Тайн развязал его и отправил в погоню!

Когда они с противником покатались по земле, Ренсон машинально нанес тому град ударов, ударов, которые не произвели ни малейшего впечатления на мокрую, холодную плоть. Тогда он вспомнил, что био-роботы не чувствуют боли! В отчаянии он сменил тактику и попытался отшвырнуть противника, но сила у зомби была гораздо больше, чем у человека. Широкая рука схватила Ренсона за лицо, закрыв нос и рот. Напрасно землянин наносил противнику удары ногами. Ребра того трескали. Кожа рвалась, но хватку он не ослаблял.

Пытаясь вдохнуть воздух, Ренсон принялся бить кулаком по квадратному устройству на спине противника. Ударил раз, второй, и, когда уже черный туман заслал глаза, нанес третий удар. При этом ударе что-то хрустнуло, будто сломался какой-то тонкий механизм. Едва-едва, словно из неимоверного далека, до Ренсона донесся вой полицейской сирены катера, а затем он потерял сознание.

ГЛАВА V. Восстание зомби

РЕНСОН ОТКРЫЛ глаза и увидел худощавого, седого человека в форме земной полиции, стоящего рядом. Еще несколько человек стояли в большой комнате с белыми стенами.

— Он пришел в себя, — пробормотал человек в форме, затем обратился к Ренсону. — Вас подобрал один из наших патрульных катеров. Вы почти час находились без сознания. Что все это значит? И кто этот человек? — он указал на жесткое, неподвижное тело зомби.

Ренсон попытался стряхнуть паутину, окутавшую мозг, и встал на ноги.

— Быстрее! — пробормотал он. — Заговорщики хотят убить губернатора... Нужно немедленно действовать!

Один из мужчин на заднем плане громко рассмеялся.

— Довольно убедительно для канальной крысы! — сказал он. — А, капитан Максвелл?

Ренсон, шатаясь, пересек комнату и ткнул грязными пальцами в лежащий на столе листок бумаги.

— Вот! — сказал он, протягивая листок седому. — Сравните этот шрифт с числом 132-А в вашей папке из МР! Быстрее!

— Что? Межпланетная Разведка? Ждите здесь! — приказал капитан Максвелл и вышел из комнаты.

Когда он вернулся, в его поведении произошли значительные изменения.

— Простите, мистер Ренсон, — пробормотал он. — Я не знал...

– Пропустите! – рявкнул в ответ Ренсон. – Нужно немедленно предупредить губернатора Уиншипа! Его собираются застрелить, как только он начнет свою речь! И его смерть явится сигналом для восстания, которое будет стоить жизни всех землян на Марсе!

– Уиншип... Восстание... О, Господи! – капитан Максвелл ринулся через комнату к большому экрану на стене.

Он нажал кнопки, и на экране возникло цветное изображение. Марсианская равнина, голая, растрескавшаяся от засухи, через которую тянулся широкий канал, пока что без воды. В конце канала были массивные шлюзы, сдерживающие водный поток, который вскоре должен хлынуть в пустой канал.

Шлюзы окружала огромная толпа краснокожих марсиан, тихих, напряженных, словно чего-то ждущих. На возвышении, окруженном вооруженными охранниками, сидел Уиншип и несколько земных чиновников. У микрофона стоял тучный, напыщенный человек, произносящий многословную вступительную речь.

Капитан Максвелл покачал головой.

– Ни единого шанса, – пробормотал он. – Предупреждения уже бесполезны, даже если бы мы могли связаться с ними. Они в ловушке, окружены! Они обречены, даже если попытаются убежать! Боже! Ходили же слухи о некой секретной радиопередаче, убеждающей марсиан начать восстание, но мы не верили... – Он повернулся к своим людям. – Всем самолетам на взлет! Быстрее!

– Бесполезно, – покачал головой Ренсон. – Нужно пятнадцать минут, чтобы вывести самолеты из ангаров, запустить двигатели, поднять машины в воздух. И им еще десять минут лететь до равнины! Положим на это полчаса. К тому времени... – Он уставился на телеэкран.

Пять фигур,двигающихся в унисон, пролагали себе путь в толпе, направляясь в платформе спикеров. Пять неуклюжих фигур, лица которых были скрыты капюшонами пылевиков!

Внезапно пристальный взгляд Ренсона упал на коротковолновую радиостанцию в другом конце помещения. Радист передавал распоряжения командирам самолетов.

– Капитан Максвелл! – воскликнул Ренсон. – Есть один шанс... Безумный, отчаянный шанс спасти губернатора и всех землян, находящихся на Марсе! Мне нужны все ваши техники. Немедленно! Действовать придется быстро!

РАВНИНА ПЕРЕД шлюзами Джерала казалась прозрачной в ярком свете прожекторов. Толпа марсиан молчала. Они ждали, холодно глядя вперед выпуклыми зелеными глазами. Губернатор Уиншип беспокойно ерзал на стуле, пока толстяк перед микрофоном заливался соловьем:

— ...человек, который то-то... и то-то... и то-то...

Генерал-губернатор хмурился. Весь день ему сообщали слухи о готовящемся на него покушении, о всеобщем восстании, и только смело появившись здесь, несмотря на угрозы, он рассчитывал удерживать власть в своих руках. Малейший признак слабости, трусости, нерешительности означал бы крах престижу землян. А этот престиж нужно поддерживать, пока Марс не станет единым сильным государством.

А пока спикер продолжал свое бесконечное вступление, Уиншип думал о смерти Аллерса, Гиффорда, об ужасном убийце у него в кабинете. Если бы только он мог обнаружить, кто стоит за этими убийцами... Внезапно до него дошли заключительные слова оратора:

— А теперь я имею честь представить Его Превосходительство, генерал-губернатора Марса!

Уиншип взмог на трибуну, бледный, но решительный. Вздвинутое бормотание пробежало по толпе марсиан, они подались вперед, к платформе, как приливная волна, готовящаяся накрыть группу землян. Долгий момент Уиншип неподвижно стоял в свете прожекторов, глядя на угрюмую, снова притихшую толпу. Внезапно он заметил пять неподвижных фигур в первом ряду. Они стояли, как статуи, расставив руки, и невидяще глядели вперед. Холодный пот покатился по лбу Уиншипа. Эти фигуры были совсем как тот, кто убил Гиффорда...

Губернатору показалось, что он буквально видит марсиан в каждом городе, в каждом поселке Марса, собравшихся у телеэкранов, ожидая сигнала к восстанию.

Его смерть погнала бы всех на улицы, чтобы убивать, уничтожать ничего не подозревающих землян. И конец господства Земли в Солнечной системе! И все же он должен пройти свой путь до конца, в надежде, что...

УИНШИП ЗАГОВОРИЛ, и в голосе его послышалась сила, которую он вовсе не чувствовал.

— Люди Марса! — начал он. — Мы собрались здесь, чтобы...

Голос его прервался. Пять фигур пришли в движение и в странном унисоне направились к окружавшим платформу охранникам.

Тишина, невероятная в такой громадной толпе, повисла над равниной. Охранники, выхватив цианидные пистолеты, закричали, приказывая странным мрачным фигурам остановиться. В ответ на это пять костлявых рук единым движением нырнули под одежду и появились уже с пистолетами. Тысячи ожидающих марсиан не издали ни единого звука.

Капитан земных охранников выкрикнул резкий приказ, раздалось смертоносное шипение пистолетов. Но пять фигур продолжали идти

к платформе!

Охранники губернатора дали второй залп. Первые два зомби были изречены пулями, головы их превратились в неузнаваемое месиво, но они продолжали идти навстречу выплевывающему смерть оружию. Землян охватила паника. Роняя пистолеты, они бросались на землю и закрывали голову руками.

На платформе молча стоял перед микрофоном Уиншип. Платформу окружала густая толпа безразличных, неподвижных марсиан, так что бегство было невозможно. Пять ужасных фигур подошли к ведущей на платформу лестнице и принялись подниматься по ней. Губернатор в испуганном недоверии уставился на них. Это были мертвецы, ходячие мертвецы, теперь он отчетливо видел это. Ренсон из Межпланетной разведки говорил как раз про это.

Если бы он, Уиншип, не отнесся бы тогда так скептически к его словам...

Пять кошмарных существ с изорванными пулями мясом и костями, шли прямо на него. Медленно поднимались их руки, державшие цианидные пистолеты. Уиншип гордо сложил руки на груди. Лучше умереть, чем мужчина, чем попытаться прыгнуть с платформы и быть разорванным толпой на кусочки. По крайней мере, пули с цианидной кислотой быстры и милосердны.

Свистящее шипение побежало по толпе, точно ветер:

— Смерть землянам! Люди Марса, восстаньте! Восстаньте!

Пять изуродованных рук направили пистолеты на Уиншипа. Их ужасные лица были бесстрастны. Еще секунда...

Внезапно крики удивления и отчаяние полетели над толпой и эхом отозвались по равнине. Губернатор глянул вперед, и у него перехватило дыхание. Ужасные фигуры, казалось, внезапно сошли с ума! Они стали неуклюже прыгать и плясать на платформе, размахивая костлявыми руками и топоча ногами в жуткой пляске. Они гротескно пинали воздух, корчились и бессвязно жестикулировали. Неуклюжие, изрешеченные пулями мертвецы кружились, как дервиши! Некоторые уронили пистолеты, другие стали палить, куда придется — в небо и в толпу. По равнине понеслись крики и стоны.

— Элат Тайн потерпел поражение! — закричал вдруг кто-то. — Они стреляют по нам! Его армия мертвецов бесполезна!

Уиншип принялся выкрикивать приказы, и ударившиеся в панику охранники пришли в себя. Они набросились на скачущие и пляшущие фигуры, повалили их и надежно связали. Только они с этим закончили, как в небе появились десятки огоньков. Это реактивные самолеты с полным боезапасом бомб, неслись к равнине, как угрожающая стая воронов, и выхлопы дюз их двигателей окрасили толпы марсиан в багровые тона. Расправив плечи, губернатор подошел к микрофону.

– Люди Марса! – начал он. – Мы собрались здесь на открытие нового канала, который является продуктом ума и труда землян и который, мы надеемся, будет служить с большой выгодой для наших братьев-марсиан. Вместе наши планеты...

ГЛАВНЫЙ КАБИНЕТ в здании Администрации был залит ярким утренним светом. Его Превосходительство, генерал-губернатор, смотрел из-под седых бровей на стоящего напротив его высокого человека.

– Вы видели мои радиogramму в штаб МР, мистер Ренсон, – серьезно сказал он. – Я также хочу принести личные извинения...

– Забудьте об этом! – усмехнулся Грегори Ренсон. – Не стоит винить себя в том, что вы подумали, будто я чокнулся. Мне и самому было трудно поверить в ожившие трупы!

– Ужасно! – Губернатор передернул плечами. – Но я так и не понял, как вы сумели их остановить?

– Очень просто, – пожал плечами Ренсон. – Тайн сказал мне, что управляет ими на коротких волнах длиной 6, 1285 метров. С помощью техников капитана Максвелла, я перестроил полицейскую радиостанцию с обычных 10 метров на частоту доктора Тайна. Сделать это было нетрудно. Наши сообщения «засорили» эфир и исказили передачи доктора, заставив его био-роботов понервничать. Единственно, мне жаль, что Элат Тайн сбежал. Думаю, когда он увидел, что его зомби вышли из-под контроля, то понял, что мы придем за ним. А пока мы достали водолазные шлемы и нашли подводный вход, они с дочерью смылись вместе со всеми бумагами и оборудованием.

– Не волнуйтесь о Тайне, – рассмеялся губернатор. – Его сообщники убеждены, что он просто предал их! Теперь он долго не посмеет показаться на Марсе!

(Amazing Stories, 1939 № 11)

STRANGE ADVENTURES ON OTHER WORLDS—

SEPT.

25¢

PLANET stories

TRADE
MARK
REG.

A.N.C.

The Flinx had abducted
Earth's womankind. A
few escaped—to become
beautiful, trampling,
man-stealing monsters

The INCUBI of PARALLEL X

A Novel of Interlocking Worlds
by TED STURGEON

VENGEANCE ON MARS! by D. B. LEWIS

Д. Б. ЛЬЮИС (ДЖЕРОМ БИКСБИ)

ВОЗМЕЗДИЕ НА МАРСЕ

ХЭЙЛ СЪЕХАЛ с древнего пластикового шоссе и заглушил двигатель. Его одноместный «жук» подпрыгнул, колеса зашелестели, когда он покатился по песку под уклон, мимо могучих кактусов, казавшихся в ночной темноте громадными космическими кораблями. Хэйл затормозил и вышел из машины, крупный, длинноногий, и встал так, чтобы автомобиль был между ним и марсианским водным храмом, расположенным неподалеку, там, где начинались пустынные дюны. Дикость какая-то, подумал Хэйл, бояться, что Ренди может меня застрелить.

— Лучше уйди с освещенного места, Хэйл, — раздался откуда-то из тени голос Уэйса. — «Жук» не заслонит тебя от луча бластера.

Хэйл подошел к кучке мужчин, стоявших в тени кактуса.

— Что так долго? — спросил его Уэйс.

— Мне было нужно перезарядить оружие, — ответил Хэйл. — Я как раз чистил его, когда приехал Сэм и сказал, что вы загнали Ренди в угол. — Он коснулся рукоятки бластера на поясе, затем поднял руку и достал сигареты из кармана куртки. Зажег спичку о торец рукоятки. — Зачем вы вообще вызвали меня? Почему вам было не вызвать Патруль?

Кто-то пошевелился в темноте, откашлялся.

— Патруль не станет вешать грабителя. Этого не будет, пока Патрулем командует Босс Рикко. Поэтому мы сами хотим позаботиться о нем. Красномордые требуют этого.

Хэйл молча взглянул над пламенем спички в направлении голоса.

— Восьми-десяти человек недостаточно, — умиротворяюще сказал Уэйс. — Нам подсказали, что он придет в этот храм. Мы поджидали его здесь, но он сумел проскользнуть мимо нас. Мы узнали об этом, только когда он застрелил охранника в храме, так как услышали выстрел. Мы предложили ему сдаться, но он же понимает, что красномордые сделают с ним, если возьмут живым.

— Почему вызвали меня? — повторил вопрос Хэйл.

— Ты знаешь эти древние водные храмы. Один узкий вход и никаких окон. Он не может выйти, это уж точно, но и мы не можем добраться до него, не потеряв кучу народа. — Уэйс тронул Хэйла за руку, Хэйл дернулся, и Уэйс, поспешно убрав руку, продолжил: — Ты же знаешь Ренди... лучше любого из нас.

— Мы вместе прилетели на Марс, — кивнул Хэйл. — Вместе начали работать, вместе заложили основы фермы. Но Ренди это не попра-

вилось. Он сказал, что на границе всегда можно зашибить легкую деньгу, и Марс в этом плане не исключение. Сказал, что предпочитает четырехствольную пушку мотыге.

— Он должен был подчиняться правилам, — добавил тот, который откашливался.

— Мы хотим, чтобы ты пошел и поговорил с ним, — твердо сказал Джордж Уэйс.— Ты был его лучшим другом. Он послушает тебя. Скажи, что у него нет другого выбора.

— Я так и думал, — сказал Хэйл.

Он повернулся и посмотрел на храм, приземистый, белеющий во мраке. Дверной проем был высоким, узким и мертвенно-черным, и за ним — темнота, в которой скрывался Ренди с пушкой. И он был в отчаянии. Отвернувшись, Хэйл уловил слабый неприятный запах и понял, что где-то поблизости сидит на корточках марсианин, желающий проследить, чтобы все было сделано, как надо.

— В прошлом году сотня храмов лишилась своих камней-двойников, — сказал Уэйс.— Нашим красномордым это надоело. Корпорация слишком занята изменением климата, чтобы разбираться с мародерами, а Патруль берет свою долю с награбленного деньгами и женщинами. Половина законников слишком занята, другая половина продалась, а мы торчим между ними. У красномордых кончилось всякое терпение.

— Мои красномордые тоже готовы встать на тропу войны, — кивнул Хэйл.— Ладно. Значит, Ренди выбрали козлом отпущения. Тогда расслабьтесь и возьмите его измором.

— Они хотят его получить сегодня же вечером. Мы обещали...

— Ладно, тогда идите и возьмите его сами. Черт, лично я ничего не обещал! И будь я проклят, если буду рисковать своей шеей...

— ...обещали доставить его в *бакус*, — настойчиво продолжал Уэйс.— Мы в тисках, Хэйл. Жрецы Ихраи грозят сотворить тут вторую Зеленую Долину, если мы не приведем к ним Ренди. Рассвет был назван крайним сроком.

Хэйл помнил Зеленую Долину. Это было ужасное, кровавое воспоминание. Зеленая Долина была одним из самых первых и самых больших фермерских поселений на Марсе. Однажды ночью, по каким-то непонятным причинам, в которых власти не разобрались и по сию пору, марсианские рабочие перерезали глотки двум сотням землян и скрылись в красной пустыне. Жрецы Ихраи послали извинения, одновременно заверяя власти, что была соответствующая провокация. И власти, испугавшись за шестьдесят тысяч колонистов, признали, что провокация, конечно же, была, и что погибшие сами виноваты в этом.

Хэйл подумал о том, в каком противоречии находятся здесь личная дружба и выживание. Большинство из этих людей, прятавшихся

в тени, были его друзьями. Он работал бок о бок с ними, сидел рядом с ними теплыми вечерами на заднем крыльце, обсуждая проблемы марсианской геохимии. Он гулял с ними на вечеринках в Фёрстпорте. Их жены были подругами его жены. В то время, как Ренди...

Ренди ушел пять лет назад. Ренди повесил ему на шею тридцать акров засеянной земли, когда Хэйл отчаянно нуждался в рабочих руках. Ренди бросил девушку по имени Сюзанна, которая ждала его в Нью-Чикаго на другом конце Марса, с сыном на руках, о котором он и не подумал позаботиться...

— Ждите здесь, — мрачным голосом сказал Хэйл и выбросил сигарету.— Посмотрю, что тут можно сделать.

ХРАМ был шестиугольный и совершенно темный, не считая облицовки из местного мрамора, мерцающего под тусклыми серебристыми лучами Фобоса, проникающими через черный дверной проем.

Хэйл остановился в нескольких шагах от двери и позвал:

— Ренди, это я, Хэйл. Не стреляй. Я пришел поговорить с тобой.

— Входи, Хэйл, — голос Ренди был тихий и странно отражался от стен храма.— Я выиграл пари с самим собой, что они пойдут на переговоры.

Хэйл шел медленно, и при каждом шаге его опущенная рука касалась рукоятки бластера. И снова он ощутил какую-то нелепость от того, что должен бояться, что Ренди застрелит его. Пять лет назад Ренди был тощим юнцом с хитрыми глазами, раздражительным, но не жестоким. Но последние пять лет он провел в городах, расположенных вдоль каналов, в дымных, прокуренных барах, где за монету можно купить выпивку или что покруче, в том мутном потоке, что есть в любом городе и называется городским дном... И вот теперь он докатился до грабежей и убийств...

Хэйл почувствовал, как по спине течет холодный пот. Бластер оттягивал пояс.

Дойдя до дверного проема, он остановился, зная, что спрятавшиеся позади мужчины наблюдают за ним. Ждут, убьет ли он меня, подумал Хэйл. Возможно, он уже превратился в законченного убийцу. Парень, парень, зачем тебе все это? Почему ты не улетел с Марса, когда я тебе посоветовал?

— Заходи, — раздался гулкий в пустом храме голос.— Я не буду стрелять в тебя, Хэйл.

Голос был слишком тихий, чтобы по нему можно было определить, где стоит говоривший. Стена была футов шесть толщиной. Хэйл шоркнул плечом по гладкому мрамору, когда входил в черный проем. Он сделал три шага, и кончики пальцев, которыми он

касался стены, ощутили пустоту. Стена кончилась, он был внутри. Хэйл двинулся вперед мелкими шагами. Он знал внутреннее расположение храма— пять шагов по спускающейся канаве, в которой когда-то текла драгоценная вода, и три по полу собственно храма. Его каблуки громко стукнули пять раз, и Хэйл остановился в темноте, ожидая.

— А ты погрузнел, Хэйл, — раздался голос Ренди.— Или на тебе толстая куртка?

Тон был веселый, но голос звучал по-прежнему тихо.

— И то, и другое, — сказал Хэйл.

Сделав еще шаг вперед, он увидел, как на полу храма появилось чуть заметное пятно лунного света, и понял, что теперь он в тени и Ренди больше не может видеть его.

— Уэйс просил тебе передать, — продолжал он, — что сопротивление бесполезно.

— Джордж здесь, да? Мне казалось, что я узнал его голос. Интересно, кто выдал меня им? Наверное, у меня есть на каналах враги.

Удивительно, но в темноте вдруг вспыхнула спичка, и оранжевый огонек сигареты осветил губы Ренди. Он стоял у стены, с пушкой в одной руке. Пару раз затянулся, и разгоревшаяся сигарета превратила его лицо в подобие маски с черными провалами глаз, которые уставились на Хэйла.

Проморгавшись, Хэйл увидел, что Ренди почти не изменился. Он был таким же темноволосым и стройным, но теперь его волосы спадали на меховой воротник куртки.

— Сколько их, Хэйл? Как ты думаешь, я смогу прорваться?

— По крайней мере, все кончится быстрее, чем если ты попадешь к красномордым, — ответил Хэйл.

Ренди сделал затяжку.

— Мой бластер заклинило. Они в любую секунду прижмут меня к ногтю, как только поймут это. Черт, мне остается лишь ждать.— Он поднял руку и посмотрел на свою пушку, держащая ее рука заметно дрожала.

— Я наверняка попал бы в тебя, но не хочу этого делать, — вздохнул Хэйл.— Пойдем со мной, Ренди. Ты рассчитывал на каре, но сегодня тебе сдали плохие карты.

РЕНДИ снова нервно затянулся сигаретой. Хэйл, осмотревшись, увидел у стены темную массу, наверное, мертвого стражника. Его меховая одежда была черной. Слепые впадины на черепе Лхари, растянутому на стене подобно летучей мыши, тоже были черными.

— Я не хотел стрелять в красномордого, — Ренди медленно убрал бластер в кобуру.— Я треснул его, но у него оказалась слишком твердая башка. Он бросился на меня с ножом, пока я выковыривал кам-

ни-двойники из идола. Почему он не мог просто полежать? Я не хотел никого убивать.— Его глаза уставились на Хэйла, и сейчас в них светился страх.— Ты говорил мне, что я должен улететь с Марса. На прошлой неделе я, наконец-то, решился. Но у меня не было денег, поэтому я пошел к Рикко. Он никогда не дал бы мне взаймы, но сказал, что у него есть на примете турист, заинтересованный в хороших камнях-двойниках. Он сказал, что мне перепадет пять тысяч. Он сказал, что в этом храме как раз есть нужная парочка, и...

Ренди внезапно замолчал, его молодое лицо отвердело и сразу стало выглядеть на десяток лет старше.

— Чтоб Красные боги забрали этого Рикко!— выдавил он из себя.— Это же он донес, что я приду сюда... Значит, он хочет убить меня из-за девчонки, проклятье на его черную душу!

Он отскочил от Хэйла, гнев исказил его тонкие губы. Хэйл молча ждал в темноте, и Ренди вернулся, тщательно разгладил сигарету, которая смялась, когда он стиснул кулаки.

— Почему я сразу это не понял?— прошептал он.— Мне же говорили, что он охотится за моей шкурой...

Хэйл хотел было что-то сказать, но Ренди внезапно схватил его за руки, и в ноздри Хэйла ударил крепкий запах ликера.

— Хэйл, ты должен мне помочь. Я хочу улететь с Марса. Ради этого я пошел сюда. Это мое первое убийство. Да, я плывал по каналам и освобождал от лишнего груза кое-какие лодчонки, но это мое первое убийство...

— Я пришел, чтобы попытаться помочь тебе, Ренди, — сказал Хэйл.— Если ты выйдешь со мной, тебе будет легче.

Ренди отчаянно покачал головой.

— Боже мой, ты же не хочешь, чтобы они отдали меня краснокожим? Жрецы Ихраи могут много дней пытаться человека, не давая ему умереть...

— Я не смог бы спасти тебя, даже если бы хотел, — с трудом произнес Хэйл.— Они ждут снаружи.

Ренди со свистом вздохнул сквозь стиснутые зубы.

— Просто останься здесь, а я выйду. Они не станут стрелять, подумают, что это— ты. Твой «жук» далеко от храма?

— Они, практически, засели возле него.

— Тогда я могу уйти в пустыню. В темноте на это хорошие шансы. Я могу пойти напрямик вдоль Копратов к Фрайпорту, и...

— Нет, Ренди, — покачал головой Хэйл.

Ренди тихонько рассмеялся, и в этом смехе прозвучало прежнее знакомое безрассудство, но оно не смогло скрыть страх.

— Ты поможешь мне, Хэйл. Когда у меня что-то не получалось, ты же всегда говорил мне— начни сначала в другом месте. На Венере есть много работы. Возможно, я смогу улететь туда зайцем. Клянусь,

я улечу туда, если только ты позволишь мне выйти через эту дверь.

— На Венере тоже есть городское дно.

— Я завязал с этим. Поэтому помоги мне!

— Ты убил красномордого.

— Но он пытался убить меня. Он знал, что я вооружен. Так что же мне оставалось делать? Это всего лишь красномордый...

— А что делать с Джорджем и остальными? Мне придется как-то объясниться с ними.

— Они найдут тебя на полу с шишкой на голове. У них ничего не будет против тебя.— Ренди протянул к нему руки.— Тогда уж лучше убей меня сам... прямо сейчас... Только не отдавай красномордым.

ХЭЙЛ почувствовал замешательство. Все это походило на прежние времена, когда Ренди всегда шел своим путем. Само переселение на Марс было идеей Ренди, он настоял на ней, и Хэйл стал на Марсе преуспевающим человеком. Возможно, нужно дать Ренди шанс вырваться отсюда, подумал Хэйл. В конце концов, пять лет— не такой уж долгий срок. Он устало вздохнул.

— Ладно, попробуй воспользоваться этим шансом. Удачи. Только отдай мне камни-двойники, Ренди.

Ренди испустил долгий вздох и уставился в потолок храма, словно мог увидеть в его черноте далекую Венеру. Потом достал из кармана сверкающие камни.

— Я надеялся, ты забудешь про них, — сдавленно проговорил он.

Хэйл почувствовал в руке их тяжесть и сказал:

— Пока!

— Еще одно, дружище, — странным голосом сказал Ренди.— Мне будет нужно оружие. Ты ведь дашь мне свой бластер? Все решат, что я отобрал его.— Он протянул руку, вынул бластер Хэйла из кобуры и поднес зажженную сигарету к диску на его торце.— Полностью заряжен. Ну что ж, наверное, мне понадобится каждый выстрел... — его глаза встретились с глазами Хэйла, и было в них что-то мутное и неопределенное, — ...для тех ублюдков снаружи. Я должен им кое-что за сегодняшний вечерок. Ну... — Он шагнул к Хэйлу, взяв бластер за ствол и изготовившись для удара.

Не успев ничего подумать, Хэйл увернулся. Камни-двойники со стуком упали на пол.

— Стой, Ренди! Ты обманывал меня с самого начала... Не думаю, что я дам тебе смыться.

Усмешка Ренди застыла, и Хэйл понял, почему — Ренди было стыдно.

— Понятно, — сказал Ренди.— Я ждал, что так будет.— И опустил свое оружие по приготовленной дуге.

Хэйл попытался поднырнуть под него, но у Ренди было преиму-

щество. Бластер скользнул по голове Хэйла. В отчаянии он выбросил руку вперед и отбил запястье Ренди. Темноту храма внезапно расколола молния, а тишину— удар грома. Бластер стукнул о каменный пол, из темноты послышалось проклятие Ренди.

— Черт побери, Хэйл, что ты наделал! Теперь я не смогу...

Он замолчал, и Хэйл остался наедине с болью, стучавшей в висках.

Затем он услышал стук каблуков, когда Ренди спрыгнул в канаву,

"I know," Randy said, "I was waiting for that," and he brought the gun down in a calculated arc.

полого поднимавшуюся к выходу, а затем оттуда раздался рев бластера и невыносимо яркий свет, заигравший на каменных крыльях изображенного на стене храма Лхари, и вопль человека, охваченного пламенем.

Хэйл поднялся на ноги и устало прислонился к стене, в голове его пульсировала боль и один-единственный вопрос: понял ли Ренди хотя бы в последний момент, каким безжалостным он стал? Жизнь была достаточно дешева здесь, в красном мире, где в глазах у вас всегда могут завестись красные жучки, а красные животные могут проглотить вас целиком или убить плевком слюны, и во что здесь превращаются хорошие люди, вынужденные вести борьбу за жизнь с инопланетными тварями и своими соплеменниками. И если появляется здесь человек, готовый ради сиюминутной выгоды всадить

тебе нож в спину, от него нужно избавляться быстро и беспощадно, потому что он страшнее любых здешних тварей.

Хэйл глубоко вздохнул. Он понадеялся, что Ренди не из таких, но ошибся. Жизнь Ренди уже была отмечена кровью в этом храме, и эта кровь потянулась бы за ним на Венеру или всюду, куда бы он ни полетел. Поэтому нужно было убить его сейчас. Лучше уж сразу, подумал Хэйл, чем гоняться потом за ним долгие годы...

— Мы достали его, Хэйл, — раздался из темноты голос Джорджа Уэйса.— Тебе здорово прилетело?

Хэйл потер череп и ответил:

— Ничего такого, с чем я не смог бы справиться.

Он имел в виду боль в голове. Нужно было дать поработать времени, чтобы стереть другую боль, угнездившуюся гораздо глубже.

(Planet Stories, 1951, № 9)

WORLDS OF SCIENCE FICTION

MARCH 1952

35¢

if

TWELVE TIMES ZERO

By Howard Browne

Also Roy Palmer • Richard Shaver • Rog Phillips • Ted Sturgeon

РОГ ФИЛЛИПС

ДРЕВНИЕ МАРСИАНЕ

ЧЕЛОВЕК в тропическом пробковом шлеме стоял спиной ко мне. Чуть пригнувшись и подавшись вперед, он командовал девушке, глядя в камеру:

– Только не стой, Дотти! Подвигайся! Что-нибудь делай! Подойди вон к той колонне с надписями...

Девушка была высокой и длинноногой, с прекрасными пропорциями фигуры и идеально гладкой кожей. Но она казалась смущенной и даже испуганной, пока старалась выполнить указания человека с кинокамерой. Искусственно улыбнувшись, она повернула голову к стене позади, потянулась и провела пальцем по почти стертой надписи на камне.

Камера перестала трещать. Владелец ее выпрямился и поворчал:

– Вот и все...

Но девушка не перестала волноваться. Она окинула взглядом толпу, не увидела того, кого искала, и пошла к арке, ведущей вглубь руин.

Я медленно последовал за ней.

Пройдя через арку, она остановилась и повернула голову направо, явно выискивая что-то. Очевидно, нашла, но тут заметила меня и встревожилась еще сильнее.

Когда она попятилась, скрываясь в толпе, я небрежно прошел через сводчатый проход. Точнее, это был лишь намек на проход, потому что верх его исчез примерно полмиллиона лет назад. И футак в двадцати, не видя ничего, кроме того, что было прямо перед ним, стоял человек.

Его рост и телосложение были немного меньше среднего, но мое внимание привлек его профиль. В нем чувствовался какой-то атавизм, ярко выраженный атавизм.

Наверное, он мог бы служить моделью в учебниках о разных категориях британцев. Сходство было едва заметным, неуловимым, лишь тренированный взгляд мог заметить его.

Я целиком сосредоточил на нем внимание. Когда его руки двинулись, то локти при этом странно порхали, создавая впечатление птички. И так же от очертания его худого тела оставалось впечатление неловкости, а не кошачьей грации и изящества. И в сочетании с остальными чертами это утверждало его психодиагноз.

В прошлом, лет десять тысяч назад, если верить учебникам, люди были психически нестабильны. Поэтому нечего удивляться, что девушка по имени Дотти все время выглядела взволнованной.

И она появилась с противоположной стороны развалин и подошла к человеку, за которым я наблюдал.

Он не увидел, а как-то ощутил ее и выпрямился, при этом каждое его движение выказывало волнение.

— Дотти! — сказал он. — Я нашел его. Я нашел доказательство. Я был здесь раньше, тысячи лет назад, когда это еще не были развалины. Я помню.

Во всем облике девушки появилось утомление.

— Пожалуйста, Херб! Забудь обо всем. Ты слишком много об этом говоришь!

Плечи его напряглись.

— Не волнуйся. Я никому не скажу, пока у меня не будет достаточно доказательств, чтобы убедить их. Где-то здесь что-то похоронено. Что-то, о чем я смогу вспомнить. И тогда произведу раскопки в том месте, где камни никто не трогал пять тысяч лет и найдут то, о чем я расскажу.

— Нет, Херб, — покачала головой Дотти. — Если бы это было на Земле, я бы еще могла тебе поверить. Но не здесь, на Марсе. Они... они даже не были гуманоидами!

— Я тоже, — хрипло прошептал Херб.

Я с сожалением вздохнул. Я уже видел слишком много подобных случаев. Я давно уже взрослый, чтобы бояться их. Но это была моя работа, а человек должен зарабатывать себе на еду.

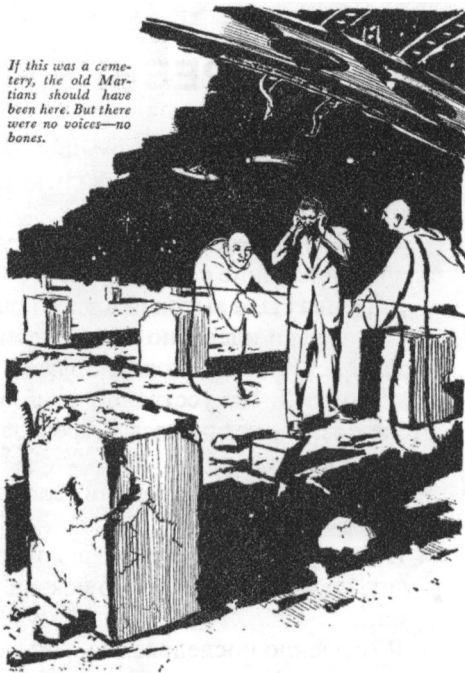
ГИД ПОГНАЛ туристов обратно в автобус. Я смешался с толпой и, когда Дотти и Херб поднялись на борт, мне удалось сесть неподалеку от них.

— А вы двое где были? — закричал со своего места человек в пробковом шлеме. — Держитесь поближе ко мне. Я зарядил в камеру новую пленку. На следующей остановке хочу снять вас обоих.

— Хорошо, Джордж, — послушно ответила Дотти.

Они с Хербом вынуждены были сесть порознь, и, поскольку они все равно не смогли бы беседовать, я поочередно изучил всех троих. Человек в пробковом шлеме, которого звали Джордж, был самым

If this was a cemetery, the old Martians should have been here. But there were no voices—no bones.

обыкновенным и плевать хотел, как на него смотрят окружающие, пока он занимается своим любимым делом.

Экскурсионный автобус поехал в обход центра древнего города, вероятно, из-за опасности возможных обвалов, и следующую остановку сделал в северной части развалин, которые напоминали древнее кладбище на Земле. Единственным существенным отличием от них было то, что под равномерно расположенными камнями не было ничего найдено. Так что археологи сомневались, что здесь было кладбище. Однако, гид решительно назвал его так. И его слова, когда автобус остановился, оказали явное воздействие на Херба. Он снова начал делать свои порхающие движения локтями и с торжествующей улыбкой озиаться в поисках Дотти. Я быстро пошел вперед, чтобы держать его в пределах слышимости.

Он стал возражать, когда Джордж хотел начать съемку, но быстро сдался и постарался, чтобы съемка побыстрее закончилась.

Наконец Джордж выключил камеру. Херб пробормотал что-то Дотти, чего я не услышал, и они пошли по переулку между рядами камней, словно преследовали какую-то определенную цель.

Мне было трудно следовать за ними, когда остальные туристы остались позади. Это было бы слишком очевидно. Вместо этого я свернул за угол, решив, что, когда они дойдут до места своего назначения, я сумею издали прочитать их разговор по губам.

Оказавшись вне поля зрения основной массы туристов, я достал бинокль и настроил его. Мне повезло. Интересующая меня парочка остановилась не слишком далеко.

— Это вовсе не кладбище, — заявил Херб, сопровождая свои слова решительными движениями рук. — Здесь была стоянка, и вот камень, где я припарковывал свой аэроглайдер. Я прекрасно помню это, словно все было вчера.

Я восхитился подсознанием этого человека. Он высказал удивительно проницательное предположение. Специалисты вряд ли согласились бы с ним, но они, вероятно, не смогли бы и доказать, что он был не прав. Но Дотти тут же пустилась в спор.

— Чем ты можешь доказать, что это была стоянка? — спросила она, блуждая взглядом по расставленным с равными промежутками плоским камням. — Это выглядит совершенно непрактичным для автостоянки.

— Мне все равно, практично это или нет. Жаль, у меня нет лопаты. Я, кажется, вспоминаю, что закопал что-то возле своего камня. Если бы я смог это найти, это доказывало бы, что я действительно помню.

— Почему ты не бросишь все это? — умоляюще воскликнула Дотти. — В конце концов, даже если это и так, то какое это имеет значение теперь?

— Это имеет значение для меня. С тех пор, как мы прилетели сюда,

я увидел много знакомых вещей. Слишком знакомых, чтобы быть простыми совпадениями. Я никогда раньше не испытывал таких ощущений. Я всегда считал перевоплощения древними суевериями, так же, как и все остальные. Но больше я так не считаю. Теперь я знаю. Я жил здесь в ту пору, когда все вокруг было живым.

— Но почему ты не можешь этим удовлетвориться? — спросила Дотти. — Да, ты оказался прав, и пусть дальше все идет своим чередом. — Я боюсь, что с тобой что-то сделают, когда узнают, что ты думаешь.

— Ха! — фыркнул Херб. — Я чувствую, что смогу все доказать еще до того, как мы покинем Марс. Где-нибудь в этом городе есть что-то такое, о чем знаю только я. Это закопано где-то под камнями, не тронутыми с тех пор, как человек впервые ступил на эту планету. Я еще не знаю, что это такое, но я вспомню — обязательно вспомню. И тогда я заставлю всех выслушать меня. Они начнут копать и найдут то, что я сказал, в том месте, которое указал я. Вот подожди и увидишь...

— Они запрут тебя, милый, — сказала Дотти. — Тебе не поверят.

Гид дал сигнал, чтобы все шли в автобус. Я видел, как Херб отчаянно хмурится на каменный указатель, затем открывает рот, чтобы что-то сказать, но тут он отвернулся, и губы его оказались вне поля моего зрения. Я с сожалением убрал в карман бинокль и пошел к автобусу.

Я ЗНАЛ, КУДА мы поедем дальше, и слегка беспокоился. Хербу и Дотти удалось сесть рядом, а я занял место позади них, где мог все слышать. Но они сидели молча.

Автобус выехал из древнего города и помчался по пустыне к одной из немногих построек на Марсе, которые без потерь противостояли разрушительному действию времени. Огромный купол из прочного бетона, армированного прутьями из меди, которая была тверже стали. Марсиане знали то, что земная цивилизация узнала лишь совсем недавно: простая медь не бывает закаленной, но чистая медь становится закаленной сама по себе через тысячу лет.

И этот громадный купол был набит сотами их комнат и переходов, многие из которых были закрыты для туристов. Это было очень удобное место для Херба.

Автобус остановился. Все вышли и усталились на гладкую поверхность купола, особенно на те места, где виднелись прутья арматуры, блестящие, словно золото.

Два охранника тоже вышли, чтобы оберегать туристов. Я поймал взгляд одного из них и кивнул на Херба. Охранник понял, сказал что-то напарнику, и теперь оба они были предупреждены, что за Хербом стоит понаблюдать.

Я чувствовал себя лучше, зная, что не один я слежу за ним. Возможно, было бы умнее задержать его прямо тогда. Но это было бы на глазах у остальных туристов и могло повлечь за собой неприятности.

Гид повел процессию по проходу внутрь купола, а оба охранника шли позади, следя, чтобы никто не отстал.

Я пропустил вперед трех-четырёх человек, чтобы Херб ничего не заподозрил. Дотти шла рядом с ним, явно взволнованная. И он был тоже взволнован больше, чем в предыдущих местах. Он весь дрожал, его взгляд лихорадочно бегал по стенам.

Волнение Дотти тоже усиливалось, особенно после того, как он пару раз что-то прошептал ей на ухо.

Гид вел туристов обычным путем. Прямо в купол с остановками в полудюжине небольших комнаток, потом к лифтам, находящимся в самом центре, и на них вверх, на крышу, где была смотровая площадка, с которой можно было наблюдать многие мили раскинувшейся вокруг пустыни с развалинами. Затем вниз на второй уровень, зигзагом через другие помещения и, наконец, вниз по лестнице к тому месту, где начался тур.

Я не спускал глаз с головы Херба. По голове можно много чего сказать о человеке. Сначала его голова вертелась из стороны в сторону, что указывало, что он полон любопытства. Я ждал внезапного напряжения головы, когда она застынет, направленная на одно какое-то место, что указало бы на то, что у человека пробудились какие-то воспоминания.

Я чуть было не пропустил, когда это произошло, потому что это случилось между глухими стенами прохода. Короткая пауза, и Херб пошел дальше, словно ничего не произошло.

Но теперь его голова перестала вертеться из стороны в сторону. Теперь это была голова человека, которому больше ничего не любопытно — человека, который на что-то решился. И мне это не нравилось.

И когда группа снова появилась на открытом месте без Херба, я знал, что он собирается в скором времени вернуться сюда.

Прежде чем сесть в автобус, я написал в общественном туалете записку охранникам, чтобы они исследовали место между 14 и 15 коридорами на первом уровне, и, входя в автобус, сунул ее одному из них.

В этой поездке мы посетили еще четыре места. Херб не проявил к ним никакого интереса, что усилило мою уверенность, что он уже выбрал, куда вернется.

В ОТЕЛЕ «Древний город» я подал условный знак, и за Хербом и Дотти стали следить другие сыщики, а я мог спокойно пройти к себе в номер.

Оказавшись там, я связался с куполом. Они собирались в указанном мною месте просветить стены рентгеном и обещали позвонить мне, когда все будет сделано. Затем я набрал номер шефа Безопасности и дал ему устный отчет. Я еще не закончил, когда меня прервала оператор.

— С вами хочет поговорить Стив Меррит, — решительно сказала она.

— Сделайте трехстороннюю связь, — распорядился я.

— Вы срочно нужны мне, Джо, — раздался голос Стива. — Этот парень Херб и его жена только что покинули отель.

— Шеф тоже слушает нас, — предупредил я его. — Они дали какие-нибудь намеки на то, куда направляются?

— Сначала на кладбище. За обедом он украл пару ножей и вилок. Возможно, ему нужно оружие.

— Очень сомневаюсь насчет этого, — ответил я. — Но думаю, его пора брать. Слишком уж он активен.

— Минутку, — вмешался шеф. — Джо, вы должны догнать их. Приединитесь к ним и начните игру. Скажите этому Хербу, что подслушали его разговор и понимаете, что происходит. Завоюйте его доверие, если сумеете.

— Это довольно опасно, — заметил я. — Этот парень...

— Это приказ, — отрезал шеф. — Стив, вы раскинете сеть, чтобы, в случае чего, мы сумели остановить их.

На этом беседа закончилась. Приказ есть приказ. Но мне этот приказ очень не нравился.

Я подошел к столу, достал из него трубку парализатора, но, подумав, положил ее обратно. Я должен играть свою роль, а парализатор мог выдать меня как агента. Оружие должно быть у Стива и остальных.

В вестибюле я увидел нетерпеливо ждущего Стива. Ему все это тоже не нравилось.

— Шеф, как всегда, в своем роде. Он играет с огнем.

— Мне кажется, я знаю, чего они хотят, — сказал я. — Они хотят позволить ему зайти достаточно далеко, чтобы мы поняли, какая в этом опасность. И я надеюсь, что при этом никого не убьют. Можно было бы просто найти Херба и вообще не пустить его туда. Подозреваю, что про него знали с самого начала и позволили ему прилететь на Марс, чтобы провести свой проклятый эксперимент. Но сейчас нельзя оставлять его одного.

Мы уже были снаружи. Кругом ни души. Солнце только начало садиться, но в тот момент, когда оно совсем зайдет, ночь мгновенно станет чернее смоли, даже если появится одна из лун.

— Я буду наготове с группой безопасников, — заверил меня Стив. — Сейчас они в храме, наверное, ждут, когда стемнеет. — Он усмех-

нулся. — Удачи!

В его тоне смешались усмешка и беспокойство.

Я достаточно легко нашел их в развалинах храма и подошел в открытую.

— Привет, — сказал я. — Так и думал, что найду вас здесь. Хочу присоединиться к вам. Я заинтересовался.

— Что вы имеете в виду? — голос Херба был враждебен и полон подозрений.

— Помните меня? Я был днем с вами на экскурсии и случайно подслушал вас. Это было бы нечто, если бы можно было доказать переселение душ.

— Вы верите в переселение душ?

— Не знаю... — Я нахмурился, словно осторожничал, затем сложил губы в обезоруживающую улыбку. — Поскольку вера в это официально классифицирована, как безумие, то нет.

Это было хорошее заявление. Оно могло подразумевать, что все же я верю, и Херб должен был это понять. Он поверил мне. А Дотти — нет.

— Почему ты думаешь, что он не агент? — тревожно спросила она Херба.

— Если бы я был фликом, то разве не арестовал бы вас еще в гостинице? — спросил я.

Это ее слегка успокоило, но полностью не удовлетворило.

— Так или иначе, — продолжал я, — если вы собираетесь что-то выкапывать, то лишний свидетель вам не помешает. Это ведь вы и хотите, не так ли? Доказательство, которое развеет последние сомнения?

— Верно, — кивнул Херб. — И вы поможете мне копать.

— Отлично, — сказал я.

Все было улажено. Мы представились, затем замолчали и стали ждать захода солнца. Ждать предстояло не долго.

СЕЙЧАС, В ТЕМНОТЕ, это место походило на кладбище куда больше, чем при ярком дневном свете. Мы шли вдоль ряда каменных глыб. Херб шагал целеустремленно. Дотти держалась поближе к нему, все еще с подозрением косясь на меня. Я тащился на полшага позади.

Наконец, Херб остановился возле одной из глыб.

— Это здесь, — тихо сказал он.

Я прищурился на камень, затем на Херба. Это было не то место, которое он выбрал днем. Он что, перепутал?

Если и так, то он был хорошим актером. Он достал один из обеденных ножей, присел на корточки и стал исследовать почву, ища место, где можно было копать вручную.

Я наблюдал, как он роет, иногда сменял его, но мы ничего не нашли. Наконец, Херб поднялся на ноги с покорным вздохом.

— Считайте, что я был неправ, — сказал он.

— Бедный Херби, — протянула Дотти.

— Да, бедный Херби, — повторил Херб, всем своим видом показывая усталость и смирение с поражением. — Мне жаль, что я зря взволновал вас, Джо. Наверное, вы ожидали чего-то большего. — Он повернулся к Дотти. — Раз уж мы здесь, то давай прогуляемся. Ты не против?

Это была самая искусная ложь, какую я когда-либо слышал. Прямо-таки талантливая ложь. Я встал перед выбором: убираться отсюда или обвинить его во лжи.

— Наверное, я вернусь в отель, — бодро сказал я. — Увидимся утром.

Я пошел тем же путем, каким мы пришли сюда, пока не убедился, что они не могут меня увидеть или услышать. Тогда, пригнувшись у одной из каменных глыб, я стал ждать и через несколько минут услышал осторожные шаги.

— Джо, это я, Стив.

— Понял, — проворчал я. — Что они делают? Они дали мне отлуп.

— Я все записал на пленку, — сказал Стив. — Что нам теперь делать, брать их или еще подождать?

— Я думаю, стоит еще немного поиграть. Не хочу, чтобы К.И. подумал, что мы испугались.

— Хорошо, — сказал Стив. — Но следующие похороны, на которых мы окажемся, могут быть нашими собственными.

— Да, — кивнул я, — могут быть.

Я шел в темноте, не включая свой фонарик черного света, но не снимая очков, чтобы увидеть фонарик Херба, если подойду достаточно близко.

Сначала я пошел к месту, где мы почти час занимались раскопками. Затем постоял и отправился туда, где Херб с Дотти были днем. Я точно помнил, где это было.

Рукой я касался каменной глыбы, а когда она кончалась, шарил в темноте в поисках следующей, так как они были единственными моими проводниками.

Но попутно я еще и размышлял. Херб сказал, что это была стоянка аэроглайдеров задолго до того, как на Земле появился человек, в те времена, когда этот город был еще жив. И, вероятно, Херб был прав. Анализ показывал присутствие частичек меди и алюминия на поверхности некоторых каменных глыб, которые могли остаться, если на них приземлялись воздушные машины.

И еще я думал над тем, что именно он хотел выкопать. Даже если это было бы какое-то оружие, то через столько тысячелетий оно бы не могло быть работоспособным. Не могло! Или все же могло?

Слишком мало вещей осталось от древней марсианской цивилизации, очень мало, но все же достаточно, чтобы мы убедились, что они знали то, что мы пока даже не открыли. Они были мастерами по созданию машин без движущихся частей. Электронные устройства, которые мы нашли, доказывали, что о кибернетике они знали гораздо больше нас.

Я понимал, к чему стремился шеф. Мы понятия не имели, что искал Херб. И было бы проще всего позволить ему найти это, а потом отнять у него, прежде чем он начнет пользоваться своей находкой. Если это было оружие.

Но вероятно, это было оружие. Я был вполне уверен, что главная цель скрыта в стене купола, а какая-то вещь на кладбище поможет ему добраться до нее.

Мои мысли вернулись к действительности. Я находился меньше, чем в дюжине футов до того места, где должны быть Херб и Дотти. Я остановился. Не было ни малейшего следа черного света. Я задержал дыхание и прислушался. И услышал слабое скрежетание ножа о камень.

Я СТРАСТНО пожалел, что у меня нет инфракрасных очков из стандартного набора агента, с помощью которых я мог бы все увидеть. Стив, вероятно, видел больше, чем я. Я рассчитывал наблюдать за Хербом в свете его фонарика черного света, но он работал в темноте.

Я медленно, дюйм за дюймом, стал продвигаться вперед, мои уши были готовы уловить самый малейший звук, который подскажет, что он нашел искомое. И миллион мыслей роился у меня в голове, мыслей о последних открытиях в области атомной энергетики и о том, как все же мало нам известно о древней марсианской цивилизации.

Одновременно я представлял, что сделает Херб. Он найдет то, что ищет. Как-то выразит торжество от своего успеха. Дотти может забыть его строгие предупреждения о необходимости хранить молчание и что-то скажет. Независимо от этого он медленно встал бы, держа свою находку и вспоминая, что это такое и как действует. Оставалось несколько секунд до того, как эта штука в его руках стала бы оружием, секунд, которые я должен быть готов использовать на всю катушку.

— Есть!

Это был торжествующий возглас, которого я ожидал. И внезапный страх заставил меня отбросить все набросанные планы действий.

Я зажег свой фонарик, поставив его на полную мощность. Одновременно я сказал:

— Я так и думал, что это была уловка, чтобы избавиться от меня.

Меня спасла секунда удивленного замешательства. Сцена, которую озарил черный свет, отпечаталась у меня в памяти. В руке у

Херба был какой-то предмет. Станный, бессмысленный предмет, весь в земле, но все же определенной формы. Он чуть покачивался в его руке, точно оружие, и был направлен почти что точно на меня.

Я уронил фонарик и бросился Хербу в ноги, чувствуя, как странно потрескивает воздух там, где я только что стоял. Мои руки уже схватили его за ноги, когда я услышал гром.

У тренировок есть свои преимущества. В тот момент, когда я вошел в соприкосновение с Хербом, мое тело начало действовать автоматически. Я дернул его за ноги так, чтобы он упал лицом вниз, и завершил это движение крепким захватом.

Но этим занималась лишь часть моего сознания. Другая же часть застыла от ужаса. Примерно пол акра кладбища пылала. Я увидел, как Стив встал как раз на прицеле оружия Херба, и через краткий миг он уже рассыпался на кусочки, тая и испаряясь так же, как каменные глыбы и земля вокруг него.

Когда Херб падал, то выронил эту штуку, и она отлетела в сторону, и я пытался решить, что делать теперь. Но тут услышал бегущие шаги. Это были другие агенты Безопасности.

Через несколько секунд Херб был у них в руках. Дотти подняла руки вверх и зарыдала.

Я поднял штуку, которую выронил Херб, и застыл, боясь отпустить ее и боясь продолжать держать, так как не знал, что еще от нее ожидать. Но шли секунды, эта штука и не думала взрываться, и я постепенно стал думать о том, что, пожалуй, проживу еще немного.

В области разрушения уже все оплавилось. Жар от нее полыхал такой же, как от раскрытой доменной печи.

Мы поставили на ее границах охрану и направились к дороге, где светили огни ждущих нас машин.

Я увидел, как Дотти споткнулась, и поддержал ее за руку. Она взглянула на меня, узнала в свете лужицы пузырящейся лавы и попыталась выдернуть руку.

— Успокойтесь, — грубо сказал я ей. — Я ваш друг. Возможно, ваш единственный друг, который у вас здесь есть.

По ее глазам я понял, что она мне не верит, но, по крайней мере, она больше не вырывалась. Мы пошли дальше, и через какое-то время она вышла из умственного паралича.

— Херб был прав, — сказала она тихо, словно задавала сама себе вопрос. — Он действительно вспомнил.

— Это простое совпадение, — резко сказал я. — И не позволяйте себе думать по-другому. Он сошел с ума. Это известная форма безумия. Его отправят в хорошую психиатрическую больницу, и годика через два он выйдет оттуда, как новенький.

— Совпадение? — эхом отозвалась она, а затем засмеялась.

Это был смех, который быстро переходил в истерику. Я ткнул ее

пальцами в бок, чтобы боль привела ее в чувства.

— Совпадение, — подтвердил я. — И ничего больше. Я видел семнадцать таких же случаев. Как я, по-вашему, отыскал его? Я опознал его тип. Но никто из предыдущих не находил то, о чем, как им казалось, они помнили с тех времен, когда были марсианами. Рано или поздно кто-то из них должен был на что-то наткнуться. Это простое совпадение, а не переселение душ или воплощенные воспоминания.

Она отвернулась и прикрыла глаза.

— Да, я агент, — мрачно сказал я. — Я езжу в туристических турах с одной только целью — разыскивать психов и делать так, чтобы они никому не навредили. Вы бы удивились, узнав, сколько таких. Некоторые, как ваш муж, не проявляют признаков нестабильности, пока не прилетают сюда. Здесь они рыщут в развалинах цивилизации, существовавшей задолго до того, как на Земле появился человек разумный, и им окончательно сносит башню. Если хотите узнать побольше об этом, читайте книги по медицине. У них возникают иррациональные ложные воспоминания. Они получают новые впечатления и начинают глядеть на все под новым углом. И им кажется, что они вспоминают то, что было здесь раньше.

Я чувствовал, что она поддается моим доводам. Я хотел ее убедить. И я ее убеждал.

— Вы... Вы сказали, что были и другие, и что они ничего не нашли? — спросила она, пытаясь нащупать во всем этом какую-то логику.

И я должен был ей помочь.

— Совершенно верно, — сказал я. — По теории вероятности, кто-то когда-то должен найти что-то, что упустили все предыдущие.

Она задумчиво кивнула, соглашаясь с тем, что я говорил. Это звучало веско и убедительно. И она может найти подтверждение этому в солидных, авторитетных трудах. Если она захочет изучать этот предмет, то обнаружит, что существует множество доказательств, реальных доказательств моим словам. Это — обычная форма безумия. И было важно, чтобы она поверила в это.

Мы вышли на дорогу. Безопасность уже все подготовила. Там стоял автомобиль, чтобы отвезти ее в отель, и машина для перевозки арестованных для Херба, который был ошеломлен и покорно выполнял все, что ему велели, и третий автомобиль для меня и моей добычи.

ДЕСЯТЬ МИНУТ спустя я был уже в подвале Дома Науки и очень осторожно положил то, что нес, на деревянный стол. Эта штука казалась прочной, и все ее части были сделаны из различных металлов.

Никто из людей, наблюдающих, как я кладу ее, не преуменьшал ее опасность. Слишком много они знали о том, как электронные свойства металла могут менять форму и содержание предмета. Или наоборот. Они знали, что эта штука, скорее всего, не содержала ни эрга

собственной энергии, но, вероятно, могла вызывать и направлять космическую энергию, еще неизвестную человечеству.

Все устали на нее. Кто-то потянулся, чтобы прикоснуться к ней, но тут же медленно убрал палец.

Я видел по их глазам, как решение зреет у них в головах. Этот предмет должен храниться вместе с другими странными и непостижимыми машинами в бетонных хранилищах, расположенных в глубине марсианской пустыни, далеко от туристических маршрутов по этой мертвой планете. И они будут там до тех времен, когда человеческая наука продвинется достаточно далеко, чтобы разобраться в них.

— А что в стене купола? — спросил я.

— Ее наглухо отгородили. Просто из страха.

— Вы убедили его жену, что он сумасшедший? — спросил один из научных сотрудников.

— Я использовал все ту же старую стратегию, — кивнул я. — Сказал, что были десятки таких, как он, и убедил ее, что, по закону вероятности, хоть один из них должен что-то найти.

Мой собеседник усмехнулся совсем невесело.

— Как любим мы лгать.

Я отвернулся. Во рту у меня был привкус всей лжи, которую мне пришлось произнести сегодня — тяжкий груз.

Но я знал правду. По крайней мере, был уверен, что знаю ее. Конечно, это было не безумие. Но и не переселение душ. У нашего разума была привычка захватывать все, что попадает в него.

Правда была в том, что, так или иначе, но неким непостижимым способом марсиане все еще были среди нас. Они ненавидели нас и знали, как использовать наши слабости.

Древние марсиане — и их наука.

Я бросил последний взгляд на оружие, лежащее на столе, затем вышел и поднялся по лестнице на первый этаж. По тихому, пустому залу я прошел к выходу и окунулся в ночь.

Я дал взгляду вволю побродить по темной, безжизненной марсианской пустыне, затем с силой оторвал его и поглядел на тепло, простое человеческое тепло, манящее меня из гостиницы. Я пошел к этому теплу и уюту и, пока шел, в голове у меня вертелся все тот же извечный вопрос, преследовавший всех нас в Безопасности.

Сумеет ли мы сдерживать марсиан до той поры, пока не разберемся в их ужасных машинах, оставленных ими в качестве ужасного наследия?

Сегодня вечером мы чуть было не опоздали...

И еще я думал о Стиве.

(If, 1952 № 3)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ:

Ричард Уилсон [Richard Wilson] (1920 – 1987 г.г.). Жил в небольшом городке Хантингтон Стейшн штата Нью-Йорк. Опубликовал три романа и несколько десятков рассказов. На русский язык переведено всего четыре рассказа.

Джеймс Блиш [James Benjamin Blish] (1921 – 1975 г.г.). Этого автора представлять, я думаю, нет нужды. На русский он переводился еще с советских времен, много и успешно, как того и заслуживают его произведения. Еще многое осталось «за бортом» для наших читателей. Но я думаю, постепенно это положение будет исправлено.

Дж. М. Мартин [G.M. Martin]. Об этом авторе я, каюсь, ничего не нашел. В американской базе данных по фантастам нет даже даты его рождения и смерти, за ним числится лишь повесть «Город мертвых», которую я посчитал достойной для перевода.

Арнольд Фредерик Каммер-мл. [Frederic Arnold Kummer, Jr.] (1913 – 1990 г.г.) На русский у этого достаточно плодовитого автора переведена лишь повесть и два рассказа (один из них в моем переводе). Но повесть «Когда время сошло с ума», впервые изданная у нас в 1990 году, стала в то время весьма знаменитой и читаемой, поскольку была полна приключений, от которых воистину кружилась голова.

Джером Биксби [Jerome Bixby] (1923 – 1998). Весьма у нас известен. В советское время были переведены такие его шедевры (не побоюсь этого слова), как «Американская дуэль» и «Улица одностороннего движения». Были еще и переводы рассказов (а романов он и не писал вообще). Поскольку во всем своем творчестве у Биксби была заметна тематика вестернов, перенесенных то в будущее, то на другие планеты, то и помещенный здесь рассказ написан в таком же духе.

Рог Филлипс [Rog Phillips] (1909 – 1966). На русский переводился лишь один фантастический и один детективный рассказ. А автор, как мне кажется, весьма интересен. Как-нибудь я планирую поплотнее заняться его творчеством. Рассказ же «Древние марсиане» просто привел меня в восторг.

Андрей Бурцев

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
---------------------	---

НА ПУТИ К МАРСУ

Ричард Уилсон. УБИЙЦА С МАРСА.....	5
Murder from Mars	
(Astonishing Stories, 1940 № 4)	

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Дж. Блиш. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА МАРС. Роман	19
Welcome to Mars	
(G. P. Putnam's Sons, 1968)	
Дж. М. Мартин. ГОРОД МЕРТВЫХ. Повесть	105
City of the dead	
(Amazing Stories, 1950 № 1)	

ПОСЕЛЕНЦЫ

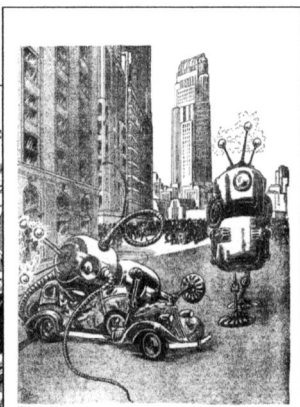
Арнольд Фредерик Каммер-мл. ЛЕГИОН СМЕРТИ.....	161
Legion of the Dead	
(Amazing Stories, 1939 № 11)	
Д. Б. Льюис (Джером Биксби). ВОЗМЕЗДИЕ НА МАРСЕ	181
Vengeance on Mars!	
(Planet Stories, 1951, № 9)	
Рог Филлипс. ДРЕВНИЕ МАРСИАНЕ.....	189
The Old Martians	
(If, 1952 № 3)	
Об авторах:	201

Читайте в
следующем томе:

«РОБОТ ЧУЖАКОВ»

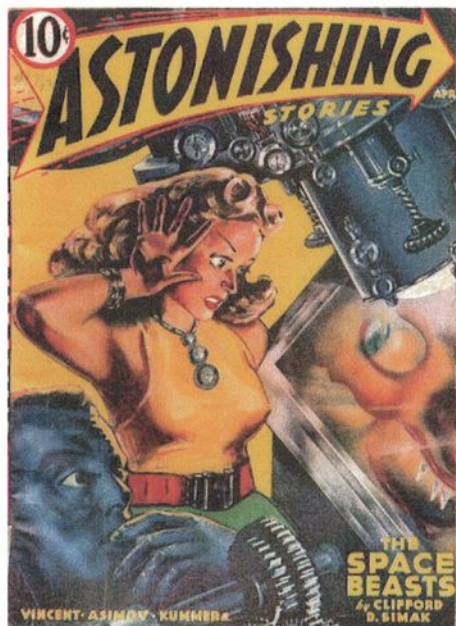
ЕЭНДО БИНДЕР

Your
Course
by the Stars
A story by
Eando Binder

JANOS GARIBAY his gaze far
reaching, in the still, cool, inner,
pulled himself to the platform low,
breathing a sigh of relief. He turned to
give a hand to the diminutive Professor
Oppenheimer, who has come up the ramp
and stands right a'fer him. With a
little nod, the professor, who is
the central figure, holding out to Janos's
strong, firm hand. Then they looked at
each other.

«ДЕТИ СОЛНЦА»
Добро пожаловать
на Марс